

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

3

2020

НАЧАЛО ВЕКА 2020/3

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
Выходит с января 2007 года

ИЗДАНИЕ ТОМСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Главные редакторы:
Геннадий СКАРЛЫГИН
Владимир КРЮКОВ

Редколлегия:
Геннадий АНКУДИНОВ
Дмитрий БАРЧУК
Александр КАЗАРКИН
Елена КИРИЛЛОВА
Елена КЛИМЕНКО
Галина КЛИМОВСКАЯ
Вениамин КОЛЫХАЛОВ
Николай СЕРЕБРЕННИКОВ

Адрес редакции:
634050, г. Томск, ул. Шишкова, д. 10.
Тел. 528-369.
E-mail: kryukov-49@mail.ru

Электронная версия журнала:
<http://lib.tomsk.ru>

При перепечатке материалов
ссылка на журнал «Начало века»
обязательна.

Мнения авторов не обязательно
совпадают с мнением редакции.

На обложке – работы молодых
художниц. **Анастасия Афанасьева**
«Деревянные дома» (линогравюра).
Арина Евстигнеева «Окно» (лито-
графия). Подробнее о них –
на странице журнала.

Журнал выходит при поддержке
Администрации Томской области

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

Владимир ВАСИЛИНЕНКО
Случай на лесосеке 2

ПОЭЗИЯ

Сергей НИКИФОРОВ 9

ПРОЗА

Татьяна ПРОКОПЬЕВА 16
Елена КЛИМЕНКО 19
Геннадий АНКУДИНОВ 24

ПОЭЗИЯ

Максим ХАЕРТДИНОВ 27
Кирилл ХАМОВ 30

ПРОЗА

Александр ТАРАЗАНОВ 34
Ольга ЧЕМЕРСКАЯ 43
Елена СИДОРЕНКО 48

ОН МЕЖДУ НАМИ ЖИЛ

Сергей МАКСИМОВ
Взаимодействие 52

МОСТЫ

Наши гости – поэты Санкт-Петербурга 66
Владимир КОЗУБОВ
История автографов 76

НА НАШЕЙ ОБЛОЖКЕ

Выставка «Один цвет» 94

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ

Владимир БЕЗХОДАРНОВ
О войне (и не только) 95

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЁБА

Студия «ЮГ» 105

ПАМЯТЬ

Альбина БИЙЧАНИНОВА 116

ВЕЛИКИЙ СИБИРЯК

К столетию со дня смерти Г. Н. Потанина 125
Григорий ПОТАНИН
Из переписки молодых друзей 126
Письмо С. Шашкова Г. Потанину 143
Письмо В. Сапожникова А. Адрианову ... 145

ИЗ ПОЧТЫ ЖУРНАЛА

О стихах и прозе последних номеров 147

КРАЕВЕДЕНИЕ

Мария ПАХОРУКОВА
История Поперечки 152

АВТОРЫ НОМЕРА 157

Владимир Василенко

СЛУЧАЙ НА ЛЕСОСЕКЕ

На деляну выезжали затемно. Родион поднялся в половине шестого, ополоснул студёной водой из рукомойника широкое, обложенное щетиной лицо. Вытираясь, машинально глянул в осколок зеркала... Но рассмотреть собственную, изрядно надоевшую за сорок лет физиономию как-то не удалось – отвлѣк кипевший на плитке чайник.

Родион выдернул шнур из розетки, снял с полки стакан. Над головой раздалось робкое, вкрадчивое шуршание – словно кто-то осторожно сминал фольгу из-под конфет, – потом ударили резкие звуки Гимна Советского Союза. На стене висел большой, похожий на шаманский бубен, раструб репродуктора.

Под эти победные, жизнеутверждающие звуки Родион плеснул в стакан заварки, опустил два куска рафинада, нарезал хлеб и сало... Отгремели трубы и литавры, репродуктор вновь осторожно зашуршал, потом прорезался голос знаменитого Левитана:

– Передаѐм сообщение ТАСС...

Родион насторожился: «Снижение цен, что ли?». Ведь было начало марта – обычная пора этого радостного ежегодного события.

– Снижение цен? Наконец-то! – жена Серафима подала голос из-за занавески, и Родион пропустил начало фразы.

– ...товарища Сталина произошло кровоизлияние в мозг. Состояние, близкое к критическому, но ведущие медики страны продолжают напряжённую борьбу за спасение здоровья нашего дорогого вождя...

Из воронки репродуктора полилась печально-торжественная мелодия.

– Кровоизлияние куда? – растерянно переспросила Серафима. Родион пожал плечами:

– В мозг, что ли...

– И что теперь будет?!

Муж и жена смотрели в лица друг другу, только не видели ничего, кроме бледных размытых пятен. Ни выражения глаз, ни движения губ, ни морщин на лбу – лишь печать безмерного страха и бессилия...

– Но врачи-то борются... – слабо запротестовал Родион. Жена в сердцах махнула рукой:

– А если какие-нибудь вредители?..

В щетинистое лицо Родиона понемногу возвращались краски.

– Их давно расстреляли. И товарищ Берия не дремлет... – сказал он негромко и не слишком уверенно. Жена почувствовала эту неуверенность и произнесла убеждённо:

– Американцы новых шпионов завербуют. Тех-то завербовали!..

Муж вздохнул и промолчал. Серафима распалилась ещё пуще:

– Как же так? Такого человека не уберegli?! – голубые глаза её набрякли слезами и потекли. Родион тяжело заворочался:

– Да погоди ты! Страшного-то пока не случилось!

– Как же не случилось?! Ведь в мозг же! – Серафима сдёгнула с гвоздя полотенце и уткнула в него мокрое лицо. – Ох, горе!.. Горе какое!..

Из комнаты выглянула дочка:

– Мам! Ты чего?..

Не отрывая от глаз полотенца, Серафима махнула рукой – мол, не до тебя! А траурная музыка всё играла да играла... Девочка осторожно прошлёпала к родителям:

– Пап, чё случилось?

Родион ответил шёпотом:

– Сталин заболел...

– А-а... – довольно спокойно протянула дочка, и мать, услышав её голос, отняла от лица полотенце:

– Вот беда-то, беда!.. – Она шумно выдохнула. – Как бы войны не было!..

– Войны? – дочь округлила глаза. – Опять с немцами, что ли?

Серафима тщательно вытерла лицо, высморкалась...

– Не токо с немцами, – вздохнул отец, – с американцами, англичанами, французами... Мало ли врагов у нас? Им-перия-листов проклятых... – с трудом выговорил он.

Его тихий, скорбный голос так подействовал на девочку, что та испуганно сжала худенькие плечи, будто на них вдруг свалилась Америка, Франция, Англия и все другие враждебные державы...

Через полчаса Левитан вновь прочёл сообщение ТАСС о состоянии здоровья дорогого товарища Сталина, но в нём не прибавилось ни единого нового слова. А траурные мелодии всё нагнетали и нагнетали растерянность и страх...

Весь посёлок уже был на ногах. Скрипел снег во дворах и на улице, визжали и хлопали калитки, во всех окнах горел свет, истошно лаяли собаки... Скорбная весть о кровоизлиянии у великого вождя проникла в каждый дом и все – от мала до велика – переживали волнение и тревогу...

Родион машинально натянул валенки, накиннул полушубок, нахлобучил шапку. Серафима, проплакавшись, гремела посудой. Дочка и сын, испуганно перешёптываясь, проворно собирались в школу.

Выйдя за порог, хозяин молча отпихнул коленом бросившуюся в ноги собаку – отстань, мол, не до тебя! С крыльца напротив, стуча подшитыми катанками, спуускался сосед Никита.

– Слыхал? – спросил он на ходу.

– Ещё бы... – негромко буркнул Родион.

– И что теперь будет? – этот вопрос сосед задавал уже в сотый раз и жене, и теще, и самому себе.

– Как бы войны не было! – суеверно повторил Родион слова жены.

– Точно, – согласился Никита, однако на всякий случай поинтересовался, – а с кем?..

– Да мало ли с кем! – резонно возразил Родион, – Они только того и ждут... Им-пе-риа-листы чёртовы!..

Оба мужика солидарно вздохнули, почувствовав себя горькими, беззащитными сиротами, и поспешно отправились к конторе промхоза. Там уже собрались все бригады лесорубов, и стоял наготове зелёный «Захар» с фанерным фургоном вместо кузова. Пятёрка мужиков курила на крыльце, другие, постучав о ступеньки тяжёлыми валенками, проходили в контору. Родион с Никитой тоже направились туда. Нервозность и суета царили кругом.

В «красном уголке» кучковались вальщики, сучкорубы и чокеровщики, охрипшими, прокуренными голосами толкая всё о том же – что теперь ждёт страну?

– Это всё сказки, что он сгорел! – горячо доказывал маленький чернявый Пашка Рюхин. – Американцы ему бежать помогли, а ты думал! У них он теперь, пала, прячется... И думает – погодите, я вам всё припомню!..

– Кто? – деловито осведомился подошедший Никита.

– Гитлер, кто же ещё! – охотно бросил Пашка. – Вот теперь они его, пала, отпустят... Давай, мол, войю с Советами!.. Мы тебе поможем...

– А что? Свободно! – согласно загомонили слушатели.

В комнату вошли директор с парторгом и профоргом. Мужики тут же прекратили дебаты – у всей начальственной троицы были одинаково скорбные и сосредоточенные лица.

– Товарищи! – директор смотрел куда-то поверх голов и напряжённо хмурился. – Большинство из вас уже слышали скорбное... – он запнулся и поправился, – тревожное сообщение, что у нашего дорогого вождя, товарища Сталина случилось... – директор вновь поправился, – произошло кровоизлияние в мозг... Это, товарищи, очень тревожный факт, но врачи изо всех сил сражаются за его здоровье...

В уголке стояла абсолютная, гробовая тишина.

– За здоровье нашего любимого вождя... – в горле у директора запершило, он кашлянул и опустил глаза. Родион тоже почувствовал, что в груди у него стало горячо, и зачесались веки.

– Американские империалисты и их прислужники, конечно, радуются этому факту... – директор уже справился с собой и говорил так убедительно, будто империалисты вместе с прислужниками лично докладывали ему обо всём. – Но мы-то знаем, как сильна наша советская медицина! А мы, товарищи лесорубы, ещё сильнее сплотим ряды вокруг нашей родной коммунистической партии и своим стахановским, ударным трудом разрушим все происки врагов!.. – он искоса посмотрел на парторга, как бы ожидая одобрения, и тот первым ударил ладонью о ладонь. Следом захлопали все вокруг...

На деляну отправились очень охотно. Мобилизующая речь директора вселила в смятенные души лесорубов некоторую уверенность, однако не развеяла тревогу до конца. Родион сидел в углу фургона, раздвинув сильными плечами соседей, хмурился и молчал. Вся его сорокалетняя жизнь казалась ему короткой и однообразной, несмотря на то, что в ней была война, голод, холод, разруха, тяжёлый, совсем каторжный труд... Но только одно

чувство, одна неотвязная, беспокойная мысль владела им постоянно – что будет завтра?

С этой мыслью он ложился, с нею же вставал... И хотелось совсем немного – уверенности и покоя. А залогом этому могла быть только бесконечная, вечная жизнь вождя. Однако, как ни странно, именно при нём и не было спокойствия. Фургон трясло и покачивало, люди сшибались друг с другом, покрякивали и матюгались. До деляны было километров с полсотни, и лесорубы постепенно разговорились.

Начал, как всегда, Пашка Рюхин. Мужик он был тёртый, битый, в свои тридцать лет уже успел «отмотать» два срока по уголовке, объездил полстраны, жывал и в Москве, потом завербовался сюда, в леспромхоз.

– А я его, пала, видал! – хвастливо улыбаясь и посверкивая латунной «фиксой», сообщил он слушателям.

– Самого Сталина?! А где? – посыпались завистливые вопросы.

– В Москве... На демонстрации Первого мая... – Пашка выдержал солидную, впечатляющую паузу. – Идём мы, пала, в колонне... Ну, флаги, плакаты тащим... (Тут рассказчик явно сочинял – с дружками-подельниками он удачно пристроился к подвыпившим демонстрантам, сноровисто обчищая карманы.) Проходим, бля, мимо мавзолея, а на трибуне, пала, все паханы!.. И Молотов, и Ворошилов, и Маленков, и Берия... Вот сукой буду!..

– А он? – нетерпеливо перебил кто-то.

– Само собой! – Пашка выпрямился, развернул хлипкие плечи. – Стоит, пала, в самом центре... Высокий такой, бля, в шинели с погонами, фурага с кокардой, усищи, как у Будённого...

– А может, это Будённый был? – засомневался ещё один.

– Да ты чё, в натуре?! – Пашка приподнялся. – Чтобы я товарища Сталина не узнал?! Век мне свободы не видать! – Это клятвенное заверение окончательно убедило всех, что счастливчик Пашка и вправду видел величайшего вождя всех времён и народов.

Родион тоже с завистью смотрел на рассказчика, сожалея, что ему самому так и не довелось побывать в Москве. Постоять в нескончаемой очереди у мавзолея, походить по Красной площади...

– А Ленина ты видел? – спросил он Пашку. Тот повернул к нему чернявую, плутоватую физиономию.

– А как же! Сколько раз! Я в мавзолее, бля, каждый вход и выход знаю! – убедительно соврал он и, чтобы уйти от дальнейших расспросов, толкнул в бок соседа. – Дай-ка, земля, закурить...

Глядя на него, закурили остальные, и фургон заполнился едким, вонючим дымом самокруток и дешёвых папирос...

Когда приехали на деляну, точнее, на верхний склад, над лесом занимался скупой, жиденький рассвет. Попрыгав на снег, мужики расправили затёкшие ноги, докурили, помочились и пошли к вагончику за инструментом. Родион достал свою бензопилу, залил в бачок горючку, завернул пробку и, водрузив пилу на плечо, отправился на свой участок. Следом потянулись Никита с топором на длинной ручке – он работал сучкорубом, и балабон Пашка – этот

трудился чокеровщиком. Увязая выше колен в рыхлом мартовском снегу, мужики полчаса добирались до места.

Вокруг было тихо, только скрип снега под тяжёлыми валенками, учащённое дыхание да редкое подсвистывание красногрудых снегирей будоражили лесное царство. Родион вдруг почувствовал, что ему стало легче и спокойней, всегдашняя тревога на минуту забылась.

Он снял с плеча пилу, дёрнул стартёр, и заповедная лесная тишина сразу взорвалась резким, оглушительным треском. Взяв пилу наперевес, Родион пошёл к высокому, с раздвоенной вершиной кедр, и полоснул его по тёмному стволу. Пила завизжала свирепо, надсадно, жадно вгрызаясь в плотную вековую древесину. Янтарные опилки ложились веером на чистый, девственный снег... Никита с Пашкой не спеша курили. Их черёд пока не пришёл...

Наконец кедр обречённо качнул двухголовой вершиной, секунду постоял в скорбном, горестном недоумении, а потом обрушился на землю, как солдат, получивший в грудь девять граммов свинца... Никита привычно подошёл к упавшему ветерану, вскочил на ствол и ловко, как жонглёр, стал обрубать сучья и ветки. А Родион направился к соседней жертве...

Через час на снегу уже покоилось несколько обезображенных лесных великанов. Родион, войдя во вкус и азарт, не спеша оглядел поредевшее зелёное воинство, и взгляд его невольно задержался на громадной ели. Удивительно ровная, стройная, с непроницаемо густыми разлапистыми ветвями, отягощёнными гроздьями сверкающего снега, она стояла, как замороженная...

– Вот это да! Сказка! – восхитились Никита с Пашкой, а Родион, движимый дотоле неведомым чувством нерастраченной любви и обожания, сказал мечтательно:

– На гроб бы её товарищу Сталину!..

Сучкоруб и чокеровщик согласно кивнули головами, но через минуту Пашка возразил недоуменно:

– Дак он вроде бы ещё не помер?

– Ну да, – подтвердил Никита, – в мозг у него кровоизлияние... Врачи борются...

Родиону стало жарко. Он сдвинул на затылок шапку, снял брезентовую рукавицу и вытер пот со лба.

– Да я не к тому... Пусть, мол, живёт вечно... – он смешался и запутался совсем. – Ёлка уж больно выдающая... Редкая, можно сказать... Вот я и...

Напарники кивнули, только как-то принуждённо, без особого энтузиазма, чем Родион ещё больше встревожился. После благодарного подъёма в душе вальщика гуляли тоска и страх. Что за чёрт дёрнул его за язык?!

– Мужики, может, вы чего не поняли? – сбивчиво затараторил он. – Я же не к тому, что, мол... А совсем наоборот... Пусть, мол, тыщу лет, а не вдруг чего... Ты же вон про Гитлера говорил! – Родион обернулся к Пашке.

Плутоватое лицо чокеровщика выглядело суровым и значительным:

– Ну, говорил, и чё?

– Жив он будто и всё такое... – на большого мужика было жалко смотреть, так он казался растерян и жалок. А бывший зэк заговорил голосом прокурора:

– Ты мне, пала, контру не шей! Не на того напал! Причём тут Гитлер? Я бы его, козла, своими руками придушил!..

Родиона пронял озноб. Запахнув плотнее полушубок, он резко дёрнул шнурок стартера, мотор истошно взвыл, вальщик судорожно ухватился за ручки и с работающей пилой направился прямо к исполинской красавице. Сучкоруб и чокеровщик молча следили за ним.

Родион шагал тяжело и неуверенно, будто во сне, оставляя за собой глубокую снежную траншею. Напарники переглянулись.

– Не поняли, говорит! – зло сплюнул Пашка. – Всё мы, пала, поняли! Гитлера мне начал шить... Третий срок я мотать не стану! Не на того, сука, напал!..

Никита испуганно смигнул и отвернулся. Звук пилы стал пронзительней и злее – она цепко вонзила зубы в тело красавицы ели. Родион изо всех сил налегал на гладкие ручки, но пила плохо слушалась хозяина, поминутно застревая и спотыкаясь. Руки вальщика дрожали, голова горела...

Как же он сморозил такое?! Пожелал смерти вождю? Ему же хотелось сделать наоборот – пусть товарищ Сталин живёт вечно – и тогда не случится никакой беды. Тогда тревога, с которой он прожил всю сознательную жизнь, не будет такой беспредельной и ужасной...

Пила завязла, поперхнулась и смолкла. Вальщик резко дёрнул её раз, другой... Сейчас он походил на жалкого муравья, копошащегося у подножия гиганта. Пашка с Никитой нервно курили, искоса следя за действиями вальщика.

– Ты это, пала, молчи пока... – заговорщицки шептал бывший экз. – У него всё ж таки двое детей... Настучать, пала, дело нехитрое... Понял, нет?

– Само собой, – невнятно буркнул Никита, и Пашка недоверчиво воззрился на него, однако промолчал.

Пила опять остервенело завизжала и плотоядно впилась в тело жертвы. Толстые, сырые опилки густо полетели на снег. Тулово диковинной ели было настолько могуче и неохватно, что Родиону пришлось подпиливать его вкруговую, протоптав у комля узкую тропу. Пила прогрызла ствол до половины, а исполинское дерево стояло, как часовой... Силы у мужика были на исходе. Он совсем потерял голову и бестолково топтался подле стойкого, несокрушимого противника. За ближним пригорком послышался надсадный рёв трактора. Сучкоруб и чокеровщик переглянулись:

– Трелёвщик едет!..

Перемальвая, отшвыривая снег железными ступицами, трактор показался на середине откоса, фыркнул, неуклюже развернулся и направился прямо к лесорубам. А великанская ель в это время резко дрогнула, будто у неё подкопились ноги, уронила комья снега с острой вершины... Ошеломлённый Родион стоял внизу, под густыми ветвями, и бестолково дёргал пилу...

– Бросай! Бросай! Беги! Мать твою!.. – осатанелыми голосами заорали мужики.

Вальщик отпрянул, втянул голову, развернулся... И гигантское дерево тоже развернулось, надсадно скрипя тысячепудовым телом. У мужиков от этого скрипа перехватило горло и мороз пополз по коже... Родион успел сделать три огромных прыжка, но ель, словно мстя человеку за боль и поругание, одним

махом настигла беглеца, обрушив на жалкую фигурку всю силу и крепость могучих ветвей и неохватного ствола... Лесорубам показалось, что дерево даже подпрыгнуло вместе с несчастным Родионом. И тут же густая снежная пелена поднялась в воздух и скрыла всё...

– Ах ты ёшь твою двадцать! Как же это он?!

Сучкоруб и чокеровщик потрясённо оглянулись – из трелёвщика выскочил тракторист Венька Зуев и, спотыкаясь, бежал к ним.

Снежное облако медленно осело. Поверженная ель распласталась на земле, приминая сугробы тёмно-зелёными ветвями. Она и лежачая была огромна, вселяя трепет и уважение, только лесорубам было жутко на неё смотреть. Они стояли, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой, старательно отводя друг от друга глаза...

– А хотел на гроб Сталину!.. – горько усмехнулся Пашка.

Тракторист собрался с духом:

– Пошли... Может, ещё жив...

Опережая один другого, мужики бросились к спиленному дереву. Кое-как разгребли густые ветви непослушными руками...

– Погодите, ребята, сейчас трактор пригоню, – не своим голосом прохрипел Венька, – так мы эту махину не сдвинем...

Лесорубы выпрямились, невольно отводя взгляды от обезображенного тела. Им казалось странным, что такого большого, сильного мужика прихлопнуло, словно муху...

Трактор выпустил струю чёрного дыма, резко дёрнулся и, гремя разболтанными гусеницами, покотился к вершине упавшей ели. Пашка двинулся следом, чтобы зацепить трос, а Никита кинулся искать топор...

Сквозь пелену серенького неба едва проскальзывали лучики мартовского солнца, и красногрудые снегири беспечно подсвистывали, роняя с веток шлейфы снежной искрящейся пыли...

Сергей НИКИФОРОВ

МОЕМУ ПОКОЛЕНИЮ

РОЖДЁННЫМ В 60-х

*Памяти Александра Краснопёрова
и иже с ним...*

Осталось нас уже немного.
Уходим в темень,
Как школьники, сбежав с уроков
На перемене.
Замолк звонок, закрыты двери.
Не стало фарта.
Теперь вот, можете проверить –
Пустует парта.
О, сколько нам часов убитых
Припомнят детки.
Мы поколение упитых.
Дворняги в клетке.
Могли героями спокойно
Проснуться за ночь.
Но наши цинковые войны
Забыты напрочь.
Мы словно в анекдоте скверном
Застрали между
Враньём, свободой и портвейном,
В дыму надежды.
Мечты намотаны на мачту.
Распалась печеньь.
И наши женщины не плачут.
Нечем.
Ах, как горело в нас желанье.
Сносило крышу!
Но на обломках мирозданья
Имён не пишут.
В нас крепко въелась пыль обочин.
Хрипим на вдохе.
Мы посторонние. Мы – клочья
Больной эпохи.

И, наглотавшись жизни яда,
Сутуля плечи,
Наивных циников плеяда
Уходит в вечность.
Без извещений и до сроков,
Почти как звери,
В страну бессмысленных уроков
Захлопнув двери.
И вам останутся лишь тени
И лик младенца.
Не шить разорванное время.
Не склеить сердце.
...Вчера куда-то в нулевые
Ушёл вновь кто-то.
И словно раны пулевые,
Глаза на фото.
Декабрь 2019

3.40 УТРА

А. Зайцеву

Я просыпаюсь в 3.40 утра.
Рвутся сквозь окна морские ветра.
С силой такой же, как и вчера,
В те же больные 3.40 утра.

В космах седых проплывает луна,
Через минуту уже не видна.
Сна ни на грамм, как и позавчера,
Когда я проснулся в 3.40 утра.

Что происходит на сгибе ночи?
Что рвётся в душу и пеплом стучит?
Вот уже год – лишь разрежется мгла,
Ровно в 3.40 мне в сердце игла.

Псом подзаборным мне хочется выть.
Как мне себя от себя отделить?
В 3.39 иду я ко дну,
Чтобы вдруг выплыть в 3.41...

Может, мне знак кто-то свыше даёт?
Что-то в судьбе моей произойдёт?
Вновь возгорится любви моей свет,
Правда, которой давно уже нет?

Как мне порвать этот замкнутый круг
Вен и артерий, уродливых рук,
Дней и ночей, километров дорог,
Чтобы собою проснуться я мог?

Шансы, как деньги, стремятся к нулю.
Люди, скажите мне, может, я... сплю?
...Но продолжается злая игра.
Я просыпаюсь в 3.40 утра.

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

Мы все уйдём
в пугающую даль.
Чужие здесь,
и *там* нам быть чужими.
Невнятных дней
постылая печаль
замрёт в земле
цветами неживыми.

Поймёшь ли ты,
бесчувственный глупец,
что не виновен ты
и не греховен.
Что, принятый природой наконец,
с листком опавшим
станешь вровень.

Не мучь себя
той страшной пустотой.
Она желанным сном
придёт порой ночью.
И крепче,
чем могильною плитой
тебя навек
придавит
тишину.

* * *

М. Минину

В потоке дней, под их катком,
Не гнись, не жалуйся, не ври.
И пусть ты под тройным замком –
Свобода у тебя внутри.

Когда черна, как копоть, высь,
Когда аорта на разрыв,
Ты дню восьмому улыбнись.
Свободен – значит, ещё жив.

НА МОТИВ «ПЕСНИ РОЩИНА»*Александр Гордону*

Ты веди меня, дороженька,
Через мглу, через свет,
В те края, что не исхожены,
В те места, где нас нет.

Позади дни неважные,
Пустые, бумажные,
Дни, дождинками стекавшие
По щеке...

Коля моя запутана
В сто узлов, сто плетей,
Смочена слезами мутными
И обидой твоей.

Я ведь жил словно бестолочь.
Чего себя пестовать?
Отправляюсь путешествовать
Налегке...

В том, что было пережито мной –
Чёрного поровну.
Старые друзья ушли давно
В дальнюю сторону.

Чуть тлеет сквозь марево
На небе прогарина.
Будто светит кто фонариком
За рекой...

Ты веди меня, дороженька,
Через лес, через ров,
От плохого до хорошего,
До других берегов.

Останусь там надолго,
Где солнце и радуга,
Где своих я встречу ангелов,
Где покой...

* * *

Моя неправильная жизнь –
Луной в окошке.
И ей, увы, не скажешь «Брысь!»,
Как кошке.

В углу мяукает мой век
Под отсвет лунный.
Что ж, кошка тоже человек
Разумный.

Её неправильная жизнь
Проходит мудро.
И кончится, как лунатизм –
Под утро.

СОЧИ – ТОМСК

Платана выцветшее платье
Отброшено – не подошло...
Приходит осень так некстати –
Расплатой за тепло.

* * *

Потом, потом,
Когда-нибудь, авось...
Любовь –
Тоска о том,
Что не сбылось.

* * *

Удача любит сильных и красивых,
Но ты молчи, чтоб не спугнуть её.
Так прячет ветер в изумрудных ивах
Свободное дыхание своё.

И не кричи, не возмущай природу,
Иначе у судьбы на сквозняке
Ты будешь беспрестанно дуть на воду,
Обжѣгшись только раз на молоке...

СПАСИБО

Спасибо, милая, за грех
И муку поздней страсти.
За то, что ты светлее всех,
За горький привкус счастья.

За дрожь. За то, что ты живёшь –
Как чайка над волнами!
За снег, переходящий в дождь,
За ветер между нами.
За то, что песней в тишине,
Своей негромкой верой
Ты пробуждала свет во мне
И убивала зверя.

НА КРОМКЕ СВЕТА

И на кромке света
Нам не разминуться.
Мне поможет ветер
Губ твоих коснуться.

Мне поможет солнце
Сквозь чужие лица
На твоём оконце
Бликом отразиться.

В далеке далёком
Говори чуть тише.

Помолчи немного –
Я тебя услышу.

Песней со слезою,
И в туман, и в морось
Шелестит листвою
Твой полночный голос.

Сумрачно и странно,
Струнами сомнений
Плачет фортепьяно
На небесной сцене.

В звуках белых клавиш –
Музыка желаний.
Чёрную надавишь –
Эхо расставаний.

Всё, что было спето,
Всё, что длит нам песню,
Не упало в Лету,
В ледяную бездну.

А живёт звенящим
Серебром на струнах
И лучом летящим
В солнечных лагунах.

...Знаешь, это просто:
В ночь из дома выйдешь,
Бросишь взгляд на звёзды –
Ты меня увидишь.

Вскрикнешь: «Там комета!».
Мне и то награда.
И за кромкой света
Я с тобою рядом.

Татьяна Прокопьева

СТАРИК

На дворе расцветало долгожданное лето. Начало июня, тепло, наконец-то отступили проливные дожди, солнце прогрело землю, и горожане уже подумывали о начале купального сезона.

Молодая женщина в длинной шёлковой юбке и полупрозрачной блузке, расшитой цветами, медленно ступая, поднялась на крыльцо своего подъезда и, недовольно пошарив в сумочке, отыскала ключ с магнитом. На улице было жарко, и ей казалось, что белая шляпка, дарящая тень её лицу, не скрывает капелек пота, выступивших на лбу. Макияж вот-вот расплавится от жары и мутными, блестящими потоками потечёт по её лицу. То-то будет зрелище... в сумке полно всякого барахла, она тяжестью давит на плечо, шея затекла от долгого сидения за компьютером на работе, завтра надо будет сдавать сценарный план, который готов только наполовину.

Она прижала кругляшок магнита к двери. Та, приветливо запищав, впустила её в подъезд. В коридоре, ведущем к лифту, послышалось шарканье ног.

Тяжело дыша и мокротно-гулко отхаркиваясь при ходьбе, на площадке появился старик, сосед с девятого этажа, который обычно в это время прогуливался со своей маленькой, тоненькой карманной собачкой Читой. Чита суетливо бегала между ног хозяина и разглагольствовавшего с ним товарища, обнюхивая ботинки того и другого и жалобно повизгивая. Как правило, видя, что её никто не собирает брать на руки, семена спичечными ножками вдоль бордюра, она убегала по нужде.

Но сегодня дядя Саша прогуливался в одиночестве.

Увидев соседа, который редко бывал трезв и вразумителен, барышня попыталась ретироваться, но было уже поздно – хозяин Читы заметил её и застыл, выходя из коридора на площадку.

Они давно не встречались и, завидев дядю Сашу иногда на улице, как говорила её мама об отце «чуть тёпленького», машинально кивнув в знак приветствия, она старалась поскорее пройти мимо. И сейчас ей хотелось бы проделать то же самое, но это был не тот случай.

При кашле голова и спина дяди Саши наклонялись вперёд, как будто что-то клюя, а лицо его словно вытекало из пробоины в голове, как желток из разбитой скорлупы. При этом его руки успевали, подрагивая, трепыхаться в воздухе: правая что-то изображала, словно ударяя пальцами по невидимым струнам гитары. Сквозь кашель он всё-таки произнёс половину фразы:

– Ты ещё... это... на гитаре?..

– Да. Играю немного, – опередила его женщина, стараясь не утруждать длительным разговором.

Он попытался дотронуться до её волос неловким движением желтоватой иссохшей руки. При этом было непонятно, старается ли он стряхнуть с её

чёлки запутавшийся в ней тополиный пух, или просто желает погладить по голове. Она не отвернулась и не ушла в темноту коридора, хотя старик был явно нетрезв и чем-то от него ещё пахло, когда он, задыхаясь от кашля, пытался прижаться к ней, чтобы обнять. Не то болезнью, не то лекарством, которое он принимал. Но принимал он всегда одно лекарство, которое не исцеляло, а только превращало усталого дядю Сашу на время в потрёпанного кошкой-жизнью жалкого воробья. И тогда он не чувствовал своих страданий так жгуче, а только клевал носом невидимый небесный корм.

– Играю иногда, но не часто, я ж не профессионал, – продолжала оправдываться она.

– Петь могу, а играть... Ну пять блатных аккордов, их всякий знает. Чтобы хорошо играть – учиться надо, а я всё время занята.

– Э-э, – ухмыльнувшись слюнявым ртом, хотел затынуть сосед, но опять провалился в кашель.

– Ты вот что, дочка, ты играй, не бросай это дело. Уменье придёт. Я вот в молодости в разведке служил. Я эту музыку всю, сам... вот этими руками!

Он потрясал большими ладонями со слегка крючковатыми пальцами так, как мог бы это делать каменщик, всю жизнь убаюкивающий в своих ладонях тяжёлые кирпичи, отчего ладони эти стали мозолистыми и почти такими же твёрдыми, как стены, выросшие из уснувших друг на друге кирпичных камней.

– Ты не обижайся, – говорил он глухо, словно со дна обросшей мхом бочки, слегка шепелявя беззубым ртом. – Ты думаешь, я кто? Старый дурак, развалина, пень трухлявый? Оно, может, и так, да только – я!

Мутноватым взглядом он нарисовал в воздухе окружность, соединяющую стены, потолок и пол давно не отремонтированного подъезда:

– Всех их насквозь вижу, каждую собаку. На то она, разведка. Знаю, что у них в черепашках понапихано. А что вот здесь! – он показал пальцем на свой высокий, с большими залысинами лоб.

– Военная тайна.

С одной стороны лоб был смят, как булка хлеба, которую неосторожно схватили, чтобы вытащить из печи, когда она ещё не пропеклась толком, вследствие чего образовалась вмятина.

Смятая сторона лба имела шрам, и страшно было подумать, что же у этого человека... там после того, как что-то схватило его, как квадратную булку хлеба и смяло кость, повредив, очевидно, внутреннее вещество. Глаз с одной стороны был подбит и довольно сильно опух, как бы ввалившись внутрь по сравнению с другим, выпуклым, оком. Сосед так нетвёрдо стоял на ногах, опираясь рукой об известковую стену подъезда, так страшно заходилась глухим, идущим откуда-то из печёнок кашлем, так жестоко исхудал он за последнее время, что, казалось, держится на ногах из последних сил не от вина, а от высасывающей его изнутри болезни.

– Кашель у вас очень плохой, вы бы в больницу обратились.

Старик улыбнулся горькой, судорожной улыбкой.

– Флюорографию бы на туберкулёз прошли.

– На кой мне больница? – сказал он, утирая влажный лоб и как бы обречённо выдыхая. – Я покойник в отпуске.

При этих словах на его лице, как на покрываемом морозными цветами оконном стекле, проявилась кисловатая гримаса, означающая одновременно самоиронию и растерянность перед лицом судьбы.

– Нельзя так о себе, – не унималась женщина. – Полечитесь – и всё пройдёт, ещё до ста лет доживёте.

– Ох-хо-ха-хе-хо-хо, – шумно засмеявшись всем телом, закашлялся сосед.

– Я? Нет, дочка, нехорошо будет, если я свою Валентину переживу.

Тут в подъезд вошла высокая, крупная женщина с лицом следователя.

Если это жена, подумалось девушке, то они чем-то похожи, только его черты смяты, оплывающей свечой тянутся к земле вместе с телом, а её лицо открыто и даже несколько надменно. Тот же орлиный нос, недовольно сжатые пухлые губы, округлые глаза. Не зря говорят, что люди, прожившие вместе долгую жизнь, становятся похожи, как волокна свитой воедино верёвки.

– Это что такое? – командным голосом задала она вопрос.

– Вот, к девушке пристаю, – честно признался дядя Саша.

– Я уже уйду, – смущённо опустила глаза молодая соседка и направилась к лифту.

Сосед рвался на улицу.

– Что это такое, я тебя спрашиваю? – не обращая внимания на девушку, завопила жена. – Куда собрался, чучело? Иди домой, пока по-хорошему просят. На себе тащить не буду!

Дальнейшего разговора девушка не слышала, так как закрыла за собой дверь квартиры на третьем этаже.

Перед глазами стояло измождённое лицо старика.

А ведь он хотел сказать что-то важное, что-то своё.

«Ну, как у тебя дела?» – с этих слов он начинал свой разговор.

«На кой мне больница?» – снова пронеслось у неё в голове.

«Валентину пережить? Да ведь я покойник в отпуске».

На улицу его не пустили.

А там... такое солнце! Соловьи заливаются в кустах благоухающей сирени, и кажется – всё ещё впереди.

И, выйдя из дому, щурясь от яркого света и всё же изо всех сил пытаюсь удержать внимание на ослепляющих бликах раскалённого диска, сияющего в непогрешимой голубизне неба, ты закричишь, как в детстве: «Я – ж-и-в-у-у!». И станешь жить вечно.

Елена Клименко

РАССКАЗЫ О РАЗНОМ

СИБИРСКИЙ ТРАНЗИТ

Летнее утро пахнет открытием чужих городов. Выглянешь в окно девятого этажа, а внизу волнуется «зелёное море тайги» и пронзительно кричит тепловоз. И от влажной августовской свежести накатит какая-то щемящая тревога, засосёт под ложечкой, и захочется схватить рюкзачок и ехать куда глаза глядят. Тем более, когда и билет куплен, и бутерброды собраны.

Значит, прыг-скок в маршрутку до вокзала. А следом в автобус «Томск – Новосибирск». Пейзажи за окном – сибирское раздолье, кружат каруселью поля с перелесками. Выход на двадцать минут в Болотном: размять ноги и пожевать свои бутеры-огурцы-помидоры. Всего четыре с половиной часа – и вот уже потянулись окраины города-миллионника, столицы Сибири. Минареты-церкви, особняки-огороды, небоскрёбы и просторные дорожные развязки. Преобладание серого цвета, сталинский «вампи́р».

В Томске утром было плюс четырнадцать. А тут все двадцать с гаком. Особенно на солнце, на крыльце торгового центра, месте встречи с университетской подружкой. Закупка еды для отдыха на даче. Мясо, сыр, арбуз, напитки. Сумки, пакеты, беспородный, но воспитанный кот Васька. Загрузить всё это добро в машину и скорее прочь – за город. По асфальту и ухабистым просёлкам, которые Васька особенно не любит, мяучит и рвётся из корзинки.

Ну, вот и платформа Кувшинка. А рядом садовое товарищество «Берёзка». И дача подруги: теплицы, газоны, цветники, ручей, обложенный валунами. Старенький, но подновлённый двухэтажный домик с верандой. «Ухом» спутниковой тарелки прислушивается к улице, шелестящей гравием. Свежесрубленные баня и летняя кухня светятся новым лаком. Недостроенный летний душ грустит о нехватке дóсочек. И муж подруги привычно смотрит вокруг с тоской: «Когда же я здесь отдыхать-то буду, а не работать?!». И соседская собака Гóлда, золотой ретривер, спешит навстречу Ваське и городским плюшкам.

Начинает накрапывать дождь. Словно ждал, пока доберёмся до места. Но под французское кино на ноутбуке и португальское вино в уютном предбаннике жизнь резко хорошеет. И ей не мешает дождь, морозящий за окном. И сгущающийся сумрак. И деревянный туалет в кустах малины. Воспоминания о безумной университетской юности, дела давно минувших лет туманятся, почти превращаясь в миф. Неужели мы были такими?!

И пора уже на боковую. И мы лежим рядком на соседних кроватях, как будто снова студенты, братья и сёстры. И так спокойно в домике, сотрясаемом поездами, проносящимися в нескольких десятках метров от нас. И профиль Васьки в окне похож на совиный. А в голове столько планов: мясо на углях, мохито со свежей мятой, баня с парилкой, прогулка на речку Иня; обсуждение предстоящего подружке с мужем отпуска в любимой Испании и намечен-

ной нынче на испанских берегах встречи однокурсниц, живущих в Германии, Бельгии, Австралии... Кроме того, у меня лично запланированы разные литературные радости: вечер поэзии серебряного века в Новосибирском Академгородке; «Читай-город», полный книжных новинок, фотовыставка «Поэту по портрету» в торговом центре...

Но между этими бесхитростными развлечениями обязательный пункт воскресной программы – кладбище на левом берегу Оби, и среди нечёсаного бурьяна прибранная могилка нашей сокурсницы и подруги Наташи. На памятнике удачное фото с нашего первого курса. И вышитая кофточка на Наташе светлая, и волосы Наташкины светлые. Такой она в нашей памяти и останется.

О БАБУШКАХ

Бабушками меня жизнь не баловала.

Свою мать мой отец, Виктор Степанович Клименко, похоронил в 12 лет. У отца отца была другая семья, и дальше Виктора воспитывали дальние родственники по фамилии Гомоненко – дед Иван и бабушка Анна (баба Нюся). Они же, переехав из Омской области на Кубань, переманили туда отца. Бежал, бросив беременную жену с четырёхлетней дочерью (мною). Придумывал отговорки, чтобы не перевозить семью. Позднее оказалось, что дело было не в дедах, а в черноглазой казачке. Кубань отец всегда считал раем на Земле, хотя умирать планировал вернуться в голубую тайгу. Но передумал.

На кубанском хуторе, у украинской бабы Нюси я жила, наверное, с двух до трёх лет. По возвращении в Сибирь потешала народ в детском саду ридной мовой.

В следующий раз увидела бабу Нюсю уже в 20 лет, мовы не разумела, бабушку почти не понимала. В фуфайке и клетчатом платке, пахнувшая навозом, маленькая кругленькая баба Нюся, обливаясь слезами от моей худобы, закармливала меня творогом и борщом, в котором ложка стояла вертикально. Бабушка вспоминала, какие были у меня косы в семь лет, перед школой. Может быть, я ещё бывала у них в детстве, не помню. По семейной легенде, отец хотел забрать меня к себе жить, но мать не отдала.

Мамина мама, баба Шура (Александра Андреевна Громова, в девичестве Куочакова) родилась и прожила всю жизнь в селе Первомайском (Пышкино-Троицком) Томской области, настоящая сибирячка, прожила недолго. Но осталась запечатленной своим зятем Виктором на многочисленных фотографиях: в малиннике, в огороде на фоне баньки по-чёрному, в палисаднике под молодой кедрой... Особенно мне нравится такая серия фотографий: на заваulinke под берёзой сидим и хохочем: бабушка в длинном пёстром платье, мама в газовом платочке и я, стриженная под мальчика, с целлулоидным зайцем в руках. Сама помню смутно, как бабушка сидела на пороге избушки и расчёсывала свои длинные тёмные волосы.

По версии дедовой раскулаченной родни, баба Шура была красавица и гуляла от деда. Я бы её красавицей не назвала: скуластое лицо, прищуренные

глаза. К тому же дед Гриша после развода женился снова, а бабушка так и осталась одна. Но застолья она любила и отлично пела. Вся «ясашная» родня по бабушкиной линии любила петь и готовилась к этому действию, как к обряду. Поев-выпив и перекурив, рассаживались поудобнее вокруг стола, подбирались-настраивались и запевали сразу на несколько голосов. За бабушкины «коронки» после её смерти не брались, но вспоминали: «Это Шурина песня». Так я долгие годы не слышала «Сронила колечко со правой руке. Заныло сердечко о милом дружке».

Когда после песенных застолий мы с мамой и сестрой возвращались домой, снег под валенками скрипел особенно празднично, загадочно светили звёзды, сказочно синели сугробы. Избы уютно подмигивали оранжевыми окошками из-под заснеженных крыш набекрень. Во мне долго звучал слаженный хор мужских и женских голосов, я чувствовала себя частью большой семьи, и одиночество на какое-то время отступало.

Баба Шура умерла, едва выйдя на пенсию. Этот солнечный майский день врезался в мою память. Мне было девять лет. Мы жили в крохотной бабушкиной избушке, состоящей из комнаты и кухни. Моя пятилетняя сестрёнка спала. Мама что-то готовила на кухне. Я там же, возле печки, стирала в железном тазу свои любимые оранжевые носочки.

Бабушка, после онкологической операции лежавшая в тёмной комнате, бредила во сне: «Юбки, юбки-то что разбросали...». Шумно и тяжело дышала. И, однажды вдохнув, не выдохнула. Мама тотчас послала меня за бабушкиными подругами, работавшими поблизости на стройке. Прибежав туда, я ничего не могла сказать от душивших меня слёз, но женщины и так всё поняли...

Мой отец, как и баба Шура, Скорпион по гороскопу, не мог простить ей неумение готовить. Мол, отварное мясо – для неё уже было готовое блюдо. На мой взгляд, это вполне здоровая еда. Но отца даже спустя десятки лет трясло при воспоминании об отсутствии на столе южных специй, помидоров, «синеньких», перцев. По-моему, их в те годы в Сибири никто и не выращивал. Обходились как-то. Моя мама только на пенсии и научилась варить борщ. Выросшие дочери научили.

В общем, росли мы с сестрой практически без бабушек. Баба Пана, купившая баб-Шурину избушку, научила меня вязать. И я стала обвязывать семью, когда закончились связанные бабушкой впрок варежки-носки.

В наследство от бабы Шуры мне осталась любовь к хоровой песне. Спустя годы нашлась, хотя и без оклада, икона Богородицы с младенцем, висевшая у бабушки в красном углу.

Переехав в казённую квартиру, большого огорода мы лишились. Картошку сажали на полях, капусту – у деда. На каждую из восьми квартир в брусовом доме для бюджетников отводилось только шесть грядок плюс куст смородины да клумбочка цветов. Поэтому за садовой малиной мы изредка ходили погостить к дальней родне, бабе Тане Маментьевой, у которой своих внуков хватало. Баб-Таня, шустрая невысокая черноглазая старушка была страстная грибница. В лесу бдительно следила, чтоб никто раньше неё не напал на грузди. Говорят, даже перед кончиной в 72 года ходила в лес. Так и умерла, на бегу.

На кладбище села Первомайского у нас целый пантеон: прабабушка Федора, прадед Андрей, баба Шура, дед Григорий, мама и отчим.

Городскую бабушку Дуню, двоюродную сестру бабы Шуры, живущую в Томске, мы видели раз в году на каникулах. Она была улыбочивая, приветливая, гостеприимная. Угощала нас, деревенских жителей, городской колбасой. Под конец жизни ослепла, ходила, держась за верёвочку, в квартире своей дочери Надежды. Другая многожурная сестра бабы Шуры, баба Клава из Молдовы, прислала на свадьбу моих родителей верблюжье одеяло. Оно живо у меня до сих пор.

В общем, общением с бабушками я была не избалована.

КРАСИВЫЕ СЛОВА

Поэты, сочиняя, ориентируются не на красоту слов, а на их точность, соответствие выражаемой мысли и чувству.

Красивые слова, наверное, любят незрелые личности. Поэтому примеры мои из детства. В сибирской глуши красивые слова – это звучные, заграничные.

Например, ШИФОНЬЕР. Как может не радовать этот предмет мебели: светлый, округлый, вместительный. В одежном отделе можно играть в прятки, а в ящиках рыться в поисках маминых сокровищ – между постельным и нижним бельём там припрятаны документы в пупырчатом РИДИКЮЛЕ цвета БОРДО, рядом мешочек с шоколадными конфетами (убывающими якобы незаметно для мамы), а также брошюра о гигиене женского организма (источник запретных знаний).

А РАДИОЛА? Цвета соломы, прочно стоящая на бабушкином сундуке. Волшебный ящик, не только с удовольствием рокочущий голосом Марка Бернеса «Тёмную ночь» и «Витьку с Моховой», но и перебрасывающий радиомосты. Крутя ручку, с небольшим скрипом передвигаешь рычажок по зелёным строчкам чисел и букв. И сквозь писк и треск помех прорываются слова на разных языках... Чудеса да и только!

Бабушкина ЭТАЖЕРКА, что стояла в «красном углу» под иконой, канула в Лету при переезде после бабушкиной смерти. Тогда же потерялась МАНДОЛИНА. Вот прекрасное слово! Википедия сообщает, что на мандолине играют медиатором, пальцами, а также ПТИЧЬИМ ПЕРОМ! Как жаль, что мама умерла, и я не могу спросить её, пробовала ли она в заснеженном северном селе Подгорное, куда её отправили работать по окончании педучилища, играть на мандолине птичьим пером – утиным, гусиным или сорочьим... Сохранился МЕДИАТОР – рыжий пластмассовый лепесток, и ФОТОГРАФИЯ, на которой весёлая мама позирует с мандолиной в компании молодых подгорненских учителей.

На другой чёрно-белой фотографии бабушкин оранжевый АБАЖУР, зависший над праздничным столом. Освещённая еда (винегрет, картошка с капустой) – в центре, поющие лица в тени, вокруг. В общем, едоки картофеля на сибирский лад.

Многие слова ласкали мой слух: ВОЯЖ, КРУИЗ... Некоторые стали ближе, будучи услышаны мною на их родине под сенью вязов и буков: бонжур, се ля ви, оревуар...

Встречались мне и русские красивые слова. Например, ЕЖЕВИКА. Представлялась такая ёжистая Вика... Виктория. Нравилось имя ВЕРОНИКА. Была у нас во дворе такая юная красotka украинских корней, глазки-изюминки. И мою сестру Веру украинские родственники звали Вероникой. А меня Олёной.

Много воды с тех пор утекло. И красивых слов с нею.

СЧАСТЬЕ

Интернет любезно сообщил мне, что Иван Бунин считал счастьем любовь, интересную работу и возможность путешествовать. Мне для счастья достаточно чего-то одного из списка. И даже в небольшом количестве.

Счастье – это отдельные искорки, вспышки, озаряющие жизнь. Словно жучки-светлячки, которых мы ловили в курчавой траве-мураве у дома в деревенском детстве. Жучки были красивы сами по себе, переливаясь всеми цветами радуги с преобладанием изумрудного, а в «домике» из ладошек ещё и светились. С тех пор я этих жучков не встречала. Наверное, они остались в детстве вместе с травой-муравой, вспышками дикой гвоздики на пыльных обочинах и катаньем с горки сказочными зимними сумерками.

Счастье – это творческое единение, когда по кругу читают талантливые поэты. Увлекательная книжка – счастье. Удовлетворение от выполненной работы – счастье. Встреча с друзьями – счастье. Даже если нет сил на разговоры, но главное – видеть и знать, что все живы-здоровы. Счастливые мгновения любви обычно заносит песком рутины. Но они тоже случаются.

Путешествия – стопудовое счастье. Особенно утром где-нибудь на набережной Стокгольма под тихий плеск волн перед забегом по достопримечательностям – ощущение гармонии и красоты мира. И ночной ужин в Париже, белое вино и камамбер на крыше одной из высоток района Дефанс. И Эйфелева башня, сверкающая новогодней ёлкой. Парки и замки. Сады и поля маркиза Карабаса. Или маленький французский городок, где однажды мы с друзьями шли по старинному мосту через речушку, в которой у мельницы плескалась форель. А из ближайшего кафе доносилась мелодия нашей молодости «Отель «Калифорния». Словно специально для нас. Разве не счастье? А нулевой меридиан в Лондонском районе Гринвич, который вдохновил меня в сорок пять лет начать жизнь сначала? Да и в дремучем сибирском лесу встреча с яркими лисичками или дружными маслятами – уже счастье.

Видела фотографию: женщина крутит сразу несколько обручей. Такова и моя жизнь – попытка одновременно успеть многое. Что-то получится, что-то принесёт радость. И это будет счастье.

Геннадий Анкудинов

МАТРИАРХАТ

(мини-пьеса)

В двух картинах

Действующие лица:

Муж

Жена

Картина первая

Муж, увлечённый просмотром ленты сообщений за компьютерным столом, не замечает подошедшей к нему жены.

ЖЕНА (*толкает в плечо мужа*). Не надоело в десятый раз перечитывать Декрет «Об отмене частного владения мужьями»? Лучше бы по дому что сделал напоследок...

МУЖ (*повернувшись к жене*). Офигеть! До чего додумалась новая власть!

ЖЕНА (*поправляя фартук*). А что? Мне нравится...

МУЖ. Они же своим указом разрушают институт семьи!

ЖЕНА. Законный брак испокон веков являлся продуктом социального неравенства. С установлением матриархата в нашей стране женщины наконец вздохнут свободно.

МУЖ. Свободно?

ЖЕНА. Раньше-то как? Выскочит дурёха по молодости лет за какого-нибудь весельчака, бренчащего на гитаре, а он впоследствии лежебокой окажется или большим любителем заложить за воротник.

МУЖ. Ты на кого намекаешь?

ЖЕНА (*отмахиваясь*). Констатирую факт, что приходилось женщинам маяться с таким мужем всю жизнь.

МУЖ. Сейчас, выходит, у вас право выбора появляется?

ЖЕНА. Конечно!

МУЖ. А как же любовь?!

ЖЕНА. Если взгрустнётся, так и быть, встану в очередь за тобой. Приглашу на день – два, чтобы по хозяйству помог. Только ты и сам знаешь, на что способен...

МУЖ. Несправедливо это...

ЖЕНА. Что?

МУЖ. Мужиков в общее пользование сдавать...

ЖЕНА. Что в этом плохого?

МУЖ. Как что? У нас – семья, дети!

ЖЕНА. Вот! (*Приподымает палец кверху*.) Ради будущих детей всё это и делается. (*Поправив причёску*.) От тебя только двух оболтусов, как две капли воды похожих на тебя, можно было родить.

МУЖ. А теперь, значит, вы одних вундеркиндов плодить будете?

ЖЕНА. Без сомнений! На протяжении многих лет все лучшие экземпляры сильного пола приватизированы были дочками власть предержащих да наследницами отжившего класса буржуазии. Домохозяйкам супермены со знаменитостями недоступны были. С вступлением в силу Декрета у каждой из нас появляется возможность осчастливить человечество новым гением.

МУЖ. Хочешь сказать, что новый общественный строй ратует за здоровое продолжение человеческого рода?

ЖЕНА. Безусловно.

МУЖ. Чушь!

ЖЕНА. Не чушь, а судьбоносный законодательный акт! Поэтому вряд ли найдётся дура, которая будет против нового закона, вступающего в силу с 1 января будущего года.

МУЖ. Ты серьёзно?

ЖЕНА. Да.

МУЖ. Ущипни меня.

ЖЕНА. Зачем?

МУЖ (*тычет пальцем в компьютер*). Ведь это же бред какой-то! (*Читает.*) Каждая женщина, желающая воспользоваться представителем народного достояния, должна представить справку из женской консультации, подтверждающую её принадлежность к слабому полу.

ЖЕНА. Ну и что? Обыкновенная защита от трансвеститов и им подобных особей.

МУЖ. Дура!

ЖЕНА. Но-но, полегче! Вашей власти – конец! Теперь мы верховодить будем.

МУЖ. Что, сразу полегче? Ты хоть закон читала?!

ЖЕНА. Нет. Но от других слышала...

МУЖ (*перебивая*). Тогда послушай и от меня. (*Читает.*) Декретом упраздняются все ранее заключённые браки наряду с отменой денег и введением прямого продукта обмена.

ЖЕНА (*пожимает плечами*). Ну и что? От тебя я всё равно больших денег не видела, а маленькие?.. Уж лучше и впрямь – товарообмен.

МУЖ. А это тебе как? (*Читает с выражением.*) Основное количество экземпляров мужского пола, изъятых из частного владения, обобществлены будут не по мандатам, а в порядке общественной инициативы женскогословия, желающих воспользоваться предоставленными им возможностями...

ЖЕНА. Всё правильно! На всех мандатов всё равно не хватит. Да и лишние очереди при их получении никому не нужны.

МУЖ (*хватаясь за голову*). Ты хоть представляешь, что после Нового года начнётся? Мужу не то чтобы вечером, днём высунуть нос на улицу нельзя будет!

ЖЕНА. Что сразу-то о плохом думать? Поживём – увидим...

Занавес

Картина вторая

Муж, склонив голову перед компьютером, не замечает подошедшей к нему жены.

ЖЕНА (*толкает в плечо мужа*). Умаялся, бедный! Как дома пропылесосить, так не допросишься. А перед ящиком своим часами готов сидеть. Иди хоть мусор вынеси.

МУЖ (*спросонья*). Мусор! Какой ещё мусор?

ЖЕНА. Который со вчерашнего дня тебя дожидается.

МУЖ (*подскакивая с места*). Ах, мусор! Так это я мигом, только не отдавай меня, любимая, в общественное пользование...

ЖЕНА (*сердито*). Что?

МУЖ (*прихлопнув себя по лбу*). Нет-нет, дорогая, это я так... (*Убежав на кухню, через секунду с пакетом в руке скрывается за входной дверью.*)

Жена (*недоуменно*). Что это с ним? Дорогая, любимая... Я от него таких слов больше десяти лет уже не слышала. (*На ходу.*) Видать, врут люди про компьютерную зависимость. На моего она только в лучшую сторону повлияла...

Максим ХАЕРТДИНОВ

А ВСЁ ЖЕ КОЕ-ЧТО И Я УМЕЮ

ФЛАГИ

Я сменю свои флаги на белые...
Нет терпенья, и я хочу сдаться,
Напишу на обломках мелом я:
«Принимайте капитуляцию!».

Я сменю свои флаги на чёрные...
Я в пираты хочу записаться,
По морям, по волнам непокорным я
Буду долгие бури скитаться.

Я сменю свои флаги на красные...
Да свершится моя революция!
Я оставлю надежды напрасные,
И мечты мои больше не сбудутся.

Я сменю свои флаги на жёлтые...
Моё имя станет изменчивым,
Мои взгляды станут тяжёлыми,
Я забуду язык человеческий.

Я сменю свои флаги на серые...
Как любовь твоя, стану неправдою.
Ты совсем перестанешь верить мне,
Ну а я тебе – и подавно.

Я сменю свои флаги на синие...
И забудусь в покое глубоком,
И моим изменчивым именем
Назовут планету далёкую.

Я сменю свои флаги... Да чёрт с ними!
Пусть останутся цвета космоса
С блеском звёзд и дырами чёрными,
Разноцветным сияньем над полюсом...

ИЗ ДЕТСТВА

Привет тебе. Пишу из детства,
Где плещется река Бакчар,
Где ещё нет беспутству места,
Где ядом не пахнул анчар.
Где вечно свежие лужайки,
Где мягкий снег и тёплый хлеб,
Из уст в уста гуляют байки,
И сон бессмысленно-нелеп.

Из этой маленькой деревни,
Где ни куска асфальта нет,
Десятков лет минуя тернии,
Тебе от бабушки привет!
И память яркой фотоплёнкой:
Сирень, дощатый тротуар,
Наивность тихого ребёнка,
Не знать забот прелестный дар.

Кто знает, будешь ли ты помнить
Уроки этих давних дней?
Лишь искрами хочу наполнить
Твой одичалый мир теней.

ЖИВОЙ И НАИВНЫЙ

Забери эти две гвоздики,
Прекрати обивать пороги!
Я всего лишь хотел земляники,
А очнулся с похмелья в морге.

Бирку с фразой: «Живой и наивный»
Прочитаю – не буду спорить.
Что же эти надежды невинные?
Что же эти пустые теории?

Всё не так, как в том адовом мареве!
По своим местам мысли и органы,
Торты съедены, лопнуты шарики,
И асфальтом колени разодраны.

Полушёпотом трепетной песни
Я прощаюсь, но не прощаю.
Не назло и совсем не из мести
Буду жить. Я тебе обещаю.

НЕ ЖАЛЕЮ

Ещё тепло, а я уже осенний.
В круговоротах листьев и воды
Мне осень – наподобие беды,
И кажется, что нет спасенья.

Хочу уметь, как ель вечнозелёная –
Хранить в себе прекрасные черты.
Но в тихой песне пустоты
Дрожу осиною утомлённою.

Хочу уметь, как птица перелётная,
Бежать от мстительной зимы,
Но в глубине бесплодной тьмы
Живу в земле червям подобно.

Хочу уметь, как воздух невесомый, –
Быть всюду, видеть, слышать всё.
Но лишь с десятком городов и сёл
Мне доводилось быть знакомым...

А всё же кое-что и я умею:
По-настоящему любить.
Неплохо человеком быть –
И я об этом не жалею.

Кирилл ХАМОВ

ДОЖИВУ СВОЙ ПУТЬ

АТАКА ЛОВЧЕГО СОКОЛА

Атака на взлёте, и в стороны перья,
Противник поверженный где-то в кустах,
Похвален хозяином буду теперь я.
Улыбка мелькнёт на серьёзных устах.

Я предан ему и в суровую стужу,
И в хлещущий дождь, и в сухую жару,
Я предан ему, и поэтому нужен,
А это не так уж и мало, не вру.

Хозяин даёт мне и мясо, и воду,
А всё остальное укрыто от глаз.
Но только во сне я увижу свободу,
Что не убиваю под чей-то заказ...

И снова атака, мой клюв будто выстрел,
Не стерпит противник стремительный бой.
И падают перья, как рыжие листья
С унылых деревьев осенней порой.

2010 г.

МАРАФОН

Каждый шаг – как последний в жизни,
Едим градом на скулах пот,
Где же этот далёкий финиш?
Тренер в рупор кричит: «Вперёд!».

От усталости ноги сводит,
В икры словно налит свинец.
Кто-то справа меня обходит,
Кто же этот лихой юнец?

Только я что-то тоже стою.
На зубах, но идти до конца,
И пусть адских усилий воли
Будет стоять догнать юнца.

Он рванул, испечётся скоро,
Мальчик мой, марафон не прост.
Темп не рвать, сохраняя скорость,
Впереди ещё двадцать вёрст.

Не бежать, сколько бы ни просили
Крики с улиц, и в этом суть...
А потом упаду без сил я.
Доберусь, доживу свой путь.

2010 г.

ПСЫ И ВОЛКИ

Не друг ты мне, хоть и собрат,
Сородич мускулистый,
Возможно, ты и сам не рад,
Что жрёшь с хозяйской миски.

Грустишь, что цепь не так длинна,
Скулишь порой о воле,
И это, право, не вина,
Но сердцем, полным боли,

Ты ждёшь, как преданный вассал,
Скупой хозяйской ласки,
Чтоб он за ушком потрепал
И пожалел остратки.

Моя же шкура хоть худа,
А жизнь твоей не хуже,
Мне говорит свобода «да»,
Я с вольным ветром дружен.

В разы вас больше, ну и пусть,
Наш дух прочней металла.
И я смертельно улыбнусь
Своим стальным оскалом.

За что стремглав иду в борьбу,
В атаку, твёрдо знаю.
Гортанным рыком призову
Свою лихую стаю.

Перед глазами пелена,
Оттенок серо-чёрный,
Узнают все, почём она,
Свобода обречённых.

ТАНЕЦ НАД ПРОПАСТЬЮ

Танец над пропастью,
Полной отчаянья.
Скинуты простыни,
К чёрту сознание.

В каждом движении
Чёткая пластика.
Пятки до жжения,
Пальцы до спастики.

Тонкий и пламенный,
Яркий, неистовый
Танец на маленьком
Каменном выступе.

Галька срывается
В пропасть гигантскую,
Но продолжается
Хота испанская.

Сердце волнуется,
Полное гордостью,
Если любитесь
Танцем над пропастью.

2011 г.

Я ГУЛЯЮ

Запрягай, извозчик, я гуляю,
Да гони в кабак повеселей,
Заливать тоску-печаль желаю
По убитой Родине моей.

Нет её теперь, ты понимаешь,
Порвалась вся в клочья, как шинель...
Там у них поёт такая, знаешь,
Пудренная, мать её, мамзель.

По-немецки всё да по-французски,
Либен-либен, что-то, рья-до-рья,
Сяду я и хлопну водки русской.
И скажу: «Родная ты моя,

Будь добра, посторонись немного,
Ты присядь, попробуй огурцы».
Да как дам про дальнюю дорогу,
Про коней, про снег и бубенцы.

Эх, припев, чтоб стаканы дрожали,
Под прихлоп отчаянный, как кнут,
Чтоб потом по всей Европе знали,
Как в Париже русские поют.

Как вы здесь живёте, я не знаю,
Где простор, чтоб дух схватило аж?
Я гуляю, до утра гуляю.
Сдачу? Да возьми, семье отдашь.

2017 г.

Александр Таразанов

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

ЗИНАИДА СЕМЁНОВНА

1

Зимние дни коротки. В сумерках выползает морозец. Такова природная среда в посёлке Рыбном. Зинаида Семёновна, небольшого росточка вдова, ввалилась в избу, прислонилась к косяку на минутку, не снимая валенок и старенького полушубка, шагнув, тяжело бухнулась на лавку.

– Вера! – позвала она дочь. – Я так устала. Что-нибудь покушать там осталось?

– Кроме краюхи хлеба, стакана кислого молока ничего в доме нет. – Вера открыла чистое полотенце, показала матери.

– Спасибо, дочка, – поблагодарила она её.

– Знаешь, мама, – заговорила Вера, – тебе нас с братом тянуть трудновато, может, мне бросить учиться, сама знаешь, какое время, – рассудительно сказала она и глянула на мать.

– Нет, давай-ка доучивайся, у нас в роду неучей не было, – недовольно посмотрела она на дочь. – Твоя старшая сестрица Гутя выскочила замуж, и чё? Не доучилась, а сейчас с дитём сидит, мужик на фронте воюет. Правда, я ей дала работу, чтобы мыла полы в конторе по вечерам и за это получала пайку. Жалко мне её.

– Мама! – Вера тут же её перебила. – Аграфена Ильинична, моя учительница химии, мне подсказала, что в лабораторию геологов нужен лаборант. Днём я в школе, а вечером на работе.

– Ты молоденькая, ещё наработаешься. Ой, смотри, пожалеешь, – сочувственно вздохнула. – Ладно об этом, меня с утра дома не было. Рассказывай новости.

– Сегодня в нашем посёлке две чудные старухи появились, обе в чёрных одеяниях. Бывшие монашки. Поселили их тут недалёко, в пустующем доме. Одна сестра Наталья, а вторая сестра Анастасия. Сестра Анастасия такая маленькая, с тебя и с меня ростом, а сестра Наталья стройная, высокая. Тебе пришли письма с фронта. Там от брата есть одно, я сейчас отдам, – исписанное письмо-треугольник вручила матери.

– Давай сама, в потёмках не видно, – она вернула письмо дочери, рядом на столе горела яркая свечка, что можно было читать и писать.

Брат Анатолий писал – у них на фронте пока спокойно. Посылали брат «языка», взяли. Здоровым оказался немцем, ох как изматерились бойцы, пока его тащили к нашим позициям. Спасибо за варежки. Всем привет. Короче, вот такие новости. Письмо было коротким, но очень хорошим.

– Славу богу, Толик написал это письмо, – мать смахнула слезу. – Я что-то сейчас вспомнила, как твои братья оказались на фронте, хотя имели бронь. Приходит из Красноярска приказ, сколько нужно отправить народу на фронт. А где их взять? Вот и пришлось твоих братьев подписать на это. Я каждый день молю, чтоб они оттуда пришли живыми и невредимыми, – она снова смахнула слезу.

– Хорошо, мама, я доучусь, сдам экзамены и устроюсь на работу, – твёрдо сказала дочь.

– Не знаю, к месту или нет. Так вот, слушай: я когда училась, в нашей школе был псаломщик, горбатенький и голубоглазый, с приятным голосом. Закону божьему учил. Ещё нас учила молодая учительница Василиса Парамоновна, приехавшая из города в наше село. Училась в нашем классе дочь купца Ефремова, Дунька. Ох, здоровой была девкой, в каждом классе, заметь, сидела по несколько лет. А что ей не учиться, сиди на отцовской шее. А замуж всё равно кто-нибудь да возьмёт. Так вот, как-то на уроке эта дылда Дунька с учительницей сцепилась, подралась из-за псаломщика. Прибежал сторож, чтоб разнять их. А нам-то смешно, мальчишки их ещё между собой зююкают. После того случая учительница уехала. Я окончила школу, и мы уехали из села. Ничего о них не знаю. А вот ещё был такой случай: батюшка жил с двумя женщинами. Попадья всегда жаловалась, когда он брал продукты и относил второй женщине: – Пожалей своих детушек, кормилец наш. – На что он ей отвечал: – Люба, там тоже моя плоть голодает.

С тех пор не люблю этих попов. Они больше нас грешат...

Утром – громкий стук в дверь. Чуть не влетела, запыхалась пожилая Евдокия, сторожиха с конторы: – Беда, Семёновна, беда. Мужики в порту дерутся до смерти. Вчера получили аванс и устроили пьянку, а сегодня не вышли на работу. Ты же знаешь, что с ними будет, если прознают в райцентре, десять минут назад мастер Снегирёв звонил.

Зинаида Семёновна быстро оделась, вышла из избы, встав на лавку, легко вскочила на лошадь и ударила по бокам уздечкой. Стремглав помчалась с места, когда прискакала в порт, лошадь была вся в мыле. Ловко спрыгнула и спокойно повела лошадь. Подвела к барачному столбу, завязала на уздечку, вытерла схватившуюся корку и накинула старую попону. Только потом вошла в барак. Колька-одноглазый с перекошенным ртом лежал на нарах и тихонько стонал. На лавке, с огромным фингалом, курил папиросу толстяк с лукавым взглядом, Федул. Мужики, завидев Семёновну, торопясь, начали собираться и по одному выходили из барака, остались Федул с Колькой.

– Ну, рассказывайте, что у вас тут случилось.

– Да ничего особенного, щас пойдём на работу, я покурю и пойдём.

– Только в темпе, а то штраф влеплю обоим.

Встав, Колька зло зыркнул своим единственным глазом на Зинаиду Семёновну. Оделся и вышел.

– Иногда мужики стенка на стенку собирались и кулаками махали на Руси, так что не обессудь, Семёновна, – захихикал, одеваясь, Федул, – так что езжай и не приезжай.

И, выходя, помахал широкой ладонью: – Пока!

Развлечься так они решили, но всё получилось в меру. Зайти к мастеру, чтоб лишнего не ляпнул начальству.

2

Перед Новым годом вся семья Сергеевых вязала варежки, должны были их отправить на фронт как новогодние подарки. Зашла без стука шумная, огромная соседка Надежда, тяжело дыша, уселась на лавку:

– Что там нового, Семёновна, расскажи.

– Да ничего особенного, как видишь, вяжем варежки для фронта.

– Тут недалеко от посёлка Степанов, охотник-тунгус, убил медведя. Из района приехали важные партийные лица, хотим, мол, поохотиться на медведя, а он щас спит. А что им, они крепко поддали. Степанов показал берлогу. А эти пьяные дураки пошли и разбудили его, так он вылез, напал на одного из этих и порвал его насмерть. Второй выстрелил и не попал, хорошо, что тунгус с ними был, тот не раздумывая одним выстрелом мишу наповал убил.

– Серьёзная история. А давай я тебя угощу пирожком. Садись ближе к столу.

Соседка села с краю. Зинаида Семёновна принесла в стакане с подстаканником прозрачный, желтоватый ароматный чай с пирогом. Соседка попробовала и заторопилась, сказала на прощание:

– Спасибо! Я побегу.

Прошло несколько дней, в посёлке появился участковый, и сразу напрямик к Сергеевым. Как раз всё семейство собралось обедать, уже сидели за столом. Отворилась дверь, и вот он, «гость дорогой», на пороге. Не ждали, называется картина.

– Здорово, Иван Петрович, – первой поздоровалась с участковым хозяйка, тот лишь мотнул головой. – Это каким тебя ветром к нам занесло?

– Я слышал, что ты портовских мужиков на место поставила, драка была? Молодец.

– Что-то ты врёшь, там они меж собой повздорили и разошлись мирно. Не люблю, когда врут.

– Хорошо, скажу. На тебя сигнал пришёл, что ты кормишь гостей пирогами из муки. Давай показывай, где мука. Имею полное право.

– Муку держала в ларе. Пойдём, посмотришь, – она вышла в сени, где находился ларь. Открыла крышку, участковый осветил фонариком. Убедившись, что ларь пустой, оба вернулись в избу.

– И всё-таки скажи, чем кормила гостей?

– Пирогам из картофельного теста с грибной начинкой. Всё очень просто, картофельное пюре смешиваю с протёртой сырой картошкой, получается картофельное тесто.

– Я обыск не стану делать, мне надо срочно успеть съездить в соседний леспромхоз. В следующий раз не угощай гостей, – предупредил участковый и удалился.

«Ну какая сволочь эта Надька, взяла и накапала на меня. Хороший урок

она мне преподавала», – сразу после ухода участкового подумала Зинаида Семёновна.

3

Война давно закончилась, вроде и жизнь налаживается в семье Зинаиды Семёновны. Сыновья вернулись, оба живы и здоровы. В общем, всё хорошо. Теперь она ни за что не отвечает. Да, Зинаида Семёновна уже пенсионерка. Ребята разбежались по разным углам, кроме младшего сына. Вера успела закончить заочно техникум, её часто гоняют по командировкам, экспедициям. Её дома уже нет целую неделю, укатила на дальний прииск. Толя с Фёдей отделились и женились, но живут пока в посёлке. А младший сын Спартак живёт с другой стороны родительского дома, и фактически матери не помогает, взял бабу с дитём.

Утром кто-то громко постучался в дверь, Зинаида Семёновна – к двери.

– Заходите! – Открыв, она даже не посмотрела, кто вошёл.

– Ты хоть бы посмотрела, кто такой, – сказал перед ней стоящий председатель поссовета. – Я тебе квартиранта привёл.

Рядом с ним стоял с чемоданчиком симпатичный, подтянутый мужчина с усиками, похожий на гусара.

– Короче, я пошёл, а вы тут без меня разбирайтесь.

Председатель исчез.

– Гамарджоба! – по-грузински поздоровался с ней незнакомец. – Меня зовут Владимиром, а вас...

– Зинаида, – она глянула на него, поймала его взгляд и смутилась. – А вы сами откуда?

– Из Грузии, а вы, надо полагать, из местных, Зиночка? Ну, раз так, показывайте ваши апартаменты.

– Не Зиночка, а Зинаида, – одёрнула она квартиранта.

– Хорошо... хорошо, Зинаида... – успокоил он хозяйку. А про себя подумал: «Время покажет. Зиночка»...

Как оказалось, эти провидческие слова, сказанные квартирантом Владимиром, были в тему, он потом её называл ласково Зиночкой. Ему, семнадцатилетнему парню, власти предъявили, что он с друзьями готовил покушение на самого Сталина. Схлопотал срок. После отсидки не вернулся домой. Остался в Сибири, выучился на бухгалтера. В последнее время попал в посёлок, где проживала Зинаида. Уже не молодой человек влюбился в свою хозяйку. Она ему ответила взаимностью, и у них возникла любовь.

4

Старость подкралась как-то незаметно. Казалось, недавно Зинаида Семёновна была молодой, цветущей женщиной, но вот легли морщины, и вдобавок «украсила» седина, и пошло-поехало, не узнать ту Зинаиду, время своё взяло. Не успела оглянуться – дети выросли, и у них появились свои дети, то есть внуки. Время не расслабляет, а наоборот, только поспевай за ним, сколько успеешь сделать дел.

Зинаиду Семёновну выбрали поселковые пенсионеры быть председателем кассы взаимопомощи, собирать деньги. В основном членами кассы взаимопомощи были одинокие старушки, и единственный ворчун-старик, вдовец, красавец Виктор Михайлович Снегин. Не любила к нему ходить Зинаида Семёновна за взносами. Да он и сам не любил, чтоб к нему захаживал народ.

Бывало, возьмёт бабушка внучку Киру и пошли взносы собирать. Зайдёт к какой-нибудь старухе-горемыке, она ей как на исповеди всё расскажет. Тем временем выпроводит внучку на улицу, чтоб девчонка не слушала, о чём говорят старые люди. Наслушавшись, наговорившись, отправляются к следующей старушке. Отправляясь в очередной раз с внучкой за взносами, они наткнулись возле своего дома на запыхавшегося Снегина.

– Семёновна, срочно нужны деньги. Митька, леспромхозовский водитель, привёз дрова. Там такие отборные, где взял, не сказал. А мне-то что, лишь бы зимой топились жарко печь.

– А сколько дать?

– Не знаю, просил восемь рублёв.

Зинаида Семёновна отошла в сторону, залезла в сумку, покопалась в ней, вытащила голубенькую «пятерку» и зеленоватую «тройку», сунула Снегину: – Держи! Отдашь с пенсии в кассу.

– Ой, спасибо! – Снегин чуть ли не вприпрыжку побежал. Глядя вслед этому счастливцу, она вспомнила, когда к ней пришёл бывший батюшка. Попросил её:

– Зинаида Семёновна, надо мне помочь, покойника отпеть, я тебе за это дров привезу.

Подумав, она согласилась, правда, этот припомнил случай ей местный парторг, когда решила вступить в партию. А второй раз ей снова напомнили за сожительство с бывшим политзаключённым. Больше она для вступления в партию никогда не писала заявлений.

Всяко бывало у Зинаиды Семёновны историй, и не счесть...

ЗИНАИДА ИВАНОВНА

Рабочий день только-только начинался. Стройная красавица брюнетка средних лет, бригадир штукатуров Зинаида Ивановна недовольная вышла из прорабской. Машина с раствором должна подойти ближе к обеду, три с лишним часа бригада будет бить баклуши. Чтоб тратой времени не занимались, пусть обстучат банки. Сейчас заставлю приготовить рыжеволосого, губастенького говоруна, машиниста растворной станции Фому Ерёмкина. Пусть займётся, у него вечно что-нибудь не так. Не успела отойти, её окликнул грузный, басовитый прораб Антон Куприянович:

– Слышь чё, Зинаида, забыл тебе сказать насчёт практиканта-пэтэушника, он тебя ждёт в вашем вагончике, ты его там сильно не гоняй, короче, поняла?

Она даже головы не повернула в его сторону, махнула рукой.

Практикантом оказался светленький, худощавый, в конопушках паренёк,

сидевший с краю на скамейке, он постоянно краснел, когда кто-нибудь из бригады скажет что-то смешное. – Хватить ржать, всем к Фоме, надо обстукать банки, – приказала Зинаида Ивановна. Подчиняясь ей, из бытовки шумно вывалила бригада.

– А вы, молодой человек, пока что тут остаётесь, – обратилась она к практиканту. – Так рассказывайте.

– А что рассказывать? – смутившись, пролепетал он.

– Кто такой, откуда и так далее... – и просверлила взглядом.

– Я деревенский, Василий Петров, наш колхоз упадочный, то есть скоро совсем развалится, почему решил пойти выучиться на штукатура. Год уже отучился. Пришёл к вам на практику.

– И всё?

– Пока всё.

– Не густо, почти ничего нет в твоей биографии.

– Так будет, – уверенно ответил ей практикант.

– Не говори «гоп», пока не перескочишь. Таких, как ты, я видела много. Ладно, пошли, я посмотрю, на что ты способен. Бери кисть, ведро с водой и тёрку, пожалуй, ещё забери мастерок там в углу.

Находясь в комнатухе объекта, Зинаида Ивановна искала место, на котором можно потренировать практиканта. Нашла.

– Смотри внимательно.

Побрызгала стенку, тёркой аккуратно затирала по мокрому месту, соскоблив мастерком с тёрки налипший раствор, предложила:

– Повтори!

Практикант попробовал проделать то же, что и Зинаида Ивановна, но у него не получилось.

– Что ты стенку гладишь, словно девку! Нажимай и равномерно затирай. Бери тёрку.

Практикант начал затирать вкруговую. Зинаида Ивановна взяла его руку, по ходу ему показывала, как выполняется эта операция.

– Сегодня на свежем растворе попробуем. А сейчас хватит. Пошли. Собери инструмент.

Сняв перчатки, сунула в карман, направилась к выходу.

Раствор привезли после обеда. Бригада работала быстро и слаженно. Успели заштукатурить без затирки два этажа в подъезде «хрущёвки» 67-й серии – сколько привезли, на сколько хватило раствора. После чего пошли затирать и делать откосы. Практиканту тоже досталось. Работая на стенке, что-то непонятное напевал себе под нос. Подошла Зинаида Ивановна, заглянула через его плечо, безрадостно сказала:

– Пой, соловушка, пой. Так не пойдёт. Надя! – она позвала из другой комнаты полную девушку со смешливым взглядом. – С сегодняшнего дня будешь у него наставником, тебе я доплачу.

– Ивановна, побойся бога, какой из меня наставник. Чего смеяться, я в школе кое-как доучилась до восьмого класса, забрала документы – и в ПТУ. После училища к вам попала в бригаду.

– Ничего не знаю, мой тебе приказ. Наставницей с сегодняшнего дня будешь ты.

– Ну ладно, быть – значит, быть...

Прошло три недели после появления практиканта в бригаде Зинаиды Ивановны. Наставница Надя постоянно с ним находилась рядом, показывала и объясняла. Решила сегодня Зинаида Ивановна посмотреть, чему научила его наставница. Нашла их в маленькой комнате, стояла, заложив руки за спину, внимательно смотрела за действиями практиканта. Затирал уверенно, словно заправский штукатур: «Парень знает дело».

– Ты там не увлётся случайно? – спросила она практиканта. Он сразу бросил затирать, молча взял рейку – типа уравнивателя, и провёл ровно по стенке с начала и до конца.

– А как насчёт откосов? – она придирчиво глянула на практиканта.

– Пока не освоил, – покраснев, ответил он.

– Когда окончишь училище, приходи в мою бригаду. Я тебя возьму.

– Спасибо! – ответил практикант.

«Ничего, научится, – подумала Зинаида Ивановна, – толк будет с него»...

ТРЕУГОЛЬНИКИ

Самолёт приземлился в Мотыгино. Светило солнце, а там, где кончалась взлётная полоса, расстелилось ромашковое поле. Недалеко в кустах шиповника распелась голосистая пичуга. С хорошим настроением и подхватив небольшой чемоданчик с пакетом, Кира заспешила на посадку в рейсовый автобус.

Наконец родная улица. Пока родители на работе, Кира первым делом отправилась навестить свою родную бабушку, Зинаиду Семёновну. Знакомая калитка. Кира прошла в глубь двора и по ступенькам крыльца проскользнула в сени. Оставив там чемоданчик с пакетом, вошла в избу. Зинаида Семёновна лежала на диване, увидев любимую внучку, встрепенулась, захолопотала:

– Ой, какой приехал гость, – и сразу засуетилась. – Ты с дороги, сейчас накормлю пирогами.

Внучка с бабушкой сидели за столом.

– Ну, рассказывай, лягушка-путешественница.

– У меня всё нормально, – вздохнула она и посмотрела на бабушку.

– А чего тяжело вздохнула? Никак влюбилась? – заулыбалась Зинаида Семёновна.

– Не угадала, бабуля. Не успела сдать два предмета, ходила с ребятами в поход на Тянь-Шань.

– Было бы из-за чего вздыхать, я тебя знаю, сдашь в следующий раз.

– Да уж как-нибудь постараюсь, – успокоила сама себя Кира.

– Ой, вспомнила, – всплеснула руками Зинаида Семёновна. – Соседке обещала дать шерстяных ниток. У меня в кладовой осталась целая картонная коробка. Она потом свяжет варежки, носки. Сама я не могу вязаньем заниматься. Зрение меня стало подводить в последнее время.

Кира в темноте хотела достать с верхней полки коробку с нитками, но почему-то на её голову посыпались письма. (На коробке с нитками стояла другая коробка, оттуда и посыпались эти письма-треугольники.) Вдвоём собрали их.

- Бабуля, что за письма?
- Давай посмотрим.

Кира унесла коробку с письмами в избу.

Кира с Зинаидой Семёновной сидели за столом и разбирали старые пожелтевшие письма-треугольники. Кира обратила внимание, что многие письма написаны солдатами на бабушкин адрес.

– Бабуль, скажи, пожалуйста, – обратилась она к бабушке, – почему тебе писали незнакомые люди?

– Миленькая Кирочка, была война. Мы, бабы, понимали, что такое русские зимы. Сидели вечерами и при свечах вязали варежки для наших солдат. А получив такой подарок, любой из наших бойцов мог сделать больше, чем подвиг. Ты возьми хоть одно письмо и прочти его.

Кира вытащила из кучки письмо и вслух начала читать.

«Уважаемая Зинаида Семёновна! Хочу сообщить, что ваши варежки получил, и бью врага насмерть. Хорошо, что вы сообразили на правой варежке связать для указательного пальца. Сам я сибиряк, охотник с Нарымского края. Успел несколько фрицев шлёпнуть благодаря вашим варежкам...»

Кира перестала читать письмо. Взяла следующее.

«Уважаемая Зинаида Семёновна! К вам обращается красноармеец Сергей Воробьёв родом со Смоленщины. Во-первых, вам огромное спасибо за такой подарок. И во-вторых, мне пришлось их отдать, но взамен получил простые рукавицы. Сейчас вам всё объясню. Меня забрали в первые дни. Когда началась война, попал на Ленинградский фронт. Вожу груза, я водитель. Однажды зимой вёз полную машину людей, налетел фриц. Начал нас расстреливать, я остановился. Все кинулись кто куда. Девушка ехала с нами, с перевязанной левой рукой и снайперской винтовкой. Она прицелилась, но промахнулась. Меня подозвала, и с моего плеча, прицелившись, попала. А я заметил, что у неё варежки без напальчника. Когда стреляла, сняла варежку. Я эти, вязанные вами, ей взял и отдал. Мне какая разница, в чём рулить...»

– Надо же, взял и отдал. А что дальше было? – промолвила Кира.

– Помню я этого Воробьёва, – начала Зинаида Семёновна. – После войны он встретился с Зоей, с той девушкой, и они уехали к нему на родину. Фото даже присылал. А вот куда фотография подевалась, я не помню. Чёртов склероз. – И она поморщилась.

– А можно ещё почитать? – попросила Кира.

– Да бери, чего там, – ответила она.

Кира взяла письмо, вскрыла. Оно было немного заляпано кровью.

«Уважаемая Зинаида Семёновна! Пишет вам гвардии рядовой Евгений Лепёхин, омич. Спасибо за посылку, а именно за варежки. Нашему отделению пришлось кидать жребий, кому достанутся ваши варежки, они достались мне. Помимо этого там был сшитый кисет и платочек, а эти вещи достались другим бойцам нашего отделения. Не могу писать дальше, атака...». После этих

слов другим почерком было написано следующее... «Жалко, Женьку убили, мне придётся потом написать его матери. Если вы не против, я заберу ваши варежки и буду бить эту фашистскую мразь, отомщу за Женьку и за весь наш многострадальный народ...»

Зинаида Семёновна не выдержала, перебив чтение, сказала:

– Этот парень потом стал Героем Советского Союза, снова забыла фамилию, он заслонил дзот, как Матросов. Мне его однополчанин написал.

– Бабуля, так ты могла эти письма в музей отвезти, в Красноярск.

– Нет, не могу я это сделать. Тяжесть, боль какая-то лежит за них... ладно, давай коробку положи на место и ступай к своим.

Судьбы войны, никуда от них не денешься. А сколько лет-то прошло. Вот они, отголоски истории, где-то там остались, на чердаке, в чулане... и позабыть невозможно.

Ольга Чемерская

АРИШКА

Некоторые говорят, что любят животных, умиляются симпатичным мордашкам, рассказывают, какие умные овчарки да какие милые, ласковые кошки, а дома никого не держат. Я же, напротив, постоянно таскала домой какую-то живность. У меня кого только не было, кроме, наверное, змей и пауков.

Появлялись они у меня по-разному.

С мамой мы покупали каждую осень пару щеглов. Несколько лет подряд. У неё когда-то жил певчий щегол, и она, памятуя об этом, наверное, надеялась, что когда-нибудь один из щеглов запоёт. Но они не пели, только весело трещали, и весной мы отпускали их на волю. Так же с маминой подачи у меня появился хомяк. Пара бурундуков прожили у меня всю зиму, постоянно враждуя друг с другом, и весной отправились домой в лес. Подруга подарила мне черепаху. Черепаха всю зиму спала, а весной, когда уже зазеленели полянки, мы с черепашкой пошли гулять, а домой поздно вечером вернулась только я. Черепашка бегала быстрее, чем мне казалось, и я её потеряла. Надеюсь, она смогла выжить в этом жестоком мире. Ёжик... продержался ровно три дня. Он так шумел по ночам, что мы отдали его маминым знакомым в частный дом.

Три раза я приносила в дом котят. Один уличный котёнок был изначально болен, его били судороги, и спустя сутки он умер. Я сильно переживала и плакала тогда. А мама страшно ругалась, боясь, что мы с братом могли подцепить от него какую-нибудь заразу. Но, слава богу, всё обошлось. Подружка предложила взять котёнка у бабушки из соседнего с ней дома. Дома находились в частном секторе, бабушка была слепой, и многочисленные кошки, живущие у неё во дворе, не относились к числу ручных. Но чёрного котёнка удалось отловить и засунуть в сумку. Стояло жаркое лето. Я жила на втором этаже, и окна были распахнуты настежь. Расстегнув молнию спортивной сумки, я онемела от неожиданности. Всё, что я успела заметить, это чёрная молния, метнувшаяся через всю комнату. Там-сям попадали мелкие вещи, и молния скрылась за окном.

Откуда у меня появилась Манька, я уже не помню. Она любила гулять сама по себе. И после рождения первенцев пошла во двор и не вернулась. Двух её котят я кормила молоком из пипетки, и, когда они достаточно подросли, одного из них забрала девочка Оля из соседнего дома. Второй котик, которого я назвала Черныш, жил у нас долго, и за всю свою жизнь не произнёс ни звука. Может, ему просто нечего было сказать?

Один раз мы с подружками нашли на улице маленького и очень миленького щеночка, но моя мама категорически отказалась его принять, и мы пошли к другой маме, и только третья разрешила взять домой щеночка. Со Светкой из соседнего дома я поссорилась, и потом только со стороны наблюдала, как маленький щеночек подрастал и в итоге превратился в огромную, рыжую и очень лохматую дворнягу.

Позже у меня всё же появилась собака, но она уже была из другой жизни. Как и все остальные питомцы, которых заводила моя дочь. Но в моём памятном детстве самым любимым и самым запомнившимся была Аришка. Не знаю, почему я решила, что это девочка, ведь пол птицы, особенно вороны, особенно в двенадцать лет, определить очень трудно. Аришка была вороной. Или вороном.

Однажды весной я шла из школы мимо местной свалки, образовавшейся на месте снесённой деревяшки. Везде, где беспорядок, сметливый люд добросит до кучи. Так выросла свалка. Около свалки толпились мальчишки разного возраста и прицельно метали камни. Куда они целились, понять было трудно, но, когда я подошла поближе, поняла, что их цель ещё шевелится.

– Эй, что это там? – крикнула я и пробралась сквозь группку ребят.

– Птенцы какие-то, – ответил один.

Я подошла к лохматой кучке. В ней лежали три мокрых воронёнка. Один из них был ещё жив и здоров. Я взяла его в охапку и потащила домой.

Моя мама даже не удивилась, когда я опять притащила в дом очередную живность.

– Весна поздняя, кормить птенцов, наверное, нечем, вот и снесли вороны птенцов на помойку, – предположила она.

У меня от бурундуков осталась большая клетка, и в ней я поселила воронёнка, когда он немного подрос. До этого он сидел просто в коробке, и я кормила его червяками, накопанными во дворе. Он смешно задирает голову и со звуками «ар-ар-ар» проглатывал извивающихся дождевых червей, одного за другим. Аришка очень любила белый хлебушек, размоченный в молоке, и сушёное мясо, которое таскала у кота.

Соседка поехала отдохнуть на море, и у меня временно поселился бело-снежный ангорский кот Снежок. В его приданом был мешок сушёного мяса, которое я заливала кипятком перед тем, как поставить перед Снежком. Клетка с Аришкой стояла на полу и была всегда открыта. Аришка свободно входила и выходила из неё, когда вздумается. И появление в поле зрения миски с мясом всегда было хорошим поводом выйти из клетки. Снежок несколько раз отчаянно пытался спасти своё мясо, но получал клювом промеж глаз. Снежок был котом не из робких, тоже частенько надолго уходил на улицу и задирает местных котов, но с Аришкой связываться боялся. Пришлось мне самой заботиться о безопасности мяса и запирает Аришку в клетке на время кормёжки кота. Время летело быстро, и Аришка выросла в полный рост, при этом оставаясь в душе ещё совсем маленькой. Мы купали её в тазу и сушили на бельевых верёвках. Она лежала на них, как в СПА-салоне: расслабленно раскинув крылья и закатив глаза, грелась на солнышке. Боже, такой милоты я в жизни не видела. Но меня и компанию сильно беспокоило, как мы выпустим её в «дикую природу», если она даже летать не умеет.

Аришка ходила исключительно пешком и не о каких полётах не задумывалась!

Поэтому однажды жарким июльским утром мы с Наташкой решили научить ворону летать! Я должна была запустить её из окна, а Наташка – обратно

в окно. Полёт из окна прошёл нормально. А вот обратно... Аришка врезалась в стену и упала.

Она ходила, волоча левое крыло. Я взяла тяжёлую клетку и поехала к ветеринару. А надо сказать, что в моё детство на весь город была только одна ветеринарная клиника! И добиралась я до неё ровно полтора часа с двумя пересадками.

Утешало только то, что ушиб был не сильный.

– Ваша ворона ещё тысячу лет проживёт, – сказал врач, и мы с подружкой отправились в обратный путь.

Наступил август, а Аришка так и не научилась летать. Мама решила навещать родственников в Казахстане, и купила билеты на поезд. Аришку договорились оставить той самой знакомой, у которой некогда поселился наш ёжик.

А через месяц мы вернулись из поездки и узнали, что Аришка улетела. Она ещё несколько раз возвращалась к нашим знакомым, а потом пропала навсегда. Где ты, моя Аришка?

ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО

Снег шёл всю ночь. Намело по самое не хочу. Лида поднажала, и с трудом сдвинула с места плохо поддающуюся железную дверь подъезда. «Ого-го, не слабо завалило», – подумала она, аккуратно ступая на заснеженные ступени.

В трамвае безлюдно и как всегда холодно. Не больше десятка ранних пассажиров, да и в «холодильнике» кататься захочет не всякий. Она сидела на одиноком сиденье у окна и смотрела на утренний город. Ещё стоял зимний сумрак, и снег искрился, попадая в свет от фонарей, как будто думал, что так эффектней.

Город был заполнен огнями автомобилей, и горожанину не нужно никакой иллюминации, чтобы жизнь наполнилась разноцветными красками: яркий свет от фар, светофоры и рекламные вывески.

Буквально на середине дороги между домом и работой трамвай, как и полагается всем местным трамваям, сломался. И так не большая компания желающих проехать на этой гроыхающей всеми запчастями колымаге вывалилась на улицу в надежде найти другой транспорт. У трамвая остались только двое растерявшихся детей семи и пяти лет, крепко державшихся за руки.

– А вы что? Где ваши родители? – поинтересовалась озабоченная Лида, она не могла пройти мимо беспомощно стоящих ребятишек. – Вам куда нужно доехать, малышня?

– До Учебной, в садик, сестрёнку... – пытаюсь не плакать, выдавил мальчишка постарше.

– Пойдёмте, мне туда же, – и поманила их направляющим движением головы в сторону остановки. Но малыши не двинулись.

– Что случилось?

– У нас денег больше нет. Мама дала только на одну поездку.

Лида тяжело вздохнула.

– Я заплачу, – и взяла мальчика за руку.

Эти маленькие пухлые ладошки... необычное, давно забытое ощущение всколыхнуло в ней тёплые, сентиментальные чувства, к горлу подступил ком, и сердце быстро-быстро заколотилось.

Про себя она ворчала: «Если на детей нет времени и денег, как можно их вообще заводить? Никакой ответственности!».

На остановке они вышли вместе, и Лида взглядом долго провожала удаляющихся детей. Они с трудом преодолевали снежную мешанину, ступая в колеи и утопая в них до уровня колен. Маленькая сестрёнка споткнулась и звездой распласталась на снегу. Братик стал поднимать её из сугроба, подтягивая за руки, но она только барахталась, перебирая ногами, как лягушонок в крынке с молоком, а встать на ножки не могла. Сам он был немного выше её ростом и вряд ли сильнее. Но он был старше и честно выполнял свой долг.

Лида не выдержала и, подбежав к ним, одним движением поставила малышку на ноги. Ребятишки пошли дальше. Садик был за углом.

Весь день она «переваривала» этот вопиющий факт родительской халатности и только ближе к концу рабочего дня страсти в её голове улеглись.

Дом, в котором она жила, был новый. Она знала не всех соседей, а многие даже пока не въехали. Да что говорить, рядом с ней квартира пустовала. Лида устало поднялась на шестой этаж.

Звуки доносились из соседней, якобы пустующей, квартиры. И, судя по характеру звучания, выглядело так, будто с обратной стороны двери, прислонившись прямо к косяку ротиком, плачет ребёнок. Безнадёжно-безнадёжно, тоскливо-тоскливо.

– Эй, ты кто? – негромко спросила Лида. Молчание, а потом: «Я Саса».

– Саша, ты одна?

– Низя разваваливать с чужими людьми.

– Я твоя соседка, Лида. Ты давно одна, и где мама?

– На ляботе.

Лидия немного подумала.

– А ты любишь книжки?

– Любу.

– Ну подожди, сейчас я разденусь и прочитаю тебе книжку.

Лида сняла тяжёлую шубу, немного подогрела чайник, налила в чашку и опрокинула в себя пару глотков тёплой воды: «Ну надо же, беспредел какой-то».

Лида взяла маленький складной стульчик, вытащила из пакета детскую книжку, которую приготовила в подарок племяннику, и вышла за дверь.

Лида уже дочитала книжку до конца внимательной маленькой слушательнице, которая не забывала задавать забавные вопросы, и уже думала, чем будет развлекать ребёнка дальше. Но тут к ним по лестнице поднялись две сильно накрашенные девахи неопределённого возраста.

– Что ещё за новости? – возмущилась одна.

– Не знаю, но почему-то маленький ребёнок сидит дома без присмотра старших, – подняла голос на тон выше Лидия.

– А вам какое дело? – с вызовом спросила молодая женщина, явно не дожидаясь ответа.

– Мне кажется, что органы опеки могут заинтересоваться данным случаем. А вам не кажется? – попыталась их припугнуть Лида.

Дамочки сделали вид, что не слышат, открыли дверь и вошли в квартиру. Из двери высунулась кудрявая головка девчушки лет трёх или четырёх, которая хитро подмигнула большим карим глазком. «Ну-ка марш!» – прикрикнули на неё изнутри, и дверь закрылась.

Лида сидела на кухне и никак не могла расслабиться.

Зазвонил сотовый телефон: «От улыбки станет всем светлей, и слону, и даже маленькой улитке...», и на экране высветился номер с надписью – «Марина».

– О, доча звонит. Алло!

– Мам, я приду к тебе сейчас?

– Конечно, жду. Ты где?

– У твоего дома, вот звоню в домофон...

Звонит домофон. Марина вошла и, крепко обняв мать, долго держала её в своих объятьях, положив голову на плечо.

Они пили горячий чай и молчали. Нарушила тишину Марина:

– Мам, я беременна.

– А! – на выдохе произнесла Лида. Она вдруг поняла, что очень рада. День её с утра не задался, эмоциональное напряжение, нервы, но, как ни странно, она чувствовала от всего произошедшего удовлетворение. Она наконец-то поняла, что хочет быть бабушкой. Хочет быть причастной к маленьким ладошкам, вязаным пинеточкам, чтению детских книжек и пению колыбельных на ночь. Водить внучонка или внучечку в детский садик... потом делать вместе уроки... быть немножко мамой.

Она так давно всего этого не испытывала – целых тридцать лет! И сейчас ей даже не важно, кто отец, в браке будет рождён ребёнок или нет, и даже... хочет ли дочь родить этого ребёночка.

Хотя, наверное, это важно. Ведь дочь – это тоже её подросток. Не хорошо, если ребёночку плохо.

– Мама, отец ребёнка сделал мне предложение.

Лида от радости всплеснула руками:

– Что ж ты такая грустная? Столько радостных новостей! Доченька, поздравляю!

– Я хочу выйти за него замуж, хочу от него ребёнка, но я его совсем не знаю! И это меня смущает.

– Разве это не Дима? – удивилась Лидия.

Дима – это парень, с которым Марина встречалась последние пять лет.

– Нет, мам. Ты веришь в любовь с первого взгляда?

Лида задумалась. Она всегда была реалисткой, никогда не шла на поводу у своих эмоций, никогда не влюблялась вот так – с первого взгляда!

– Конечно, верю! – поддержала она дочку и обняла. – Всё будет хорошо!

Елена Сидоренко

ОШИБКА МОЛОДОСТИ

Борис Юрьевич не любил детей. «Визг и писк только от них и лишняя трата денег», – думал он и не разрешал жене рожать. Жена Вера Николаевна сделала уже много аборт. Врачи удивлялись, говоря, что есть же средства контрацепции, и муж у неё не бедный, так как же нужно не любить себя, чтобы подвергать такому риску своё здоровье. Вера и сама не понимала, почему на неё не влияют все эти средства. На какое-то время они помогали, но всё же несколько жизней в ней зародилось вопреки всякому предохранению. Вера шла домой и думала о том, что в душе она противится желанию мужа не иметь детей и жить только для себя. Вот потому-то всё в ней и бунтует, и новая жизнь зарождается вновь и вновь.

Вера несла обед мужу на работу. Из экономии. У мужа были золотые руки и своя автомастерская. А ещё патологическая скупость и тяжёлый характер. Но, воспитанная бабушкой и дедушкой в глухом селе, Вера была рада и такому мужу, смотрела ему в рот и не перечила. Вспоминала про детство сиротой, как оставила её непутевая мать у своих родителей в глухой деревне, уехала с концами – лучшую долю искать, да так и не объявилась. Так старики и не узнали о судьбе дочери, но утешились тем, что внучка у них теперь растёт – милая да покладистая, помощница в доме, утеха в старости. Со слезами вспоминала Вера о своём, хоть и не изобильном, но хорошем детстве, о том, какие добрые у неё были бабушка с дедушкой, как называла она их мамулей и папулей, пока не объяснили ей «люди добрые», что не дочка она вовсе, а внучка.

Вспоминала и о том, как однажды в их деревушку приехали порыбачить трое молодых парней, надули резиновую лодку, поставили палатку, рядом построили ещё и шалаш, уху варили на костре. Один невысокий паренёк, увидев Веру с козой у реки, широко улыбнулся и попросил козьего молока. Мол, мальчишкой любил, и хорошо бы сейчас вспомнить вкус детства. Вера засмушалась и сказала: «Приходите вечером, подою, оставлю вам», – и кивнула в сторону своего дома. Парень пришёл, с удовольствием выпил кружку молока, а затем, окинув хозяйским глазом стройную фигурку девушки, её милое с веснушками лицо, а также ветхий дом и двор, вдруг предложил свою помощь. Наладил забор и крылечко, переложил поленницу дров. Со словами: «Всё в хозяйстве пригодится» перепилил старые доски и выложил из них ещё одну поленницу. Старики только переглядывались между собой, догадываясь, что всё это неспроста. Похоже, у Верочки жених появился. Да какой молодец-то! Руки откуда надо растут. Ну, а то, что ростом не вышел, так и Верочка небольшая, идут вровень плечо к плечу. Зато мастеровитый, хозяйственный, всё видит, всё замечает, и, где надо, сразу же руки прикладывает. А к чему приложит – всё сразу радует глаз.

Да только рано радовались старики. За неделю такой рыбалки все парни

из компании нашли себе зазноб. Хотелось и другую рыбку им половить... Кто вдовушку, кто разведёнку нашёл, и только Борису попалась невинная девушка. Целовались с ней по вечерам, спрятавшись в укромных уголках. До большего не доходило. Скромная была Верочка. Только в последнюю ночь перед отъездом Бориса стали они близки после того, как он пообещал жениться. Но «обещать – не значит жениться», гласит мудрая пословица. Больше Борис в деревне не появлялся.

И всё бы ничего, и никто бы и не узнал, да надо ж было такому случиться, что с первого раза Вера забеременела. Когда стал виден живот, старики плакали, посетовали, да махнули рукой. Одну воспитали, поможем и другого вырастить. Весной родился мальчишечка, хорошенький, ладненький такой. Очень славный был малыш. Так и назвали Славиком.

Рыжий, как солнышко, Славик рос тихим и спокойным, почти не плакал. Когда ребёнку исполнилось полгода, отправили старики Веру в город. «Всё равно молоко пропало, выкормим и на козьем, – сказала ей бабушка. – А ты, милая, давай устраивай свою судьбу, иди работать. Лишь бы в городе закрепилась, а там и Славика заберёшь на обсиженное место».

В городе Вере повезло. Всего три ночи ночевала на вокзале. А затем устроилась посудомойщицей в столовую. Там же украдкой ночевала в подсобке. А затем сослуживцы помогли – устроили в общежитие. Жить стало легче. А ещё через полгода встретила опять Бориса. Случайно. Он стоял на рынке, который называли барахолкой, и продавал какие-то инструменты. Вера остановилась, как вкопанная. Борис тоже заметил её. Подошёл. Спросил, что она здесь делает. Слово за словом, а затем и встречи привели к возобновлению романа. Вот только о сыне Вера Борису так и не сказала. Сначала язык не поворачивался, а затем, узнав, что не хочет он детей, испугалась, что опять мужика потеряет...

Жили в гражданских отношениях почти год, пока Борису не предложили на заводе из рабочего стать мастером, а затем намекнули, что мастер должен быть правильным, т. е. человеком семейным, тогда и карьера лучше пойдёт, будет почёт да уважение. И путёвку предложили в санаторий – на двоих. За счёт профсоюза. Расписались. Вера была на седьмом небе от счастья.

Строя новые отношения, Вера редко бывала у стариков. Они стремительно старели. Бабушка после падения повредила колено, плохо передвигалась и уже с трудом работала на огороде, высаживая только самое необходимое, дед тоже дряхлел, ухудшились зрение и память.

Славику уже было три года. «Ребёнка надо развивать, а он только с козой и играет, – говорили старики Вере. – Растёт парнишка замкнутым, ни отца, ни матери не знает. Когда уж ты жизнь-то свою наладишь и парня заберёшь? Когда мужа твоего увидим?»

Вера всё отговаривалась тем, что нет у них постоянного жилья, что некуда сына забрать, да и нечем кормить, начались девяностые годы, всё по талонам – и сахар, и масло, и мука, и даже чай. А потом призналась, что правда в том, что никому не нужен этот ребёнок. Видно, судьба у него такая же – расти не с матерью...

Враз постарели старики от такой новости. Ведь не успеют они вырастить

парня. Дважды сиротой останется. Долго совестили внучку, на что она пообещала им, что к школе заберёт сына к себе. Но, возвращаясь домой, Вера под стук колёс поезда думала о том, что она, возможно, несёт в себе какую-то родовую программу. Не видя материнской ласки, она и сама, став матерью, не может её дать своему сыну. «Насильно мил не будешь», – наверное, нет во мне материнского инстинкта, когда мать любит и защищает своих детей, любимых, даже рождённых от нелюбимых мужей. Но вот её-то сын рождён от первой любви. И всё у него есть: и отец, и мать, только воспитывается он, как полная сирота.

Письма старики писали Вере на почту до востребования. А когда мальчику исполнилось пять лет, письма перестали приходить. Вера была вся в заботах о муже и хозяйстве. К тому времени у них уже была своя мастерская, развивались кооперативы, муж ушёл с завода на вольные хлеба. Не сразу и спохватилась, что писем-то давно нет. Но приснился ей сон, что стоит среди поля рыжий кудрявый мальчуган и протягивает к ней ручки. А вокруг ни души. Лишь огромное поле из ромашек. Нашла повод отпроситься у мужа и поехала в деревню, всю поездку в более чем 200 километров на душе было тревожно. И не зря.

Выяснилось, что сгорели старики за одну ночь. Лето было жарким. Возможно, жгли сухую траву на огороде да плохо загасили, а может, в старой проводке дело было. Сейчас и не угадаешь.

Домов в той деревне уже было мало, бесперспективная она стала, единственный кирпичный заводик закрылся и стоял, глядя на мир пустыми глазами выбитых окон, вспоминая прежние шумные, советские годы. Работы не было, школу закрыли, дети ездили в интернат в соседнее село, из школы сначала сделали поселковый совет, а затем и вообще расформировали его, предложив жителям переехать в село поблизости. Многие туда и переехали, а другие, побросав дома, перебрались в город. Остались только пожилые и одинокие, кому некуда больше податься.

Гасить пожар было некому. Старики и старухи соседские пытались тушить огонь водой из вёдер, кто-то шланг огородный протянул. Но разве такими средствами большое пламя погасишь? Пожарная машина приехала из райцентра, когда от дома уже остались одни головешки. Никакой экспертизы власти не делали. Не до этого было. Везде неразбериха, не понятная никому ранее демократия, и новая власть, приведшая к распаду страны, разгулу воровства и бандитизма...

Найденные останки, в основном фрагменты костей, собрали в один гроб. Захоронили, как смогли, всем миром поставили крест, приколотили на него табличку с именами погибших. О Вере знали лишь, что живёт где-то в большом городе, но ни адреса, ни телефона, всё сгорело и спросить не у кого.

Вера побывала на кладбище, долго плакала и винила себя за чёрствость, укоряла за невнимание к старикам и сыну. Вдруг с полной ясностью в голове вспыхнула мысль о невозвратимости сына и своей ответственности за эту едва начавшуюся и уже погасшую жизнь маленького человека. А в ушах заново зазвучали слова одной из соседок, что якобы детских костей не обна-

ружили. Возможно, мальчик выбрался через окно. Так появилась надежда. Маленькая, но надежда, что ребёнок жив. Эта надежда сменилась ужасом от того, какая участь ждала её сына, ведь рядом был лес. Нет, неживой её Славик! И покоится он сейчас в одной могиле со своими прадедами. А может, всё-таки живой, ведь бывают же на свете чудеса? Надежда сменялась отчаянием, затем появлялась вновь... Огромное чувство вины захлестнуло женщину, принося её душе невыносимые для психики страдания.

С тех пор что-то сдвинулось в голове: везде чудился её Славик. То на рынке встретит похожего мальчугана, то во дворе, подойдёт, всматривается в лицо. Мальчишки пугались и убегали от неё.

Вера больше не беременела. Отношения с мужем сразу по приезде из деревни ухудшились. Отчасти из-за изменившегося характера и поведения Веры, отчасти от нового увлечения Бориса молоденькой соседкой, чем-то напоминавшей Веру в молодости. Ещё через три года они окончательно расстались. Так как брак был законным, Борису, несмотря на нежелание делиться с Верой, всё же пришлось продать их большой дом с хозяйством. По иронии судьбы новая подруга вскоре родила ему сына, не спрашивая о том, хочет он или нет. Суд, учитывая это обстоятельство, оставил автомастерскую за Борисом и его новой семьёй. Но Вере было всё равно, Борис вмиг стал для неё чужим.

Вера переселилась в небольшой домик на окраине города, с одной комнатой и кухней. Во дворе был огород, но она мало занималась им, потеряв интерес к жизни. Жила одиноко и нелюдимо. Работала нянечкой в детском саду, затем по состоянию здоровья пришлось перейти в сторожа.

Уже много лет прошло с того пожара. Её сын мог быть взрослым человеком, а она всё смотрела на малышей, и в их глазах видела маленького Славика...

Сергей Максимов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Не могу сказать, что мы дружили. Взаимодействовали. Но, оказалось, перед своей кончиной Николай хотел, чтобы именно я о нём написал. Меньше всего я об этом думал... Но выбора, получается, нет. Должен сразу извиниться – придётся и о себе писать, чтобы было понятно, что к чему и почему... К тому же освещение занимательности наших отношений, вероятно, будет любопытно читателю.

Томск. Восьмидесятые годы прошлого столетия. Получив в отделении Союза писателей РСФСР три рецензии на свои стихи и песни, я отправился в литературное объединение «Родник» к поэту Борису Климычеву. Рецензия Климычева не была хвалебной. Подкупала двусмысленная по советским временам рецензионная фраза: «Сильное влияние Высоцкого». Посчитал комплиментом.

В «Роднике» мы с Николаем Хоничевым и познакомились. К тому времени после института я отслужил в армии и демобилизовался офицером запаса. Существовала такая практика в Советской Армии для выпускников вузов без военной кафедры. Был я отцом двух сыновей и вполне себе состоявшейся творческой личностью. Как режиссёр народного театра поставил несколько спектаклей. Во всё горло, под гитару, со сцены и в быту пел свои песни. Мнение о моём творчестве членов литературного объединения меня, мягко говоря, не интересовало. К тому времени я написал немыслимое для молодого поэта количество стихов. Без всяких литобъединений.

Словом, познакомились мы с Николаем примерно так, как Толстой с Тургеневым. До реальной дуэли тоже дело не дошло, но... Он не очень-то благозвучным, певучим тургеневским голосом излагал мне свои взгляды на литературный процесс и на собственное творчество. Я в ответ ограничивался нейтральными репликами и больше молчал, чтобы не заявить что-нибудь безапелляционное. Студентов я ещё не слушал! Словом, руководствовался житейским «солдат ребёнка не обидит». Во многом он и оставался для меня ребёнком до последних своих дней.

Молодёжных понятий «ботаник» или «ботан» в то время не существовало, но Коля учился на биолого-почвенном факультете и был истинным ботаником. Пресловутые «тычинки-пестики» в его поэзии весьма гармонично изначально присутствовали.

В то время для меня куда важнее было то, что Климычев уважает Высоцкого. И то, что я, недоумок, в отличие от любимого поэта начинаю писать с экспозицией. Тогда как у Владимира Семёновича всё начинается сразу. Как человек театра я сам должен был это понимать. У Высоцкого первая строфа – и экспозиция, и исходное событие, и предполагаемые обстоятельства, и ха-

рактеристика персонажа. Растолковав мне эту особенность, Климычев в одночасье стал для меня непререкаемым авторитетом, равным самому Высоцкому. Что спасло и Николая, и других учеников мастера от моих резких высказываний в их адрес. Мне было что сказать...

В наших с ним взаимоотношениях изначально, конечно же, присутствовал дух соперничества – неременный атрибут общения молодых литераторов. С моей стороны в меньшей степени. К тому же, как режиссёр, мне кажется, я одним из первых понял его самодостаточность как поэта. И определяющим для меня была отнюдь не его самобытность. Я почти сразу заметил, что его стихи интересны не только ему самому. Интересны читателю. Скорее читательницам. Сам он в то время часто повторял: «Я нравлюсь женщинам старше меня»... Мне его поэзия была любопытна. Увидел и осознал, что он поэт, и никаких вопросов к нему с моей стороны в области литературы больше не было, и до сего времени нет. А то, что у него кроме «тычинок и пестиков» ещё «жучки-паучки» и другие козявки – забавно... «Прикольно», – сказали бы теперь. Чего от него ждать? Он и по профессии, если быть точным, – энтомолог. Специалист по насекомым.

Должен рассказать об очень важной составляющей нашего соперничества. Я в те годы уже был успешен. А Николай, сдаётся мне, всегда успеха жаждал. Даже не признания. Громкого творческого успеха. И он не один раз у него случался. Не сказать, что Коля этого не замечал. Он точно сомневался. Спустя годы я ему заметил:

– Коля, очнись! Твоё имя вошло в антологию авторской песни. Сам Суханов тебя на музыку положил! Заодно с Анненским, Заболоцким, с Рембо, Верленом и Лоркой! Какое тебе, на хрен, ещё признание нужно, когда шедевр родился! А ты на всякую хрень ссылаешься... Там лауреат, тут дипломант... Там подборка, сям публикация...

– Да-а, – говорит, точно заикается.

И не поймёшь, с каким подтекстом. То ли соглашается, то ли переспрашивает. Считаю нужным заметить: честолюбие Николая было благородным. Он был начисто лишён зависти. Посему был не злобен и не склонен к интригам, как и к проявлениям всякой подлости. Я подозревал его в тщеславии в молодые годы, но быстро понял, что *тщётность* некоторых разновидностей *славы* он всё же осознал.

После поездок на фестивали авторской песни Николай вдруг взялся учиться играть на гитаре и петь. Думаю, что и мой пример сыграл свою роль. Самое поразительное, что петь он научился лучше многих представителей этого жанра.

– Ты не слишком-то увлекайся, – говорю ему.

– П-почему?

Объясняю, как объясняешь студентам-режиссёрам:

– Авторская песня предполагает некую доверительность, якобы непритязательность, иногда даже имитацию неумелости. С самодостаточными стиха-

ми там сейчас делать нечего. С хорошим голосом тоже. Тебя эта среда вытеснит, если сам не уйдёшь. А начнёшь хорошо петь и играть на гитаре на сцене – огребёшь по полной программе... Как музыкант – оставайся начинающим... Что ещё? Поёшь открытым голосом... На высоких нотах – козлетоном... Сейчас не самые лучшие свои стихи на фестивалях читаешь, на гитаре побрынькиваешь, – говорю, – и доволен. Твоё место в жюри фестивалей, а не на сцене!

Знал по своему опыту, что говорю. Рассказал ему случай про себя. Как после длительного отсутствия съездил на фестиваль авторской песни «Бабье лето». По счёту это был какой-то двадцатый. Друг уговорил. Попросил меня пару песен у костра спеть. Окружающие высказали свои пожелания и не очень-то доброжелательные критические замечания. Авторы стали делиться мнениями, к кому из членов жюри завтра идти на прослушивание. Рассмешили – взялись подбирать кандидатуру для меня. Утром сходил в оргкомитет засветиться. Вернулся членом жюри. По причине пребывания в Союзе писателей России и лауреатства первого, ещё советского, фестиваля «Бабье лето». К тому же уже поработал артистом филармонии. Смущённым вчерашним собеседникам объявил:

– Рекомендую на прослушивание идти ко мне. Постараюсь пропустить на отборочный концерт как можно больше из числа присутствующих...

Обещание сдержал.

– Вот ход для тебя, Николай, – повторяю, – в жюри. Усаживайся и жюри... А исполнительством на жизнь зарабатывать – даже не думай. Это ремесло, которому нужно учиться с молодых лет. В филармонию тебя не возьмут, а в кабаке по нынешним временам за непрофессионализм можно и перо в бок получить... А самая пакость, что иногда «Мурку» раз десять за вечер споёшь... Лучше Вертинского не скажешь: «Большая и страшная школа»...

Истинное восхищение кээспэшников того времени вызывали его стихи такого рода:

Назвали омут – Бабье Пузо.
Мелка Ушайка. Тальники.
В том Пузе ноги мыла Муза,
Когда сидела у реки.
Твердят, что есть в нас что-то рабье.
Я в это верю, но слегка.
Ведь остаётся Пузо Бабье,
А значит – жизнь не так горька.
Хотя нуждается в подпитке.
В далёкой Венгрии-стране
Деревня есть – Большие Титьки.
Наверно, малых Титек нет.
Подобно запаху укропа,
Живинка сдруживает мир.
Пусть едут Титьки из Европы
Да к Пузу Бабьему в Сибирь.

Вспомняешь – сердце улыбнётся –
Магьярские, густые дни.
Деревня – Яйцами зовётся,
И не куриные они.

Судите сами, где «Бабье пузо» и где «Подснежники нежности», увлёкшие Александра Суханова:

В сердце возрастают подснежники нежности,
Свежие самые, самые свежие.
Пестую песню простую в автобусе –
Маленькой-маленькой точке на глобусе.

Я отворяюсь – а значит, творю.
Я превращаюсь в улыбку твою.
Дарим друг другу мы *руки* с тобой.
Вот и от нежности я чуть живой.

Но цельного поэта на составляющие не разъять. И опять же, не так часто у, казалось бы, «чистого лирика» найдёшь блистательные ироничные стихи. Это от лица кота, решившего сбежать от хозяев под угрозой кастрации:

Лучше я подохну на помойке.
Подавитесь «Вискасом» своим!

В жюри фестивалей он стал постепенно входить. И достойно работать. Здесь и закончить бы разговор о его музыкальном творчестве, но нет. Николай выправил голос – запел вполне себе полноценно. Отставил в сторону гитару и записал уже не акустический, а эстрадный альбом песен. Тут у нас с ним разговор был более профессиональный. Как выяснилось, не со мной одним он разговаривал в то время на эти темы. Но об этом чуть позже... А тогда я ему процитировал Михаила Андреева. И с ним не поспоришь. Возражать автору песен для «Любэ» и «Белого орла» аргументированно трудно. Андреев мне однажды заметил: «Песни у тебя классные! Но чтобы их стали слушать и петь – целую страну нужно к ним приучить».

И тут мне Николай заявляет, будто и не слушал:
– Я мечтаю в кино сняться...

Вот что ему было сказать! Не объяснять же ему очевидное... Актёрское мастерство само по себе непостижимая для многих людей категория в силу природных особенностей личности. Включая физическое здоровье. Не говоря об особом устройстве всего психофизического аппарата. Я не помню точно, что я сказал ему. Но не обидное... Ребёнок же мечтает... Но наказал ему молчать и о данной теме, кроме меня, никому не говорить.

– Мало над тобой потешаются!

В главном мы сошлись. Песенное творчество – не лишняя составляющая для личности литератора. Но не обязательно самая главная.

Смерть этого человека оказалась знаковой для многих молодых поэтов Томска. Для Николая больше, чем для кого-либо... Была весна. Дома у меня гости. Мне с Иркутского Тракта нужно было ехать в центр. В ресторан. Жутко неохота... Зашёл в историческое здание бывших Музыкальных классов Томского отделения Императорского музыкального общества. В то время по Гагарина, 2, размещался концертно-камерный отдел Томской государственной филармонии. Забрал гитару. Вышел на трамвайную остановку на площади Батенькова. Нужно было ехать дальше. Подошёл кто-то из знакомых по окололитературным тусовкам.

– Привет! Только что о тебе говорили... Макс Батурич умер.

– Когда? Что произошло?

– Несколько дней назад... Был один... Говорят, колёса... Но не точно... Ольгу не можем найти... Коля Хоничев говорит, ты знаешь, как на неё выйти.

– Знаю...

Жена Батурина Ольга Цылёва и моя жена Наталья дружили. Николай об этом знал. И надо же так случиться, что в этот вечер Ольга с дочерью Макса, Софьей, были у нас дома. Дети играли. Женщины – высокие, стройные, красивые и остроумные любительницы посмеяться – весело общались.

Вернулся в филармоническое здание... Ольгин вопль в телефонной трубке. Потом взволнованный, но твёрдый голос жены:

– Серёж, что делать-то?

– Наташ, давай выхаживай её. Макс в морге. До завтра ничего не сделаешь и не решишь. Я – в кабак...

Кончина Макса ошеломила Николая. Мало того, что смерть ровесника в таком возрасте для него была событием малоизвестным. Уход Батурина необычайно *укрупнил* личность соперника и друга. Коля впервые столкнулся с таким, весьма обиденным в творческой среде, явлением... Он был потрясён. И это потрясение я наблюдал. Ту смерть тогдашний Николай принял близко к сердцу, как никакую другую. И как никто другой... Макс, не признававший никаких авторитетов, безбашенный в проявлении чувств, острый на язык, в то время вдруг стал воспринимать Николая если не равным себе, то достойным не только внимания, но и уважения. По моим ощущениям поэт-авангардист и яркий представитель андеграунда Батурич вдруг резко достиг поэтической зрелости. Вероятно, у него произошла переоценка личностных ценностей. Не хочешь, а вспомнишь: «Умирает не старый. Умирает поспелый»... Мне кажется, он стал осознавать саму ущербность постмодернистских изысков в литературе. Строки, написанные им незадолго до смерти, оказались лишены *ложной* многозначительности: «Храни меня, Господь, в сухом прохладном месте». Не библиотеку ли имел он в виду?

У меня сложилось так в посвящении ему:

Когда поэт надумает умирать –
это рубец во времени...

Время было ещё то... Оно уже отдалилось, но до сих пор не знаешь, как

о нём написать правдиво. Скажу одно – мне было не до построения планов. Нужно было просто жить и выживать. Даже кризиса среднего возраста по этой причине я не испытал. Не до него было. Николай, как и положено истинному поэту, мечтал:

Я хочу по стране без опаски ходить даже ночью.
И без страха умыться в любой незнакомой реке.
Я хочу, чтоб Россия была бы не ягодой волчьей,
А клубникой в сгущённом добре-молоке.

Про обиды... Пародии на стихи Николая только ленивый не писал. Иногда двусмысленные образы не могли не провоцировать. «Две женщины пили. Я бегал за водкой»... Ну как тут было удержаться:

Я в этих бабёнок в обеих влюбился
и с ними на шару нахрюкался в дым.
Две женщины пили, а я отрубился.
Теперь им за водкою бегать самим.

Но это ладно... Обидел я его в другой раз. И не по-детски... И опять было это связано с авторской песней, провалилась она пропадом! Беда случилась с его «оконными занавесками», которые он мял в вагоне поезда «Томск – Адлер» и которые вызывали у него «похотливую дрожь» во время поездки на Грушинский фестиваль. Я сдуру и написал, что он, по моему мнению, мнёт, когда разъезжает по фестивалям...

Николай позвонил поздно ночью. И, действительно по-детски волнуясь, попросил:

– Сергей, не п-пиши, п-пожалуйста, на меня п-пародии...

Вот тебе и «солдат ребёнка не обидит»! Не урод ли! Извинялся, как мог, и тогда, и позже. До сих пор стыдно невыносимо. Клятвенно пообещал никогда, ни при каких обстоятельствах не писать на него пародий. Тем более читать. Слово сдержал. Он, спасибо ему, простил. Думаю, что простил он и Бориса Николаевича Климычева за совсем нелестные строки о нём в романе «Поцелуй Даздрапермы». Я утешал Колю:

– Из томских писателей только, наверное, мне от Климычева не досталось... И только потому, что он, вероятно, меня просто литератором не считает... Поэтому никак и не упомянул.

У Бориса Николаевича действительно руки до меня не дошли... Он всегда больше комплиментарно отзывался обо мне как об актёре и исполнителе, нежели о поэте. Опять же, по-климычевски, своеобразно:

– Максимов, ты сколько раз женился?

– Два раза.

– А чего так мало? Ты большой артист – тебе раз пять жениться нужно...

Борис Николаевич всегда почему-то обращался ко мне не по имени, а по фамилии. Точного объяснения этому факту я, честно говоря, до сих пор не

имею. Думается, всё же из уважения, несмотря на присутствие иронии, если не сарказма...

– Ты, Максимов, без меня всё знаешь, – иногда предварял он ответ на мой вопрос, касающийся чего-нибудь литературного.

Но всегда говорил то, о чём я не знал.

В утешение рассказал Николаю о сцене, разыгравшейся на моих глазах между двумя нашими классиками. Речь шла о той же «Даздраперме».

Помахивая и постукивая по ладони свёрнутой газетой, точно это не газета, а палка, крупный Вениамин Анисимович Колыхалов интересовался у небольшого роста Климычева:

– Борис, когда это я с балкона блювал?

– Так это художественный вымысел, – заметно волнуясь, ответил провинившийся.

– Ну-ну... Ты ещё скажи, что братья громыхаловы из твоих почеркушек – это не мы с братом...

Сейчас могу со всей определённостью сказать, что нас более всего сближало. Уж всяко-разно не характер и внешность. Абсолютно разные люди. Ученичество сближало.

Уже сложившимся поэтом Николай продолжал учиться. Пробовал себя в разных литературных жанрах. По этой же причине он был сдержан и в характеристиках творчества собратьев по перу. «Не судите, да не судимы будете». А ещё мы с ним, вероятно, где-то на подсознательном уровне пришли к осознанию апостольского наставления: «Не старайся быть выше своего учителя». С таким контекстом и подтекстом, что нужно стараться быть достойным своих учителей. В этом случае ты можешь стать даже значительнее своих наставников. Посему мнение о нашем творчестве из уст Бориса Климычева и Александра Казанцева нами просто не обсуждалось. Принималось как данность. Да, нелицеприятная иногда. Но и похвала именно от них была более значимой данностью. Хотя ко мне они относились, сдаётся, более благожелательно. Казанцев как современный редактор к тому же чётко знал, что и когда кому посоветовать.

Сейчас для меня стала очевидной ещё одна вещь... Николай, так получилось, спровоцировал моё вступление в Союз писателей России. Вступление для него, в отличие от меня, являлось даже не признанием и успехом – воплощением мечты.

Он уже или подал заявление, или даже вступил – не помню. На каких-то писательских посиделках мы с ним сидели рядом с Казанцевым. Как бы не вступление Николая обмывали. Казанцев с раздражением спросил меня:

– Ты вступать в Союз собираешься?

Я что-то такое ляпнул в духе «зачем мне это надо!». Действительно, работал ещё в Бюро пропаганды художественной литературы при Союзе писателей РСФСР как автор-исполнитель. Книги опять же были. Как музыкант был при деле.

– Надо! – обрубил Александр Иннокентьевич.

Потом широким жестом указал на длинный ряд молодых и не очень молодых литераторов по другую сторону большого стола:

– Они вступят – они вам устроят весёлую жизнь...

И ещё раз о наставниках... Сдаётся мне, музыкальные экзерсисы поэтов Хоничева и Максимова повлияли на самого мастера. Не иначе, глядя на нас, Борис Николаевич вдруг вспомнил, что в молодые годы он весьма прилично играл на гитаре. Вдруг стал интересоваться у меня, где можно купить семиструнную гитару. Затем со сцены в зал в сопровождении русской семиструнки полился его довольно приятный «голос с биографией»... Так говорят про такие голоса. Он дал всем нам целый мастер-класс по манере исполнения городского романса XIX и XX веков.

– Мечта сбылась, – повторял Николай, когда мы получили первые в своей жизни значимые награды – юбилейные медали к 400-летию Томска.

Мечты сбывались... Проехался по Кавказу... Затем Франция, Испания, Италия... объездил почти всю Европу. Прихватил Египет. В Париже встретился с самой Мариной Влади. В ряду поэтических проказ оказался привод во французскую полицию за не европейское поведение и непотребный вид. «Увидеть Париж и умереть» для него оказалось почти буквально... Сразу после зарубежных туров у него начались проблемы со здоровьем.

Причина не совсем понятна, но, вероятно, она скрывается в его службе при департаменте лесного хозяйства Томской области. Профессиональная востребованность защищала от житейских невзгод, позволяла путешествовать, но уж слишком это бойкое место... Где при определении участка под лесозаготовки, при выделении земли под строительство в лесной зоне решающим является заключение инженера-лесопатолога. Он же может остаться крайним, если что-то пойдёт не так, как предполагалось... Только после его смерти я узнал, что в те годы он сумел создать даже «финансовую подушку безопасности» на будущее. Что никак внешне не проявлялось в его образе жизни и не читалось в его поведении и облике.

Проблемы с сердцем и кровеносным давлением у него начались именно в последние годы его официального трудоустройства. Истинная причина его увольнения мне не известна. Вдруг не курящий и почти не пьющий Коля стал часто себе позволять... Настоящим алкоголиком он не был. Хорошим здоровьем не отличался. Но примкнул к сообществу тех, кто редко когда от рюмки откажется... Душа у него явно была не на месте... Жизнь вынудила выносить смертные приговоры, без права на помилование, безответным и любимым им лесным массивам...

Профессиональным исполнителем на жизнь зарабатывать он не мог. К образу жизни «свободных художников», как ему не раз говорено, был не приспособлен. Устойчивостью к стрессам, опять же, никогда не отличался. А без этого в творческой профессии, связанной со сценой, долго не протянешь...

Пока же он был чрезвычайно доволен, что увидел мир. Любопытно, что и в кино снялся. Правда, в массовке, и фильм какой-то неизвестный... Но снялся. И вообще, не ездил бы на фестивали – не было бы песни Суханова. Не было бы и других песен. В том числе тех, которые написали на его стихи профессиональные композиторы. Семь песен написал Павел Большаков. Я намеренно обхожу тему их взаимоотношений. Чувствую и знаю, что были они не простые. По итогу, так мне кажется – один значительный поэт, другой большой артист. Теперь заслуженный артист России. Павел к тому же не просто владеет пером. Он – автор многих песен (от музыки до стихов). Думается, сам напишет о своём друге. А если вас судьба сведёт лично, попросите музыканта и артиста Павла Большакова поговорить голосом Коли. Уверяю вас, с закрытыми глазами вы будете считать, что общаетесь с живым Николаем Хоничевым.

К прозе он шёл очень осторожно, если не робко. Заметками, очерками, набросками, маленькими рассказиками. Ему и за стихи немало попадало, а за неудачную попытку создания прозаического произведения можно было и литературным именем поплатиться. Оно уже было. Думается, задевало Николая то, что Казанцев почему-то был абсолютно уверен в моих способностях в прозе. Тогда как в предрасположенности Коли к этой сфере изначально, вероятно, сомневался. Александр Иннокентьевич буквально наезжал на меня: «Пиши прозу! У тебя пойдёт»... Не написав в то время ни одной страницы прозы, я принёс Казанцеву сразу новеллу – главу будущего романа. Как когда-то Евгений Петров своему брату Валентину Катаеву после написания первого своего в жизни очерка сказал ставшее уже классическим:

– На! Подавись!

Казанцев молча принял рукопись. Прочёл в моём присутствии. Сказал два слова:

– Нормально. Печатаю.

Я потянул руку к своему тексту. На что получил три слова с матерным подтекстом из трёх же слов:

– Ну-ка, пошёл отсюда!

И опять это произошло, кажется, в присутствии Николая. А может быть, его присутствие в моей судьбе сформировало «ложную память». Я и правда теперь не разберусь.

Проза его оказалась достойной его поэзии. Из основных свойств её я бы назвал непритязательность. Она прозрачна... Без современных наворотов и стёба, свойственных разнообразным пелевиным. Но и без тяжеловесности, присущей подражателям Валентина Распутина. Столь редкое теперь просто-душие в поэзии Николай перенёс в прозу. В Томске начинающему прозаику, при общем высоком уровне литераторов, состояться в прозе без успеха в столице крайне трудно. Даже сам Климычев, обратившись к прозе, вдруг испытывал неприятие со стороны «чистых прозаиков». Спрашиваю как-то:

– Борис Николаевич, вы стихи-то сейчас пишете?

– Кому, Максимов, они нужны? Поэзию теперь никто не читает, – не скрывая разочарования, отвечал Климычев.

Поэзию, конечно, читают. Но несравнимо меньше, чем в прошлом веке. Да и сам я, по совести говоря, стихотворные сборники неизвестных авторов всё больше и больше просматриваю, нежели читаю. Почти всегда не цепля-ет... В этом отношении преподавал урок Владимир Костров.

– Владимир Андреевич, вы сейчас что-то читаете? – спрашиваю у живого классика советской литературы.

– Если я что-то хочу почитать – я сажусь и пишу то, что хотел бы прочесть...

Николай современные поэзию и прозу не просто читал. Вчитывался... Всегда знал, кто чем дышит... Процесс отслеживал скрупулёзно...

Писать о любви поэта смелость на себя не возьму. Я мало что знаю об этой стороне его личной жизни. Не вникал, точно так же, как в его служебные заморочки. Мне было довольно его любовной лирики. Детали не интересовали и не интересуют. Довольно было прочесть у него:

Выздоровливая, смотрю
Я в твои золотые глазки.
Как по-сербски сказать «Люблю»?
Как сказать «Люблю» по-хорватски?
И, в словах плутая, кружу,
А на небе – звёздные свечи.
Сам всю жизнь я перевожу
Да со звёздного на человеческий.

Как во многих его стихах, не помешало бы пройти по этому стихотворению редактору, чтоб избавить его от неряшливости. Убрать повтор слова «сказать», переформатировать строку «сам всю жизнь я перевожу». Ещё заменить бы в данном случае плясовое «да» на личностное «я». По-хорошему, отказаться бы и от архаичного для XXI века написания стихотворных строк с заглавных букв. Примерно так:

*Выздоровливая, смотрю
я в твои золотые глазки.
Как по-сербски сказать «Люблю»?
Как звучит «Люблю» по-хорватски?
Вновь в словах плутая, кружу,
а на небе – звёздные свечи...
Жизнь взволнованно перевожу
я со звёздного на человеческий...*

Вместо «взволнованно», подошло бы и «зачарованно»... Но... как сложилось у поэта, так и сложилось... Стихи Николая песенные. А в песне, наверное, обязательно должна присутствовать некая неправильность... И должна она быть неосознанной, потому как и обращена не к сознанию, а к подсознанию... Как в «Подснежниках» с рифмами в одном из запевов:

Как мы похожи, и как ты *талантлива!*
Встреча взхлёб Аладдиновой *лампою*
Праздник непраздничный дарит нам *царственно.*
Лишь бы вернуться спокойно и *засветло!*

Я отворяюсь – а значит, творю.
Я превращаюсь в улыбку твою.
Дарим друг другу мы *губы* с тобой.
Вот и от нежности я чуть живой.

По факту, припев выровнял версификационную горбатость запева, как будто его и не было. Яркие образы способны реабилитировать небрежность в технике стихосложения.

Сам он себя позиционировал лириком. Любовная лирика. Гражданская лирика. Так им промаркированы почти все стихи. Большая часть – о любви. С довеском «ироническая поэзия»... Был ли он в любви счастлив? Был, конечно. Любовь сама по себе – счастье. Потому что, как смысл жизни – в самой жизни, так и смысл любви – в самой любви. Можно подозревать, что любовь не всегда была взаимной. Но это нормально. Тем более для поэта, который превращается в улыбки женщин даже тогда, когда эти улыбки могут причинить боль, а иногда даже уничтожить:

До чего ж красивы были б наши дети!..
А мечтал о свадьбе... Страстный идиот.
Новостей последних запись на кассете,
Где твоя улыбка сердце в ключья рвёт.

С годами, думается, добивал его как будто неожиданный для него эффект среднего возраста, совпавший с безработицей... К тому же стало очевидным то, что женщины старше его, которым он нравился в молодые годы, стали женщинами пожилыми. И ничего с этим не поделаешь. Думается, в молодых сердцах его поэзия находила и по-прежнему находит отклик. Хотя уже устоявшееся в молодёжной среде понятие «ботан» не добавляло ему привлекательности в глазах юных особ.

Но важнее то, что в последние годы рядом с ним была муза. В истинном значении этого слова – *мыслящая*. Это точный перевод с древнегреческого. От Натальи я и узнал об одном из последних желаний Николая...

В последние годы по мере сил она хоть как-то следила за его обликом. После смерти мамы Николай, и прежде не отличавшийся аккуратностью, одноmomentно стал крайне неряшлив и неухожен. Как режиссёр я его, не стесняясь в выражениях, однажды даже отчитал за измятую, до крайности застиранную, когда-то белую рубашку и за грязные туфли, в которых он вышел на сцену.

– В театре, да будет тебе известно, артисты ходят в сменной обуви. А на сцену выйти в башмаках, в которых только что рассекал по лужам, – немыслимо!

Помнится, он ещё удивился тому, что право выходить на сцену из зала в театре имеет только режиссёр и заведующий постановочной частью. Да ещё художник-постановщик. Актёры, во время репетиции сидевшие в зале, в обязательном порядке идут на сцену из-за кулис, через «карманы».

– Ты, часом, не художник-постановщик?

Кстати, как актёр Николай имел неплохую фактуру. Недурная внешность. Хороший рост. Крупный. Да, несколько рыхловатая фигура. Тембр голоса не сценичный. Зато своеобразный. Не спутаешь. Смею утверждать, что с его данными одну роль он точно смог бы сыграть. Если бы я сам ставил, то предложил бы ему роль Ильи Ильича Обломова. Чьему образу, включая внешние признаки, во многом соответствовал поэт Николай Хоничев. Типизация, однако...

Но вернёмся к главному...

Необходимо сказать, что часто вольно или невольно в любовной лирике поэты выступают, говоря языком режиссуры, сначала в амплу молодого героя, затем, как правило, в амплу героя-любownika. Никуда от этого не денешься. И если в театре амплу – это род ролей, соответствующий сценическим данным актёра, то в любовной лирике поэты почти всегда выступают в амплу героев-любowników. В жизни фактура может соответствовать «простаку», «социальному герою», «тирану», даже «инженю». В любовной лирике – Дон Жуан на Дон Жуане... И Дон Жуаном погоняет...

Это стихотворение Николая я должен процитировать без купюр. И вот почему... Нужно было постараться на фоне гордыни «властителей дум» и заносчивости воспевателей «женских прелестей», а также эротических изысков от «поэтов-любowników», уподобить себя насекомому!

Я червем был рожден. Ты ж требовала веско
Летать. И жизнь свою поставил я на кон.
Однажды я взлетел... пришпиленный за леску,
Над омутом судьбы под глупым поплавком.

Сорвался я с крючка, вцепился в листик утлый.
Мой оказался путь изысканен и крив.
Карась бы не сожрал, да не склевала утка.
Уверенность – прилив, сомнение – отлив.

Я шелковичный червь. Мне суждено крутиться,
Чтоб шёлком одарить побольше милых лиц.
Плыл много, много дней. Манила шелковица.
Что слаще для червя, чем листья шелковиц?

Но жизнь червя пустяк, разменная монета.
Тяну я из себя стихов чудесный шёлк.
Да, я хочу, чтоб ты была в шелка одета.
Ну что ж, пусть говорят – на шёлк, мол, изошёл.

Какой тебе? Смотри – вокруг шелка без края.
Уютно-розов тот, тот равнодушно-бел.
Но тесно стало мне. Я кокон прорываю.
И я лечу, лечу в лазурный шёлк небес...

Шелка травы и рек. Да это ли не счастье –
Под перелив судьбы вращаться и творить?
Взлетать и восставать, и снова превращаться
В живую, как весна, чарующую нить.

Наверное, даже в масштабе мировой поэзии так запросто не найдёшь примера такого самоуничужения и такого обожествления женщины одновременно... Будем называть вещи своими именами. Для поэта сравнить себя с насекомым – великое смирение и немыслимый подвиг на фоне бушующей гордыни «сверхчеловеков» от поэзии... Вот тебе и честолюбие, и тщеславие... Другое дело, что он и здесь остаётся верным привычной для него, мягко говоря, небрежности... Зарифмовать «равнодушно-бел» и «небес» тоже нужно «попытаться». Но спишем это на песенную неправильность, которая в конечном итоге работает на результат.

Не откажу себе в удовольствии рефреном вернуться к «Подснежникам нежности»:

Пьём и поем, и читаем мы полночь,
Вот и усталостью стали глаза полны.
Ночь до краёв, звёзды некуда складывать.
Спи, моя звёздочка, спи, моя славная.

Я отворяюсь – а значит, творю.
Я превращаюсь в улыбку твою.
Дарим друг другу мы души с тобой.
Вот и от нежности я чуть живой.

Чем больше живёшь и пишешь, склоняешься к тому мнению, что даже после крупного и широко известного поэта остаётся пять-семь стихотворений... Придерживаюсь этой точки зрения отнюдь не потому, чтобы принизить достоинство чьей-то поэзии. Уверен, что и у посредственного поэта одно-два хороших стихотворения отыщется. Удачных строк и не сосчитаешь... А в народной песенной поэзии иногда случается даже так, что единственные в жизни написанные строки способны причислить автора к классикам. И что показательно – не сохранив имени создателя.

У Николая пять-семь хороших стихотворений набрать – без проблем... И куда его относить? Правильно говорят: «Поэт или есть, или его никогда не было». А ещё говорят: «В литературу трудно войти. Ещё труднее в ней находиться. И почти невозможно в ней остаться». Оно и понятно. Над писательскими судьбами, как гильотина наизготовке, убийственное булгаковское

определение – «литературная мелкота». Фраза «собиралась литературная мелкота» почти никому, казалось бы, не оставляет шанса остаться в литературе. Даже объединяясь в сообщества... «Импотенты, как бы они ни прижимались друг к другу, – точно добавляет Евгений Евтушенко в своей «Ардабиоле», – всё равно ничего не родят».

Крупный писатель – мыслитель. И не обязательно потому, что он очень умён как человек. Он просто широко мыслит... Литературными категориями. Хотя одно без другого редко бывает. Михаил Булгаков уже в названии бессмертного романа даёт ответ, кем нужно быть, чтоб оставаться в литературе вечно... Николай Хоничев всяко-разно далеко не литературная мелкота. И совершенно очевидно, что в литературе он остался. Он есть всегда. Чуткий и тонкий лиризм его поэзии с нами. Стать истинным мастером ему было не суждено, но наличие в творчестве нескольких литературных жанров при искренности, простодушии и трудолюбии, несомненно, сделали его значительным литератором.

ПОЭТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ТОМСКЕ

Недавно редакция получила из Санкт-Петербурга журнал поэзии «Окно» (выпуск 23, год 2020). Недавний томич, а ныне житель города на Неве Леонид Шелудько входит в редколлегию этого журнала. Среди других есть в издании раздел «Мост». А в нём – солидная подборка стихотворений наших томских авторов. Это Елена Клименко, Ольга Комарова, Сергей Максимов, Геннадий Скарлыгин, Николай Хоничев, Сергей Яковлев.

Подборка эта предваряется большой заметкой Леонида Шелудько «В середине России», где даны сведения о поэтах и отмечены характерные особенности их творческой манеры.

Сегодня на страницах нашего журнала – ответный дружеский жест. Мы предоставляем страницы питерским стихотворцам, авторам «Окна».

Мария АМФИЛОХИЕВА

РАКУШКА

Эта ракушка прячет в себе переливы прибоя,
Тёплых волн колыханье и всплески на лунной дороге,
Шевеление краба, что нору придонную роет,
Суету пёстрых рыб и коралловых рифов отроги.

На ладони моей серый свиток морей каменеет,
Розовея улыбкой, как губ удивлённая тайна.
Позабудусь на миг – и в неё соскользну, как во сне, я,
И она колыбелью для нового странника станет.

По спиральным виткам, оглушён всеобъемлющим эхом,
Этим гулким настоем на звуках времён безначальных,
Он пойдёт к сердцевине миров по угаданным вехам,
И, границу границ перейдя, растворится в молчанье.

* * *

Были завещаны мне при рождении
Росы на травах, дожди на стекле,
Ветра восторг и азарт нетерпения
Солнечных бликов в резном хрустале,

Кроны и корни, побегов безудержность,
Ловкость лозы, изошрённой, как змей,
Лёгких семян безрассудное мужество,
Что улетают с поникших ветвей.

Я не уйду, что бы там ни пророчили:
Ведь не иссякнет заветный запас.
Вербным кустом прорасту на обочине
И проявлюсь ещё тысячи раз

Пятнышком чая на праздничной скатерти,
В гомоне леса – синицей простой,
Памятью сына о странностях матери,
Недостающей в строке запятой...

Мария БОРИСОВА

* * *

Я на лодке опять. В мире водной среды
Ощущаю себя человеком воды.
Мне желаннее музыки водная тишь,
Где шуршат тростники, где трепещет камыш,

Где дыханье взахлёб, где все мысли вольны.
Я себя ощущаю сестрою волны.
Мне поведано было пророческим сном,
Что я стану волной в воплощенье ином.

* * *

Дремали каменные львы,
Устав от зноя...
Там, на ступенях у Невы,
Присели двое.

Их нервных пальцев кружева
Легли на грифы
Гитар, и реяли слова,
Кружились рифмы.

Там, оттеняя тишину
И ею полнясь,
Как луч, дробился о волну
Негромкий голос.

Спал город, и, сквозь летний сон
Ту песню слыша,
От звуков становился он
Стройней и выше,

Вздыхая в небо купола
Навстречу зорям...
А песня дальше уплыла,
В залив... и в море.

* * *

Центр – столпотворение вселенское,
Нет, стихия эта не моя.
Выхожу я в муравейник Невского,
Тоже превращаясь в муравья.

Личности толпою обезличены,
Суеты лежит на всех печать,
Здесь на равнодушие безразличием
Принято обычно отвечать.

Мне теперь привычной одиночество,
Плохо выношу я суету.
Поскорей домой вернуться хочется,
Там себя я снова обрету.

Владимир МОРОЗОВ

* * *

Я имя звёздное забыл,
И стал земным почти.
Теперь вот руки вместо крыл.
Вселенские пути
Давно заказаны, но дух
Ещё парит в ночи.
Так иногда, читая вслух,
Под тусклый свет свечи,
Иные вспомнишь времена
И росчерком пера
Взмахнёшь –
И только имена
Выводишь до утра.

* * *

Не суди, да будешь не судим...
По своей дороге уходя...
Для тебя, хоть ты теперь с другим,
Собираю капельки дождя.
Превращаю капли в жемчуга,
Полная ладошка, посмотри.
И чужая, ты мне дорога,
Просто наступили январь.
А ведь я не зимний по душе,
Потому и надо мне спешить –
Капельки нанизаны уже –
Вот тебе серебряная нить.

* * *

Когда в пространство уходящий луч
Как будто угасает, исчезая,
И наплывают стаи белых туч,
А в них ещё чернеет птичья стая –
Я замираю.
Сможет ли душа
Вместить природы вечные приметы:
Луч, что исчез в созвездии Ковша,
И стаю, что пропала в бездне Леты.

Юрий САННИКОВ

* * *

Евгению Родионову

Рюмки, селёдка да водочка.
Ночь оплыла стеарином.
Тянет в открытую форточку
Звёздами, снегом и дымом.

Холодно и неприютно.
Кто-то балует с гармонью.
Тянется хмурое утро,
Слышится лай отдалённый.

Снег заскрипит под ногами,
Сердце прихватит морозцем...
Тихо встаёт над полями
Подслеповатое солнце.

И над алеющим снегом,
И над рекою широкой,
Где-то меж Богом и небом,
Ворон летит одинокий.

* * *

Хлопнув дверью, ушёл я из отчего дома,
Где в крапиву и жимолость прячутся стены...
Жизнь прошла. Я сгорел, как сухая солома,
Затерялся, как странник, в пыли ойкумены.

Освещает дорогу мне Крест Ориона,
И бреду в никуда я в плаще пилигрима.
Так же катится в бездну звезда с небосклона...
И угрюма душа и, как зверь, нелюдима.

Там заносит песком зачумлённые царства,
Зацветает дурман на руинах империй,
Пахнут дымом и смертью пустые пространства
И вскипающей пеной иных измерений.

Прорастает трава сквозь пустые глазницы,
Череп обжигает лиловое солнце...
Там бесплодна земля, там молчат духовидцы,
Дара свыше лишились навек чудотворцы.

И обратно, с душою, разорванной в клочья,
Я на ощупь вернусь, как бродяга незрячий,
Но, вернувшись, увижу, что дом закован,
И, присев на крыльцо, закурю и заплачу...

Владимир СИМАКОВ

* * *

Украдено тучами солнце,
Утрачен недавний азарт.
Как свет в слюдяное оконце,
Струится нерадостный март.

Привычно сменяются снегом
Весны запоздалой дожди.
Монголо-татарским набегом –
Разлад в утомлённой груди.

И сколько ещё испытаний
Пришлёт умирающий март?..
Мы сами с тобою, мы сами
Не вовремя вышли на старт...

* * *

Засохший ствол в лесу под Карташевской,
Разбитый молнией, белеет, как стрела.
За то, что рос он тут один, прямой и дерзкий, –
Вся сердцевина выжжена дотла.

Среди поляны, словно прокажённый,
Он руки-ветви вскинул к небесам.
Остановился путник удивлённый
И вдруг подумал: «Это же я сам!».

НОЧНЫЕ ТЕНИ

Опускается вечер. Зловеще кусты
Обступают бревенчатый домик.
Не унять мне тревожной души маеты
В одиноком своём окоёме.

Одиноком ли?
Может быть, – главный вопрос.
Тьма вокруг многоглаза и грозна,
И в грядущую ночь начинается спрос
За грехи. И молиться мне поздно.

Одинокий фонарь лишь сгустит темноту,
Ну а ветер прибавит движенья,
Разомкнёт окружавшую дом темноту
И дополнит мои пораженья.

Затаился в кустах лесовик-лиходея,
Вся природа погибель пророчит.
Дом не топлён. Прохладно. Не видно людей,
Лишь тревожные призраки ночи...

Маргарита ТОКАЖЕВСКАЯ

* * *

Карта звёздного неба, зачем-то досмотренный сон,
И никак не спросить у того, кто бессмертье придумал,
Для чего надо мной и тобой наклоняется он,
Для чего наши судьбы с ладони озябнувшей сдунул,
И зачем проросли неземные его семена
В эпицентре последнего взрыва земных одиночеств...
Он и сам одинок... он придумал для нас имена
И названия наших наивных спасительных творчеств.
Чтобы там, наверху, если очень заколет в боку,
Можно было схватиться за первую справа строку...

* * *

Воющим на луну
Видно, не выгнать мглу.
Мгла на снега легла
Тяжестью синих лап.
Встанет сейчас, пойдёт
Задом да наперёд.
Время волков – зима,
Время тоску взимать.
Брат ты волкам и сват,
Тот же подлобный взгляд.
Целится в лунный кратер
Волчий характер.
Время волков – зима.
Знает зима сама,
Что по её слогам
Письма следов – волкам.
Камни звенят, звонят
В небо колокола,
Нет, не волков винят,
Просят с небес тепла.
Воющим на луну,
Видно, не выгнать мглу.

* * *

Во мне никто и кто-то очень важный,
Я не сдаюсь, но притворюсь и сдамся,
Я самолётик маленький бумажный,
Я смесь пещерной глины с декадансом.

Я не творю, я просто вытворяю
Из ничего всё то, что в нём хранится,
Но я твоё творенье предваряю,
Мой свет с небес, глоточек из криницы.

Я смесь полынных запахов, гаданий
На картах мира, чертежах созвездий,
Я – данный дар, но я пришла за данью,
Где главный дан – строка благих известий...

Вот он получен, вымолвлен, оставлен
На поле чести, радости, восторга...
Мой голос сорван, вздох прощанья сдавлен,
Я отступаю за пределы торгова...

Во мне никто и кто-то очень важный,
Я не сдаюсь, но притворюсь и сдамся,
Я самолётик маленький бумажный,
Я смесь пещерной глины с декадансом.

Леонид ШЕЛУДЬКО

* * *

Март в Сибири – приёмьш зимы.
Не беглец, не изгнанник, а просто
сапогам предпочётший пимы,
заплутавший в метели подросток.

И тревожно ему, и легко,
и к опасности сердце оглохло.
У него на губах молоко,
может, в этой метели обсохло.

– Ты о ком это? – спросите вы
педагогом в преддверье отметки.
О себе. Я приёмьш Невы,
лист Сибири, сорвавшийся с ветки.

* * *

Наташе

Мы жили с тобой,
как будто у нас
помимо одной –
пять жизней в запас.
Сжигали мосты,
меняя края:
«Мой дом – это ты.
Твой дом – это я».

И вот на двоих
испили до дна
пять жизней своих.
Осталась одна.
Среди суеты,
вражды и вранья –
мой дом это ты,
твой дом это я.

Распахнута дверь,
раскрыто окно.
Что будет теперь,
не всё ли равно?
И снег нам – цветы,
и Бог нам судья.
Мой дом это ты.
Твой дом это я.

* * *

Облетела листва,
посветлели аллеи.
Облетают слова,
будет чувствам светлее.

Приморозит, и вновь
станет пусто и голо.
Не простуда – любовь
стиснет хрипкое горло

к этой странной земле,
но никто не увидит.
На холодной заре
солнце в варежках выйдет.

АМФИЛОХИЕВА Мария Вальтеровна (22.03.1960, Ленинград). Окончила ЛГПИ им. А. И. Герцена и ф-т СМИ в Чите. Поэт, прозаик, критик, член СП России, автор 20 книг. Лауреат премии им. И. Ф. Анненского (2016). Соредактор журнала поэзии «Окно». Преподаватель литературы в ФМЛ 239 (СПб).

БОРИСОВА Мария Алексеевна (25.03.1946, Ленинград). Окончила Горный ин-т. Поэт, издатель, редактор, ответственный секретарь клуба «Принестье», член СП России, автор нескольких книг стихов.

МОРОЗОВ Владимир Ильич (30.05.1956, Ленинград). Окончил Литературный ин-т им. А. М. Горького, семинар Н. К. Старшинова (1991). Поэт, прозаик, критик, член СП России, автор более 40 книг стихов и прозы. Руководитель литературного клуба «Принестье» и семинара «Русская поэтическая школа». Редактор и составитель поэтических сборников и антологий, лауреат литературной православной премии им. Благоверного князя Александра Невского.

САННИКОВ Юрий Григорьевич родился в 1958 году в Новокузнецке. В 1983 году окончил физико-математический факультет Тбилисского университета. Геофизик, преподаватель математики. Автор-исполнитель своих песен. Автор двух книг стихов «Всё по воле Господней» (2006) и «Вселенной живой многогранник» (2009). Публиковался во многих журналах, в том числе «Нева», «Северная Двина», «Окно», «Невский альманах». Живёт в Санкт-Петербурге.

СИМАКОВ Владимир Сергеевич (7.03.1952, Ленинград). Поэт, издатель, журналист, член Союза журналистов СССР (1979) и СП России (2001). Окончил Ин-т культуры им. Н. К. Крупской (1974), Ленинградскую высшую партийную школу (1987). Поэт и публицист. Автор 17 поэтических и двух публицистических книг. Лауреат литературных премий. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2013), знаком отличия «За вклад в развитие Ленинградской области» (2015).

ТОКАЖЕВСКАЯ (Семилетникова) Маргарита Леонтьевна (17.06.1961, г. Терсакан, Казахстан). Окончила МУФО (Оксфордская образовательная сеть, 2007), кандидат философских наук, психолог. Поэт, эссеист, критик, член СП России, соредактор журнала поэзии «Окно», автор 20 книг. Лауреат премии им. И. Ф. Анненского.

ШЕЛУДЬКО Леонид Николаевич (16.12.1952, пос. Черновские Копи, близ Читы). Окончил Томский политехнический институт, став горным инженером-механиком. Работал на угольных разрезах Экибастуза. Затем вернулся в Забайкалье, сейчас живёт в С-Петербурге. Член Союза писателей России. Публикации в журналах «Простор», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Начало века» и других. Стихи вошли в ряд коллективных сборников и «Антологию русской сибирской поэзии. XX век». Автор книг стихов «Дорога через осень», «Бумажный голубь», «Рыжий» и других.

Владимир Козубов

ИСТОРИИ АВТОГРАФОВ

(Записки книголюбца)

*Всему, что есть хорошего во мне,
я обязан книгам.*

М. Горький

Читать я выучился в положенное время, обычным способом, в школе. Читать меня научила жена моего дяди, то есть моя тётя Клава, она как раз и была моей первой учительницей в течение трёх лет. Первая моя школа была маленькой, начальной, и было в ней всего четыре класса, в которых занималось около двух десятков учеников. Маленький был наш степной посёлок...

Однако, научившись читать, я страстно полюбил это занятие и уже по окончании 3-го класса перечитал всю библиотеку нашей маленькой школы, которая умещалась в одном, но зато большом книжном шкафу. Перечитав всю художественную литературу, я принялся за научно-популярную. Помню такие книги, как «Путешествие с домашними растениями», «По следам Робинзона», а также невесть как попавшие к нам «Краткие очерки палеонтологии» и «Искусственные спутники Земли». Так что о всяких там стегоцефалах, орнитомимидах и прочих анкилозаврах, как и о том, что существуют первая и вторая космические скорости, я знал уж тогда. Тётя Клава, а как учительницу я обязан был называть её Клавдия Ивановна, держала меня достаточно жёстко, несмотря на родственные отношения. Тогда так было принято: со своих спрашивать больше. Такая была ментальность. Но мою любовь к чтению тётя Клава всячески поощряла. И когда привозила очередную партию книг для школьной библиотеки, то всегда звала меня «разбирать книги». То-то было мне радости!.. В четвёртом классе я читал уже вполне «взрослые» книги: «Спартак» Р. Джованьоли, «Пётр I» Алексея Толстого, военную прозу и т. п., словом, всё то, что я мог найти в нашем посёлке. Читал и хранившуюся у бабушки с дедом (они были родом из Полтавской губернии) литературу на украинском языке: «Кобзарь» Т. Шевченко, рассказы Остапа Вишни, комплекты журнала «Перец»... Как говорится, в подлиннике, на украинском языке. Словом, много чего я читал, будучи двуязычным...

Потокал моей любви к чтению и мой дед Роман. Из командировок он зачастую привозил мне какую-нибудь книжку. И, конечно, от него я ждал не только пряников и других сладостей, но и новую книжку. У этих книг, которые дед доставал из своего пахнущего хвоей походного мешка (он ездил от колхоза на лесозаготовки), был такой будоражащий воображение свежий запах, яркие иллюстрации...

Очень много хороших книг для чтения рекомендовала моя Учительница в

четвёртом классе Сульжиц Раиса Анатольевна. Очень хороший человек была Раиса Анатольевна! Как сейчас помню её! Невысокого роста, рыжеволосая, симпатичная и очень живая, она возилась с нами дни напролёт. К тому времени мы были уже достаточно большими и сильно тянулись к знаниям, потому слушали её, раскрыв рты... Тогда школа была для нас центром мироздания. Мы устраивали коллективные читки любимых книг, занимались всяческими поделками, ходили в походы в близлежащие берёзовые колки и лесозащитные полосы. К слову сказать, Раиса Анатольевна также пользовалась любовью и у взрослых. Деятельная и неутомимая, она устраивала с сельчанами какие-то концерты, конкурсы, словом, это была настоящая сельская учительница-подвижник... Я всегда вспоминаю её с благодарностью.

Продолжив учёбу в восьмилетней школе, располагавшейся в селе Степной Кучук, я сразу же записался в сельскую библиотеку, которая мне тогда казалась очень большой. А там всего-то была одна комната. Но зато был ещё и читальный зал, где можно было рассматривать и читать подшивки журналов. И вовсе неважно, что вместо стульев там были самодельные скамейки-лавки. Главное – многообразие выбора литературы. Вот тут-то по-настоящему мне открылся книжный мир! Я читал всё подряд. Мне было интересно многое. А долгая и морозная сибирская зима очень иной раз способствовала чтению. Я нашёл для себя Вл. Обручева, Ж. Верна, М. Рида, А. Конан-Дойля, А. Беляева, Г. Уэллса, «Аэлиту» А. Толстого и многое, многое другое... А уж когда начал учиться в средней школе в нашем райцентре Родино и «открыл» для себя районную библиотеку – это вообще было словно сказка. Настоящая библиотека была в нашем райцентре! Она занимала целый этаж в районном Доме культуры. Книг было множество, а ещё и большой читальный зал со столами и стульями. В этом зале можно было сидеть весь день напролёт. И мы, старшеклассники, там часто встречались после школьных занятий...

Надолго моим любимым жанром стала фантастика. Вы же помните: шестидесятые годы – это взлёт, расцвет советской фантастики. Выходили сборники-ежегодники «Мир приключений», «Фантастика», альманах «НФ». Мой всё возрастающий интерес к этому роду литературы поддержала и ещё одна моя Учительница, Сирота Антонина Марковна, преподаватель гидрогеологии в Семипалатинском геологоразведочном техникуме, где я учился после школы. Мы с ней часто обсуждали прочитанное, делились своим мнением...

Кроме фантастики, меня пленяли и описания тайги натуралиста Арсеньева и геодезиста Гр. Федосеева, пустынь и степей В. Обручева... Очень хотелось побывать в тех местах. И отчасти мои мальчишьи мечты сбылись: я почти десять лет проработал в гидрогеологических экспедициях на юге Казахстана и на Алтае. Да и в последующем, при работе в конструкторском бюро довелось немало поездить по просторам нашей большой и удивительной страны. Так что повидать пришлось много чего... Пролетая иногда авиарейсом над теми местами, где когда-то проходило моё детство, я вспоминал, как мальчишкой с кнутом и книжкой в руках пас телят, с завистью разглядывая в небе инверсионные следы пролетающих самолётов.

Книги я собирал на протяжении всей жизни. Продолжается этот процесс

и сейчас, библиотека насчитывает около пяти тысяч книг. Кроме всё той же фантастики и приключений, собираю книги о природе и животных, исторической тематики, немного публицистику... Как я уже упоминал, мне часто везло по жизни, вот и в этом вопросе всё сложилось как нельзя более удачно. Ибо моя жена тоже большой любитель чтения. Правда, к фантастике она относится несколько прохладно, но ведь нельзя же требовать идеала во всём. Как говорится, и так хорошо. Благодаря ей в нашей домашней библиотеке имеется и классика, и книги по домоводству. Само собой, в своё время приобретали и детскую литературу...

Как всякий уважающий себя библиофил, я, естественно, интересовался писателями, их творческими планами, мне вообще они были интересны как необыкновенные люди, виртуозно владеющие словом, придумывающие или описывающие действительность настолько ярко, что иной раз оторваться невозможно от книжных страниц. Однако интерес мой был, как сейчас бы сказали, дистанционный, потому как шанс пересечься с писателями, работая в степях, пустынях, горах и лесах был нулевым.

Однако когда я из гидрогеологии перешёл на работу в КБ по машинам для овцеводства и водоснабжения пастбищ, ситуация значительно поменялась, а мои поездки географически расширились, как пелось в песне, «от Москвы до самых до окраин».

Итак, вот несколько историй автографов из моей библиотеки. При наличии в наше время интернета и соцсетей теперь всегда можно ознакомиться с библиографией тех или иных писателей, и поэтому нет нужды в этом небольшом очерке приводить все эти данные. Я расскажу лишь о том, как мне удалось познакомиться с писателями и получить автографы. Причём два из них имеют прямое отношение к Томску.

Г. С. АЛЬТОВ

Автограф Альтова: «Владимиру Ивановичу Козубову – с наилучшими пожеланиями. Г. Альтов 17/06 – 82».

С Генрихом Сауловичем я познакомился летом 1982 года во время моей командировки в Баку. Я в то время работал в конструкторском бюро и по роду своей деятельности занимался делами, связанными с изобретательством и рационализацией.

Однажды в наш адрес поступило письмо примерно следующего содержания:

«Азербайджанский общественный институт инженерно-технического творчества (АзОИИТТ) проводит ознакомительный семинар по изобретательскому творчеству, основанному на новейших методиках и новом научном подходе». В общем, что-то в этом роде. Я не без основания связал это письмо с работой школы Альтшуллера Г. С. Изобретателям и рационализаторам должны быть знакомы его книги по алгоритму и теории решения изобретательских

задач: АРИЗ, ТРИЗ. Изюминка в том, что писатель – автор ТРИЗ Альтшуллер Г. С. и фантаст Альтов Генрих – одно и то же лицо.

Начальник нашего КБ Марышев Анатолий Никитович предложил мне побывать на этом семинаре, ознакомиться с предлагаемой методикой и вообще посмотреть на это дело вблизи, возможно, будет смысл с ними установить впоследствии контакты, обучить наших конструкторов...

Радости моей не было предела: творческая командировка летом в Баку и возможность встречи с писателем-фантастом – просто мечта!

Однако после начала занятий на семинаре я с удивлением и разочарованием для себя выяснил, что к означенным ознакомительным курсам Альтшуллер Г. С. никакого отношения не имеет, ибо эти курсы всего-навсего сырые заготовки его учеников, несогласных с «генеральной линией» отца-основателя, решивших вести самостоятельную работу на коммерческой основе, не раскрывая слушателям ни сути, ни методов своей работы, агитируя нас, если можно так выразиться, «втёмную».

Разочарованный услышанным и увиденным на курсах АЗОИИТа, я решил разыскать Г. С. Альтшуллера, чтобы ознакомиться с АРИЗ – ТРИЗ из первоисточника, коль уж так получилось, что я нахожусь совсем близко от самого автора Теории и увидеть проблему с другой стороны баррикады. Подбил я одного слушателя нашего семинара, и отправились мы с ним разыскивать Генриха Сауловича.

В Азербайджанском отделении Союза писателей нам дали адрес Г. Альтова (да уж, были времена когда-то!), и мы покатали на встречу. Разыскали дом, поднялись на этаж, нашли нужную квартиру. На двери была прикреплена табличка с надписью «Журавлёв Николай...». Мы недоуменно прочли её, пожалы плечами, но всё же решили позвонить. Нам открыл дверь худощавый человек среднего роста, с большими глазами и малозаметной залысиной. Конечно, я его сразу узнал по фотографиям в журнале «Техника и наука», где Генрих Саулович вёл свою рубрику. Это был он. Мы представились и объяснили причину своего визита. Генрих Саулович выслушал нас, представился сам и посторонился, пропуская нас в квартиру.

Вошли в комнату, уселись на диван. Альтшуллер расположился напротив нас, в кресле. Поборов смущение, я пояснил подробнее о цели нашего визита, и между нами начался оживлённый разговор и обмен мнениями.

Альтшуллер оказался очень интересным собеседником, тактичным и мягким, с хорошим чувством юмора. Он очень непринуждённо разговаривал с нами, расспрашивал о наших делах, и вскоре некая скованность, которая, несомненно, присутствовала в нас, исчезла. Мы довольно долго общались, задавали вопросы, получали ответы, словом, диалог для обеих сторон был очень интересен и продуктивен. Альтшуллер подарил нам с напарником отпечатанные на ротапинтере некоторые материалы по ТРИЗу. Мы все трое обменялись адресами и, как говорится, пришла пора и честь знать. И тут я решился – всё же в моей жизни это была первая встреча с писателем «вживую». Я достал из портфеля заранее приготовленный сборник научно-фантастических рассказов Альтова и попросил у Генриха Сауловича автограф.

Он надписал книгу, а затем, возвращая её, внимательно посмотрел на меня и спросил:

– А что, молодой человек, вижу, любите читать фантастику?

– Очень, – ответил я. – Мне нравится этот жанр.

– А почему? – вновь спросил писатель.

– Фантастика развивает воображение, будит мысль... – ответил я. – Если, конечно, интересно написано. Как бы на острие научной мысли...

– Это верно, – согласился Альтов, – если не пустые приключения ковбоев на Марсе или там где ещё... Тут видите ли в чём дело... ТРИЗ и фантастика имеют много общих точек соприкосновения. Давайте я вам немножко расскажу...

Альтов подошёл к двери в другую комнату:

– Валя, будь добра, поставь нам чаю, пожалуйста. А вы садитесь, садитесь...

В общем, «немножко» затянулось ещё на полтора-два часа.

Мы пили чай с фруктами и говорили. Я спросил Генриха Сауловича, почему бы ему не создать стационарную школу ТРИЗа вместо «кочующих семинаров». Вот ведь создали же местные бакинские ребята свою школу инженерно-технического творчества. На что Генрих Саулович, улыбнувшись, ответил:

– Школа, Владимир, одна. Это моя. А «бакинские» ребята – просто шарлатаны, занимаются профанацией ТРИЗа. А создать что-то на союзном уровне – не так просто. Во-первых, руководство ВОИРа не признаёт моих разработок. А во-вторых, фамилия у меня не совсем подходящая для этого.

– Тогда почему бы вам не уехать за границу и там наладить дело? – продолжал я свои расспросы. – Ведь вас там, «за бугром», знают довольно хорошо. Ваши книги по ТРИЗ изданы во многих странах. Почему бы и нет? Сейчас вроде как препятствий не чинят...

– Моя родина – Советский Союз, – ответил Альтшуллер, – я же здесь родился, вырос, состоялся как личность. Я принадлежу к русской культуре. И хотя судьба моя складывалась по-всякому, всё же я не мыслю себе жизни в другой стране. Заграничный рай – он не для всех. Не всё там гладко, как считают многие у нас... Кому мы за кордоном нужны? Чтобы проходимцы спекулировали на моём имени? Нет, буду работать здесь, посмотрим ещё, как оно повернётся дело. Может, и удастся убедить ВОИР. Ведь НТО на моей стороне.

Надо сказать, что тогда в СССР было две общественные организации, направлявшие изобретательскую работу: ВОИР – Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов (орган печати – журнал «Изобретатель и рационализатор») и НТО – научно-техническое общество (орган печати – журнал «Техника и наука»). Мы все вместе посетовали на наличие трений между этими организациями и выразили надежду, что когда-нибудь эти склоки закончатся.

Постепенно перешли от ТРИЗа полностью на фантастику. Разговаривали о книгах, о писателях. Говорили о тенденциях в фантастике, о силе фантастики и её уязвимых сторонах. При этом, конечно, называли конкретные произведения и фамилии авторов.

Альтов между делом заметил:

– А фантастику вы знаете очень неплохо. Похвально, Владимир...

Не скрою – для меня это было приятно... Ещё бы! Я впервые в жизни говорил с настоящим писателем, интересные рассказы которого я читал с удовольствием и хорошо помнил. И теперь вот удостоился его похвалы.

Я спросил Альтова, почему в последнее время совсем не видно его рассказов, на что Генрих Саулович ответил:

– Видите ли, я с головой ушёл в ТРИЗ, на фантастику просто нет времени, не получается разрываться на два таких потока. Конечно, когда я работаю над проблемами ТРИЗа, у меня появляются какие-то фантастические идеи, сюжеты. Я сбрасываю это Вале, а она пишет... Ну, как бы за нас двоих.

К тому времени я уже узнал от Альтова, что его жена Валя – это писатель-фантаст Журавлёва Валентина Николаевна (об автографе которой я расскажу чуть ниже).

– А, понятно... – протянул я. – А то возникал у меня вопрос: интересно как-то получается, писатель – женщина, а фантастику пишет в «мужском стиле», с опорой на техническую тему. Женщины – они больше описывают эмоции, психологические нюансы всякие... Теперь прояснилось.

И мы улыбнулись: маленькая «тайна» получила своё объяснение. Время бежало незаметно. Увлечённые разговором, мы совсем не замечали его бега, делились своими впечатлениями от прочитанного, вспоминали разные смешные истории, связанные с теми или иными книгами. В частности, он с юмором рассказал об истории появления в сборнике НФ пьесы «Сокровища сгоревшей планеты», в которой инопланетяне разговаривают... стихами. Я сказал, что помню эту забавную пьесу, она напечатана в бакинском сборнике НФ «Формула невозможного».

– А откуда он у вас? – спросил Альтов. – Вы же из Казахстана, в Чимкенте живёте.

– Так я же книголюб! – улыбнулся я. – Случайно как-то попала в киоске книжном. У меня и второй бакинский сборник есть, «Эти удивительные звёзды».

– Да, был такой, – подтвердил Генрих Саулович. – Мы, бакинские фантасты, тогда хорошо поработали. Есть ещё и третий сборник, выходящий в Баку.

– Да, я знаю, – ответил я, – называется «Полюс риска». Но, к сожалению, я его не читал. Не смог достать.

И тут Альтов, кинув на меня быстрый взгляд, заговорщицки подмигнул, встал с кресла, подошёл к полкам, покопался в них и вынул книгу. Приложив палец к губам, он сказал:

– Вот вам «Полюс риска». Вале не проговоритесь, – сказал он, протягивая мне книгу. – А то она будет меня ругать, опять, мол, раздариваешь книги. Положите сразу книгу в портфель. Мой подарок вам. Как библиофилу и большому знатоку фантастики.

Я не знал, как мне и благодарить Генриха Сауловича. Книголюбы – те поймут моё душевное состояние в тот момент. Мы ещё некоторое время погово-

рили, хотя я уже понимал – пора откланиваться. И так уже исчерпан лимит времени визита. Да и напарник мой совсем заскучал, так как был равнодушен к фантастике и участия в разговоре уже практически не принимал. Всё когда-то кончается, в том числе и душевная беседа. Мы поблагодарили хозяев за гостеприимство, выразили особо свою благодарность Генриху Сауловичу за предоставленную информацию, а я ещё и за автограф. О подаренной книге я благо разумно умолчал, потому как Валентина Николаевна тоже находилась в прихожей, провожая нас. В общем, расстались мы с Альтовым как бы немного заговорщиками...

С той поры у нас с Генрихом Сауловичем завязалась переписка. Он присылал мне новинки по ТРИЗ, сообщал о тематических публикациях в журналах. Я сообщал ему о своих делах на ниве изобретательства, просил пояснить те или иные места в ТРИЗе, высылал ему НФ книги местных авторов.

И так продолжалось, пока не началось то, что называется сегодня подчёркнуто нейтрально «перестройка», а на самом деле – разрушение большой и интересной страны. В Баку случилась большая беда: началась вакханалия суверенитета, погромы, и Альтов и Журавлёва покинули вздыбившийся Азербайджан... Наступило иное время.

Кому сейчас нужна ТРИЗ? Кому нужна умная фантастика? Все новинки везут к нам из-за рубежа, а хорошую фантастику вытесняют бездарные поделки о бесконечных галактических войнах, о вампирах, магах и прочей оккультной дребедени.

Но если кому-то захочется прочесть о полёте безудержной человеческой мысли, раскройте один из авторских сборников научно-фантастических рассказов Генриха Альтова, например «Легенды о звёздных капитанах», «Опаляющий разум», «Создан для бури». Каждый рассказ сборника – это изобретение. Изобретение, которому ещё предстоит состояться. Это задачи, поставленные нашим потомкам: «приручение» шаровых молний, достижение сверхсветовых скоростей, выращивание динозавров, достоверное прогнозирование открытий, принудительное сближение звёздных скоплений... Дерзко? Конечно, на то она и фантастика. Если она, конечно, настоящая. Такая, как у Альтова Генриха Сауловича.

В. Н. ЖУРАВЛЁВА

Автограф Журавлёвой: «Владимиру Ивановичу Козубову – с уважением и пожеланием «Через невозможное – вперёд!» 18/1 – 83 г.

...Находясь в гостях у Генриха Альтшуллера, уже в конце беседы, когда мы, вдоволь наговорившись об АРИЗ – ТРИЗ, немного разобравшись в вопросе размежевания и разногласиях с АзОИИТом, перешли на другие темы, в частности, фантастику. Жена Генриха Сауловича, симпатичная улыбчивая блондинка, принесла нам чай и лёгкую закуску. И тут до меня дошло! Я со- поставил увиденную фамилию, начертанную на дверной табличке квартиры

– Журавлёв Николай, обращение Альтова к жене – Валя. К тому же я знал, что писатель-фантаст Журавлёва Валентина Николаевна проживает в Баку. Таких совпадений не бывает. И картинка сложилась! Улучив подходящий момент, я обратился с Альтову с вопросом. Он ответил утвердительно: да, именно так дело и обстоит в реальности, его жена является писательницей Журавлёвой Валентиной.

В тот раз я постеснялся попросить автограф у Валентины Николаевны – книги, принадлежащей её перу, у меня с собой не было. Откуда мне было знать тогда, что писатель Журавлёва живёт в Баку и я с ней встречусь?! Да и побоялся я злоупотреблять гостеприимством этой дружной семьи. И так мы уже слишком много и живо говорили с Альтовым о фантастике, к которой мой напарник, пришедший со мной, был равнодушен, и, само собой, такие разговоры ему были скучны. Пришлось откланяться.

Когда после этой встречи у меня наладилась деловая дружеская переписка с Генрихом Сауловичем Альтовым, то в письмах, отправляемых в Баку, я передавал приветы и, как книголюб-библиофил, кое-что выяснял для себя у Валентины Николаевны относительно её творчества. Она же свои ответы для меня вкладывала в письма Альтова.

В одном из писем я как-то сообщил В.Н., что с её творчеством знаком ещё будучи учеником 5–6 классов. В те годы было обычным делом транслировать радиоспектакли. И вот как-то раз я услышал спектакль, поставленный по рассказу Валентины Журавлёвой. Рассказ этот назывался «Астронавт» (другое название – «Капитан звездолёта»).

А в январе 1983 года Валентина Николаевна прислала мне свой автограф, употребив в нём девиз того самого капитана звездолёта «Полюс», который говорил: «Через невозможное – вперед!».

Как я уже говорил выше, с началом перестройки и разрушения СССР наша с Альтовым переписка прервалась. Позже я узнал, что Альтов и Журавлёва перебрались в Петрозаводск. По-видимому, возраст и пережитое очень сказались на здоровье писателей. Ушёл из жизни Г. С. Альтов. А вскоре не стало и Валентины Николаевны. Но остались их книги, автографы, разговоры, коротенькие письма. Остались в памяти разговоры с ними. Говорят, *ушедшие* находятся с нами на Земле до тех пор, пока мы их помним. Я помню...

Хорошие они были люди, и я горжусь знакомством с ними.

М. Г. ПУХОВ

Автографы Пухова:

«Владимиру Ивановичу на самую добрую память от автора. янв.1983».

«Владимиру Ивановичу Козубову на самую добрую память. апрель 1983 г.».

Писатель Михаил Пухов родился 3 января 1944 г. в Томске в семье выдающегося математика, академика Георгия Евгеньевича Пухова.

Михаил Георгиевич – очень интересный и неординарный писатель. Впер-

вые я наткнулся на один из его рассказов в журнале «Знание – сила», который я выписывал и читал запоем. Мне очень понравились его фантастические рассказы. Ёмкие, лаконичные, ничего лишнего. И, что немаловажно, – интересные, со своей фирменной изюминкой – сюжет как бы нанизан на научную гипотезу, которая излагается в рассказах в доступном для читателя понимании.

К сожалению, Михаил Георгиевич не был «плодовит», у него всего три небольших авторских сборника рассказов и, кажется, две повести. Печатался он в журналах «Искатель» и «Техника – молодёжи». В последнем Пухов заведовал отделом фантастики.

Однажды, будучи в командировке в славном и интересном городе Москве, я «завис» и слонялся без дела пару дней. Документы, которые я проталкивал по многочисленным институтам и ведомствам, неожиданно и безнадежно улеглись на бюрократических столах по причине пребывания в командировке некоего человека, которого нельзя было «перепрыгнуть». Такое в нашей жизни бывало. Мне сказали: жди, потому как только он, этот самый человек и решает нужные тебе вопросы. Вот я и ждал. А чтобы не тратить время впустую, я вдохнул глубоко для храбрости и позвонил в редакцию журнала «Техника – молодёжи» Пухову, испросив согласия на встречу. Михаил Георгиевич, по-видимому, в тот момент тоже пребывал в состоянии творческой рассеянности, потому как с удовольствием согласился. Мы договорились о времени нашего randevu. Михаил Георгиевич пообещал к нужному часу оформить мне пропуск.

Редакции молодёжных журналов «Техника – молодёжи», «Вокруг света», «Искатель», «Молодая гвардия» и многих других находились в высоченном здании, кажется, в 20 этажей, что расположено на Дмитровском шоссе. В те времена Москву я знал уже достаточно хорошо и ориентировался свободно. К назначенному времени я прибыл в офис, предъявил свои документы, командировочное предписание. Вахтёр посмотрел на мои документы, позвонил Пухову, уведомил его о прибытии посетителя и вручил мне пропуск. Я прошёл в вестибюль. Кабинет Пухова находился где-то на 10-м этаже, сейчас точно и не помню, где-то посередине этой высоты. Вошёл в лифт и поехал вверх, «до самых высот». Ну, без приключений жизнь редко обходится.... Тем более что в таком небоскрёбе я был впервые. Естественно, лифт, миновав все предыдущие этажи, доехал до 20-го, и там почему-то застрял. Сотовых телефонов, чтобы позвонить и сообщить о своём местонахождении, в те времена ещё не было. Вот и сидел я тихонько на самой верхотуре, скромно помалкивая, аки библейский Иона во чреве китовом. Но, думаю, чего же сидеть, сложа руки? Надо что-то делать для своего освобождения из лифтового плена. И начал я кнопки разные тыкать. Есть такой научный способ познания действительности, «метод тыка» называется. И вот этот проверенный метод принёс-таки положительные результаты: лифтовое хозяйство очнулось от летаргического сна, динамик лифта зашипел, потом загудел, и чей-то голос спросил:

- Что-то случилось?
- Да вроде бы как застрял маленько.
- А где вы?

– Под крышей, вроде как на двадцатом.
– Странно, а у меня другой этаж... Ладно, ничего не трогайте больше и никуда не тычьте пальцами.

Лифт вновь загудел, дёрнулся и пошёл вниз. Долго шёл, до самого упора. Встал, постоял маленько, словно размышляя. Лифт-то современный был, с программным управлением. Но дверь не открывалась. Поразмыслив, лифт опять пошёл наверх, и вновь остановился на двадцатом.

– Ну как? – спросил тот же голос.
– Что как? – ответил я.
– Вы приехали уже?
– Да. Приехал опять на двадцатый. А до этого был на первом.
– А чего же вы не сошли?
– Где? На первом?
– Да.
– А мне на первом зачем выходить? Мне не нужно на первый этаж. Да и дверь не открылась.

– Так вы бы нажали кнопку открывания дверей.
– Так вы же мне сказали, чтобы я не нажимал больше ничего.
– Вы интересный какой-то!..
– Да я из Казахстана.
– Теперь поняла. А вам куда вообще-то надо?
– Вы знаете, я уже позабыл, какой этаж. Мне надо в журнал «Техника-молодёжи».

– Ага, ясенько. Сейчас мы вас доставим на нужный вам этаж. Одну минуточку...

И лифт, загудев, снова пришёл в движение. На нужном мне этаже остановился, и я наконец-то покинул кабину лифта. Проходя по коридору в поисках нужного мне помещения, я встретился с высоким, худощавым, чуть сутуловатым мужчиной средних лет, в джинсах и сером свитере, торопливо шагавшим мне навстречу. Мы оба пытливо взглянули друг на друга, словно «провалившиеся» разведчики при обмене на границе, и разминулись.

Я нашёл искомый кабинет. Вошёл в распахнутую настежь дверь. Никого. Но хорошо чувствовалось недавнее присутствие хозяина кабинета. Как говорится, «дымилась оставленная на столе трубка». Я попытался наружу и, выйдя в «предбанник», принялся разглядывать размещённые на стенах картины. Картины были мне хорошо знакомы, поскольку они в своё время публиковались на страницах журнала в рамках конкурсов, таких, как «Мир завтрашнего дня», и т. д.

Через некоторое время встреченный мной в коридоре человек вновь появился на пороге, и я понял, что это и есть писатель Михаил Пухов. Вошедший улыбнулся и протянул мне руку:

– Здравствуйте! Вы – Владимир? Это вы договаривались о встрече? Что-то случилось?

– Да, – кивнул я головой и пожал протянутую руку. – Небольшие затруднения с лифтом.

Пухов улыбнулся:

– Ну, бывает. Давайте-ка пройдем в кабинет.

Мы вошли в небольшой кабинет заведующего отделом фантастики. Два находившихся здесь стола были завалены книгами, журналами, рукописями. Как говорится, царил творческий беспорядок...

– Располагайтесь, – произнёс Пухов и показал рукой на кресло для посетителей. – Может, чайку?

И под горячий чай между нами завязался разговор. Говорили мы много и о разном: публикациях журнала и наиболее интересных авторах, о художественных выставках фантастических картин, о проблемах проведения пробега самодельных автоконструкций. Михаил Георгиевич оказался очень увлекающимся человеком... Расставаться не хотелось. Но ведь пора и честь знать! – время рабочее. Я попросил Михаила Георгиевича на прощанье подписать мне книгу, и он с удовольствием откликнулся.

Когда я вынул из «дипломата» и протянул ему книгу «Картинная галерея», то Пухов со смущённой улыбкой на лице спросил:

– Владимир, а вы не могли бы отдать её мне? Вы понимаете, я все свои экземпляры данного сборника по запарке раздал приятелям. А теперь у меня не имеется самого первого сборника. А я бы вам подписал свою вторую книгу – «Звёздные дожди».

Я в раздумье почесал в затылке. Хотелось сделать приятное человеку. Да не просто человеку, а уважаемому мной писателю. Но книжку мне, как страстному библиофилу, утратить было очень жаль. И после недолгой, но трудной борьбы книжный жлоб, сидящий где-то глубоко во мне, одержал победу.

– Вы знаете, Михаил Георгиевич, к сожалению, нет. Да и первый сборник мне нравится больше, нежели вторая книга, которую я тоже уже прочёл.

– Ну, – развёл руками Пухов, улыбаясь и шутливо вздохнув. – Как книголюб я вас понимаю. Не судьба, видать. Делать нечего.

Тем не менее, автограф он подписал. Я поблагодарил писателя и, опустив книжку в «дипломат», ободрил писателя:

– Михаил Георгиевич, вы не расстраивайтесь. Клятвенно обещаю раздобыть ваш первый сборник. Специально для вас. Поверьте, я приложу все силы.

– Да ладно, – улыбнулся Пухов. – Что теперь? Спасибо вам. Я буду надеяться. А может, и сам где-нибудь отыщу.

Мы душевно распрощались и расстались. Я покинул здание на этот раз уже без всяких прикличений и вполне довольный собой. Но вот грызла меня мысль: неловко как-то получилось с Михаилом Георгиевичем. И как выполнить данное Пухову обещание? Тут ведь такое дело – можно годы искать. Но, по-видимому, судьба была ко мне благосклонна, и после истечения трёх месяцев, снова будучи в командировке в Москве, я на книжной толкучке наткнулся на книголюба, продававшего три книжки «оптом». И среди них в том числе книгу Пухова «Картинная галерея». Я тут же, не раздумывая, приобрёл книги. Хотя две другие мне были вовсе не нужны. Но какое это имело значение? В руках у меня был совершенно новенький, «муха не сидела», экземпляр так нужной мне книги. Выбрав время, я позвонил Михаилу Георгиевичу.

После обмена приветствиями («Да-да, я помню вас, Владимир») я спросил:

– А что, Михаил Георгиевич, вы до сих пор не нашли «Картинную галерею»?

– Увы! – ответил Пухов. – Не попадалась. Пока не везёт.

– Ага, значит, мне повезло больше, чем вам! Так что я своё обещание сдержал и книгу такую для вас нашёл! – горделиво произнёс я. – Если она вам нужна, то давайте договоримся о встрече.

Пухов шумно обрадовался, поблагодарил меня, и мы быстро договорились о времени нашего randevu.

...Когда я вручил книгу автору, последний был просто счастлив:

– Вы понимаете, Владимир, *Первый* сборник! Понимаете, *Первый!* Это же как первое дитя. А у меня не оказалось в наличии. Вот спасибо большое! Вы меня очень, очень выручили и порадовали.

Он быстро взял лежащий на столе свой второй сборник «Звёздные дожди», размашисто подписал его и торжественно вручил мне:

– Вот! Это вам! Спасибо, Владимир, – он снова улыбнулся. – Что я могу ещё сделать для вас? Я не волшебник. Но кое-что могу...

Скромничал Михаил Георгиевич. Он в действительности оказался немного волшебником. И слово своё сдержал. Благодаря ему я встретился ещё с двумя замечательными писателями, а также получил автограф писателя Владимира Рыбина.

Многие произведения Пухова переведены на болгарский, венгерский, итальянский, польский, французский и другие языки народов мира.

Михаилом Пуховым были задуманы два произведения крупной формы – роман «Дуэльный зал» и мозаика «Дерево и река», однако они остались, увы, незавершёнными. Читатели знакомы лишь с некоторыми фрагментами из «Дуэльного зала»: рассказом «Человек с пустой кобурой» (1977) и повестью «Корабль роботов» (1982).

Такая вот история этих двух автографов общительного человека, интересного и своеобразного писателя Михаила Пухова, который, к сожалению, рано ушёл от нас. Но память о нём осталась добрая и светлая.

А. П. КАЗАНЦЕВ

Автограф Казанцева: «Владимиру Козубову в память встречи в Москве сердечно А. Казанцев. 1.02.1983».

Казанцев Александр Петрович родился 2 сентября 1906 года. Окончил Томский технологический институт.

Пожалуй, это первый советский писатель-фантаст, с творчеством которого я познакомился будучи ещё школьником младших классов. Конечно, это был его известный роман «Пылающий остров».

Помню, я был потрясён прочитанным. Как же! Загадочный Тунгусский метеорит, таинственная таёжная чернокожая шаманка Таимба, возможно, прилетевшая с Марса, метеорит Аренида, пожирающий воздух Земли, злобные

империалисты, пытающие поработить человечество, самолёты с атомными двигателями, сухопутные броненосцы и многое-многое другое. Конечно, захватывало дух. И пусть потом, по мере взросления и приобретения знаний, я понимал, что многие вещи, описанные у Казанцева, попросту никогда не могут быть осуществлены, всё равно изумление от прочитанного в романе долго не покидало меня. А далее были и другие книги этого писателя: цикл «марсианско-арктических» рассказов, повесть «Внуки Марса», по которой был поставлен кинофильм, его знаменитый роман «Фаэты», в котором писатель досконально выписал свою гипотезу о заселении Земли пришельцами с гипотетической планеты Фаэтон. Казанцев был страстным поборником гипотезы о посещениях Земли в незапамятные времена жителями иных миров, и потому часто выступал с полемическими статьями на данную тему в научно-популярных изданиях. Любители фантастики это хорошо знают, потому я не буду здесь распространяться.

Зимой 1983 года, находясь в командировке в Москве, я стал обладателем домашнего телефона Казанцева. Как мне это удалось? Ну вот смог через тогдашнего редактора отдела фантастики журнала «Техника – молодёжи» под строгим секретом. К сожалению, уже нет в живых ни Михаила Пухова, ни Александра Казанцева, потому и раскрываю секрет.

В общем, набрался я храбрости (или наглости?) и позвонил большому писателю. Представился обычным читателем из Казахстана. На удивление писатель отреагировал весьма благосклонно: «Читателя из Казахстана? Земляка?! Конечно же, приму. Приходите!». И он назвал мне адрес и номер входного кода в подъезд. Казанцев родился в городе Акмолинске, нынешней Акмоле, и потому считал себя по праву рождения казахстанцем.

...Дверь открыл человек невысокого роста, плотного телосложения, с приветливым лицом и «академической» бородкой. Конечно, Казанцев был узнаваем. Мы поздоровались. Александр Петрович показал, где можно повесить верхнюю одежду, и мы прошли в его кабинет, где писатель усадил меня в гостевое кресло и сам уселся напротив.

– Знаете, Владимир, много времени уделить я вам не смогу. Я как раз заканчиваю книгу для сдачи в издательство, – и он кивнул на стопку листов, лежащую на столе. – Но с читателем, тем более из Казахстана, мне будет интересно поговорить.

Скосив глаза на стопку листов, я прочёл название рукописи – «Острее шпаги», и ответил Александру Петровичу, что я не только читатель, но у меня к нему есть и деловые вопросы как к члену Совета ВОИР (существовало тогда Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов).

Казанцев с улыбкой сказал:

– А, так у вас целый пакет вопросов. Это хорошо, это интересно.

Разговаривая с писателем, я, тем не менее, любопытными глазами обшаривал кабинет. Здесь, собственно, свободного пространства было мало. Книжки, книги, книги... Я по корешкам узнавал знакомые произведения как самого Казанцева, так и его товарищей по писательскому цеху. Низко над столом в ряд висели такие знакомые рисунки.

– Макаров? – кивнул я на рисунки. – Неужто подлинники?

И тут же устыдился собственного вопроса. А какие должны быть рисунки художника, иллюстрировавшего практически все изданные книги Казанцева? Конечно, это подлинные рисунки известного графика Юрия Макарова. Казанцев подтвердил:

– Да, наша дружба давняя. Макаров иллюстрировал практически все мои книги.

– И не только книги, – подхватил я, – ведь и публиковавшиеся в журнале «Искатель» ваши произведения тоже были иллюстрированы великолепными рисунками. Вообще Макаров – очень талантливый художник. Он своими рисунками существенно дополняет текст, делает книгу очень привлекательной.

– Я тут с вами непременно соглашусь, – с готовностью отозвался писатель.

– Помнится, в 7-м номере альманаха «Мир приключений» был напечатан роман «Внуки Марса» – тогда меня очень поразили иллюстрации Макарова. Я его с той поры запомнил. Они всегда узнаваемы, динамичны. Позже по этому роману был снят кинофильм «Планета бурь».

– Вы его видели? – быстро спросил Казанцев. – Ну и как он вам?

– Да как вам сказать... – замялся я. – Ничего так. Но в сравнении с книгой фильм явно проигрывает.

– Вот-вот-вот... – возбудился Казанцев. – То же я всегда говорю. Не может современное кино снимать фантастику. Поэтому я решил, пока жив – не связываться с экранизацией.

– Да, но тут ведь есть много проблем, – решил вступить я за киношников. – Одно дело – снимать фантастику, например, Александра Беляева, где дело происходит на Земле. Или, допустим, психологическую фантастику, скажем, «Молчание доктора Ивенса». Антураж здесь самый обыкновенный, земной. Даже открытый космос намного легче снять, что неоднократно демонстрировал нам тот же режиссёр Клушанцев. Но вот пейзаж иной планеты, где совершенно иная растительность, неземные формы жизни – тут очень-очень сложно... Трудно сделать так, чтобы декорации и макеты не выглядели картонными...

– А как вы относитесь к экранизации романа Стругацких «Пикник на обочине»? К тому самому фильму «Сталкер»?

– Он мне не понравился, – ответил я. – С книгой мало связан. И по роману главный герой, Рэдрик Шухарт – энергичный, рискованный парень, которому пальца в рот не клади. А в кино – это какой-то закомплексованный тип, размазня. Нет, фильм мне не понравился. А если смотреть его человеку, не читавшему роман, то вообще мало что понятно. Такое впечатление, что фильм снят второпях, всё как-то скомкано.

– А вы не знаете истории, которая случилась на съёмках этого фильма? – спросил меня Казанцев.

– Конечно, нет. Откуда? Мы же периферия, глубинка, – улыбнулся я.

– Как мне рассказывали, там случился такой казус... – начал говорить писатель. – Фильм был отснят, но почему-то то ли плёнка пошла браком, то ли ещё что. В общем, понадобились пересъёмки. Каким-то образом деньги вновь

выделили. Ну, Тарковский же... Величина. И фильм пересняли. Но несколько по-другому. Потому так всё и выглядит. Это вот как мне рассказывали...

– Может, так и было, – согласился я. – По моему мнению, не очень удачный фильм. Сырой какой-то. Вообще удачные экранизации фантастических произведений можно по пальцам пересчитать. (Читатель должен помнить, что встреча происходила в 1983 году, когда киношные комп-технологии только начинали развиваться.)

– Вот потому-то я и не связываюсь с экранизацией. Хлопот много, а итог мало результативен. Плох, если откровенно, – и Казанцев прихлопнул ладонью по столу.

– Александр Петрович, – я попытался отойти от вопросов экранизации, к которой так не расположен был писатель, к «деловой» стороне моего визита. – А как вы относитесь к Теории решения изобретательских задач, разработанной Генрихом Альтшуллером? Я в прошлом году встречался с ним и детально познакомился с его Теорией.

– Да какая там «теория»? – скептически отмахнулся Александр Казанцев. – Нельзя подменить интуицию, озарение простым перебором вариантов. Это как в музыке. Вы можете знать ноты, уметь их вписывать в нотные строки. Но если вам не дала Природа способности писать музыку, то вы её и не напишете. Даже при отличном знании нотной грамоты.

– Александр Петрович, но ведь, согласитесь, вот так, с бухты-барахты, ничего не придумаешь толкового, не свалится на голову озарение, как Ньютону – яблоко. Надо для начала «повариться» в теме. Тому же Менделееву не просто так приснилась Периодическая таблица. Учёный долго размышлял над ней, подходил к проблеме с разных сторон...

– Согласен с вами, это так...

– Тогда почему не рассматривать предложенные Альтшуллером методы в виде предварительной как бы «разведки» проблемы, прощупывания её и всестороннего изучения. А там, глядишь, и озарение придёт...

– Это может быть, но Теория Альтшуллера отнюдь не гарантирует выход на изобретение. Так можно долго ходить по кругу, перебирая варианты, бесконечно анализируя то, что когда-то было изобретено. А позвольте спросить, Владимир, почему вас так интересует эта проблема? Расскажите немного о себе. А то мы в неравных условиях. Вы обо мне знаете многое, а я о вас – ничего... – улыбнулся писатель, усаживаясь в кресле поудобнее.

Я коротко рассказал, кто я и где работаю, и почему проявляю интерес к проблеме изобретательства.

– А, теперь понятно... – протянул писатель. – То есть вы вовсе не чужды этому роду деятельности, и у вас самого есть авторские свидетельства. А то-то я чувствую, что вы владеете темой... – он шутливо погрозил мне пальцем. – Ну, тогда я немножко выскажу своё мнение...

И Казанцев пустился в рассуждения о недостатках «так называемой ТРИЗ». Я слушал писателя, где соглашаясь с ним, а где нет, и с грустью думал: вот ведь какая нелепость. Два человека, безусловно, выдающихся, неординарных, очень значимых, а вот надо же, не берут их миры, и ничего тут не

поделать. Возможно, здесь ещё примешивается писательская ревность. Хотя тут они как бы в разных весовых категориях. Если фантастические рассказы Альтшуллера (Г. Альтова) – это почти сплошь завуалированные изобретения (подсказка для будущего человечества), то романы Казанцева – это гипотезы о путях развития человеческого общества, гипотезы масштабные, это скорее духовная фантастика. А не столь техническая, как в произведениях Г. Альтова. И хотя творчество этих двух интересных и значимых для меня писателей проходит в разных плоскостях, но, тем не менее, просматривается антагонизм и неприятие друг друга. Печально всё это. Но так устроен наш мир...

Под напором доказательств и авторитета Казанцева я уже начал было с ним соглашаться, и тут понял, что пора менять скользкую, зыбкую тему беседы, где вполне можно «напороться на рифы».

Тема для следующего этапа беседы находилась тут же, на расстоянии вытянутой руки.

– Догу? Те самые? Дозволите взглянуть, Александр Петрович? – уловив подходящий момент, указал я на стоявшие на письменном столе загадочные статуэтки, о происхождении которых было сломано столько полемических копий.

– Да-да, конечно... – улыбнулся писатель и, взяв в обе руки статуэтку, протянул её мне.

Я глядел на странную скульптуру с нелепо раздутыми руками и ногами, пялившуюся на меня своими бельмастыми глазами-линзами со щелевидными горизонтальными зрачками и мысленно спрашивал: Кто ты? Кто тебя создал? Зачем? И что имелось в виду? Будет ли когда-нибудь раскрыта твоя тайна?

Но загадочное существо безмолвствовало...

– Вот, смотрите внимательно, – Казанцев придвинулся ко мне, показывая на овалы на плечах статуэтки, украшенные по периметру точками. Как, по вашему мнению конструктора, что это напоминает?

– Первое, что приходит в голову, – это лючки на болтовом соединении, – ответил я.

– Вот! Вот именно. Ну, может, и не на болтовом. Но очень похоже на какие-то люки. Теперь смотрим далее... – Казанцев раскраснелся, загорелся задором. Чувствовалось, что писатель оседлал своего любимого конька. Увлечение – вот как это называется, по-иному – хобби.

Но и я был в этой теме словно рыба в воде. Уж материала на тему археоконтакта мною перечитано-перелопачено – горы. Те же статьи Казанцева я читал все и знал их назубок. Впрочем, как и других сторонников и противников археоконтактов землян с пришельцами из иных космических миров или даже из параллельных. У Александра Петровича на эту тему выходила вторым изданием полемическая книга «Ступени грядущего», в которой он отстаивал идею о множественности обитаемых миров и о контактах в далёком прошлом жителей Земли с инопланетянами. Вот тут у нас пошёл вообще неуправляемый разговор, который мог длиться долго, да только изложить содержание этого разговора в деталях достаточно сложно. Тут мы были едины, тут мы были твёрдо уверены в своём общем мнении, и нас нельзя было сдвинуть с фунда-

мента наших убеждений даже бульдозером. Вот что значит – общее мнение!

Однако, как бы ни был содержателен и интересен для меня наш разговор, я помнил о лимите времени. Пора было заканчивать встречу. Но, если честно, этого не хотелось. Очень интересным собеседником оказался Александр Казанцев. Но что делать?

– Александр Петрович, не откажите мне в любезности получить ваш автограф?

– С удовольствием, Владимир! С большим удовольствием, – и писатель размашисто черкнул на книге свой тёплый и сердечный автограф. – Может, чаю?

– Спасибо, Александр Петрович, не хочу отнимать у вас время.

– Да бог с ним, со временем. Его всегда не хватает. Тут ничего не поделаешь. Так устроена наша жизнь: всё время куда-то спешим, всё время куда-то не успеваем... Но ведь хорошо сидим, беседуем...

– Это так... А вот, я смотрю, у вас и рисунки Виталия Лукьянца здесь...

– Да, – подхватил Казанцев, – я с ним тоже дружу. Замечательный художник!

– Согласен с вами. Графика у него чудо как хороша. Это я по иллюстрациям в «Искателе» заметил. Да и одно из изданий книги «Пылающий остров» он тоже иллюстрировал.

– Э-э, Владимир... – протянул писатель, хитровато прищурившись. – Не только, не только графика... Идёмте, я вам кое-что покажу.

Мы поднялись с кресел и прошли в зал, где Александр Петрович, указав рукой на картину, висевшую на стене, произнёс:

– Вот взгляните, пожалуйста...

На стене висело большое красочное полотно, на котором была изображена спящая обнажённая женщина. Она безмятежно покоилась в бездонном космическом пространстве, в котором мерцали редкие звёзды. А пряди её волос, разметавшись в космосе, образовывали спиральные рукава Галактики. Картина притягивала к себе взор. Я отступил на шаг, окидывая взглядом открывшееся зрелище:

– Ну знаете... Потрясающе! – только и смог я вымолвить.

– Это работа Виталия Лукьянца. Картина называется «Спящая Галактика». Он подарил мне её вставленной в чистую деревянную раму с условием, что все, кому нравится эта картина, оставят на раме свои автографы. Вам как она, нравится?

– Ну... – я не находил слов. – Ещё бы! Конечно, нравится! Очень эмоциональная картина!

– Тогда, Владимир, прошу вас – расписывайтесь... – И он протянул мне шариковую ручку. – Влезайте на диван, смелее...

Я осторожно вскарабкался на диван.

«Не обрушиться бы тут вместе с картиной и диваном, – с опаской подумал я, – вес-то у меня приличный». Но всё обошлось, и я благополучно оставил на правой стороне плоской деревянной рамы свою подпись. И мельком окинул то, до чего дотянулся мой взгляд. Боже ж мой! Кого здесь только не было! И

космонавты, и писатели... Рама была сплошь покрыта автографами именитых и просто незнакомых мне людей. Да тут, пожалуй, сама рама – уже раритет. Эвон сколько знаменитых людей оставили свои автографы! И меня занесло в эту компанию. Вот она, реальная фантастика!

Уходить не хотелось. Но, понимая, что мой визит уже и так неоправданно затянулся, попросил разрешения откланяться. Мы снова прошли в кабинет, я взял свой чемоданчик-дипломат с бесценным сокровищем – книгой с автографом большого писателя-фантаста Александра Петровича Казанцева, окинул взглядом уютный кабинет, ещё раз на прощанье прикоснулся ладонью к большой статуэтке-догу (были, были археоконтакты!), и мы вышли в прихожую. Я поблагодарил Александра Петровича за тёплый и радушный приём, пожелал ему крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов. В ответ Казанцев протянул мне руку (рукопожатие оказалось неожиданно крепким для его телосложения и возраста), промолвив при этом:

– Спасибо вам, Владимир, за ваш визит. Немного развеялся, порадовали старика. Передавайте привет казахстанским книголюбам. Ждите новых книг, они будут. Это я вам обещаю.

И на том мы расстались... Чтобы встретиться вновь уже на страницах его новых интересных книг – Александр Петрович сдержал своё обещание.

Выставка «Один цвет» в областном Доме искусств

Эта выставка объединила работы двух художниц: Арины Евстигнеевой (г. Томск) и Анастасии Афанасьевой (г. Новокузнецк).

Анастасии 22 года, она училась в Томском университете на художника-графика. Разнообразие используемых Анастасией техник поражает – здесь можно увидеть и абстрактную графику, и гравюры на дереве и фанере, и линогравюры.

Особенно притягательны зарисовки карандашом – эти картины наполнены духом старинных улочек Томска. Узнаваемые окна с резными наличниками, завалившиеся набок дома – словно мы смотрим вживую на одну из улиц, например, района Болото, где деревянное зодчество представлено в изобилии.

Фантазия художника выходит за границы обыденного – так родилась серия работ абстрактной графики «Буйство цвета».

Арине 22 года, она учится изобразительному искусству в Томском университете (по специальности «Графика»). Увлекается акварелью, создаёт книжные иллюстрации. Занимается вёрсткой и видит себя дизайнером книги. На выставку предоставила работы в технике «печатная графика» – линогравюра, литография, офорт. Арина предпочитает пейзажи, её вдохновляет природа, окружающий мир.

Со второго курса университета она работает с гравюрами, находя в них свой особый способ выражения. К слову, как признаётся сама художница, был период, когда она не понимала, зачем сегодня заниматься техниками, которые берут своё начало в XV веке. Но за годы учёбы разглядела в этом виде графического искусства чрезвычайно широкие возможности – художественный язык гравюры богат и разнообразен.

Техника создания гравюр довольно сложная: на пластине из металла, дерева, линолеума, картона и других плотных материалов прорезывается рисунок. Получившуюся основу покрывают краской, а затем отпечатывают на листе бумаги. В результате получается картина, процесс создания которой не требует применения кистей либо полотен.

*Мадина ГОГОЛИНСКАЯ,
и. о. директора ОГАУК «Дом искусств»*

Владимир Безходарнов

О ВОЙНЕ (и не только)

Очередная годовщина Победы. Градус патриотизма в СМИ, как всегда, нарастает к 9 Мая. Это теперь главный праздник в России, не считая Нового года. Оно и правильно. Остальные-то гораздо мельче. Рождество и Пасха не в счёт, это из других ипостасей человеческих, не всем дарованных.

Мне кажется, что для многих россиян в последнее время главным мероприятием в праздновании Дня Победы становится не военный парад и не концерты, а всенародная акция «Бессмертный полк». И это тоже правильно. Уходят ветераны из жизни земной, и их места в колоннах памяти занимают их потомки с портретами ушедших. Но множество портретов в этих колоннах представляют не ветеранов, а погибших в ту войну молодых солдат, возраст которых тогдашний часто не превышает возраста несущих их портреты потомков. В эти многотысячные добровольные колонны никто людей не загоняет, как бывало, на демонстрации в честь Первой и на 7-е ноября в советские времена. Многотысячные «Бессмертные полки» в больших городах – это наглядное проявление исторической памяти и убедительное свидетельство того всенародного бедствия нашей страны, перед которым должны бы меркнуть и уничтожиться все политические победы.

Да, уходят ветераны. Но странное дело: чем дальше мы отдаляемся во времени от той войны и чем меньше остаётся её свидетелей, тем больше негромкой правды мы о ней узнаём. И тем менее героической, а всё более реальной и трагической предстаёт эта великая людская бойня, и всплывают на свет Божий не только сокрытые ранее геройства и герои, но и виновники преступно грандиозных потерь. На них-то мы и по сей день не любим акцентироваться. Но и глухое замалчивание истинных событий, их фигурантов и причин, то есть искажение действительности, исторической правды – дело недостойное великой страны и её народа.

Нам ли тешиться самообманами, до сих пор ещё процветающими во всех проявлениях общественной жизни. Правда, в этом есть малая доля вины и самих ветеранов, но очень малая. Ведь тогда, в эпоху советского тоталитаризма, разве мог любой отдельный человек, даже на постах высшего военного и государственного руководства, противостоять тому мощному потоку псевдопатриотической кривды? Лишь Виктор Петрович Астафьев да ещё несколько писателей – свидетелей той войны – осмеливались, благодаря их литературному авторитету и весу, писать и говорить публично правду, да вряд ли и полную правду, а лишь в меру возможного в тех обстоятельствах.

Вот я и решил рассказать кое-что о войне из слышанного от моих старших родственников, их друзей и других свидетелей тех событий. Но хочу предва-

рить эти рассказы кое-какими личными воспоминаниями из раннего детства, когда я впервые наблюдал отголоски той войны в их живых убедительных проявлениях.

Как известно, «праздник победы Красной Армии и советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» был установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 года с отмечанием его 9 мая каждого года. Но лишь с 1965-го он стал нерабочим праздничным днём и начал широко отмечаться военными парадами с демонстрацией нехилого нашего вооружения. До этого, видно, стыдилось руководство нашей страны широко праздновать необычную эту победу – с грандиозными потерями (прежде всего людскими) и «со слезами на глазах» почти у всех оставшихся в живых победителей. Не зря ведь и песня с этими словами появилась. Но я эту слезность праздника заметил задолго до этой песни, хотя нашу многодетную семью это горе – военных потерь ближайших родственников – как-то обошло. Отец наш не воевал по малолетству. Его отец, наш дед Коля, на ответственных постах оборонных заводов Новосибирска тогда ковал победу. Воевавшие двоюродные братья отцовы, хотя и простреленные в некоторых местах, но выжили. Другой дед погиб ни за что ещё в зловещем 37-м от сталинского геноцида; его два брата уцелели на войне, но вот третий брат, материн дядя Вася – погиб, ещё не доехав до линии фронта. Лишь весточки с железнодорожных станций от него остались: «...приближаемся к фронту, нас опять бомбят, осталось 5 вагонов...», потом «...осталось два вагона...» – и всё.

С детства помню, как в нашем «Клубе геолога» на окраине Бийска отмечались все положенные и дозволенные тогда праздники: Первомай, 7-е ноября, Новый год, а с 1966 года учредился и стал бурно отмечаться День геолога. Мы, дети экспедиционных работников, частенько со стороны наблюдали эти празднества, как подпитываемые геологи выходили проветриться, иногда с интересными для нас разговорами и репликами. Но День Победы отмечался всегда, и до 1965 года, вечером 9-го мая. Ведь тогда среди геологов и других работников нашей Северо-Алтайской геологоразведочной экспедиции было немало участников войны. Помню, после торжественного заседания и первых возлияний вышел на большое крыльцо клуба дядя Саша Ковалёв с папироской. Мы, несколько пацанов, робко так подкатили к нему, интересуясь медалями и орденом Красной Звезды на его парадном синем пиджаке. Он обводит нас умиленным каким-то взглядом блестящих от влаги глаз и, уткнув палец на звезду с отбитой эмалью на одном луче, прерывающимся голосом поясняет тихонько: «Вот, ребятки... её-то с лета 43-го года на правой стороне носить полагается. А сперва носили на левой... Я тогда не успел перевесить... Она-то меня и спасла... звёздочка эта... А то б прямо в сердце... осколком...». Тут влага из глаз прорвалась у него обильной слезой. Мы с детским сочувственным восторгом слушали молча, а он, подавив эту расслабленность и смахнув слёзы платком, громко вздохнул, добавил тихо: «А сколько ребят моих полегло... И ордена не спасли... Осколков да пуль по нам больше было, чем медалей... Вот она – эта война... Не дай Бог вам такое».

СУДЬБА СОЛДАТА

Петров Юрий Константинович – дядя Юра – это двоюродный брат моего отца. Оба они коренные томичи, внуки томского купца Петра Васильевича Безходарнова. Оба после геологических своих трудов на Алтае и в Кузбассе обосновались в городе Новокузнецке, где ещё с довоенных времён учредилось Западно-Сибирское геологическое управление.

Отцу моему воевать не пришлось. В 14 лет он от военной голодухи ушёл работать к геологам. В 16 лет уже руководил небольшим поисковым отрядом, а в 17 лет получил свою первую медаль – за труд в войне. Дядя Юра был старше на 2 года. Сбежав из дома и добавив себе ещё годок, он с помощью какого-то попутного майора в 1942 году определился в «5-й отдельный учебный стрелковый полк» в городе Нытва (ныне Пермской области). Писем с войны не писал. И вот в феврале 1945 года его матери Вере Петровне в Томск пришло сообщение (полевая почта 66431, № 106) за подписью командира части гвардии подполковника Клещёва:

«Извещаю Вас, что Ваш сын Старший сержант Петров Юрий Константинович за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом ДОБЛЕСТЬ И МУЖЕСТВО НАГРАЖДЕН орденом “Слава 3^й степени” и медалью “За отвагу”. Поздравляю Вас с наградой Вашего сына и желаю Вам успехов в Вашей работе».

Мать солдата очень обрадовалась такому известию и написала ответ:

«Уважаемый товарищ Клещёв!

Разрешите через Вас передать неопишемую благодарность командованию и бойцам Вашей части от имени всей нашей семьи в связи с награждением орденом «Славы 3 степени» и медалью «За отвагу» моего сына Петрова Ю. К.

Нет слов выразить восхищение тому героизму и натиску, с которым приходится нашей родной Красной Армии гнать все дальше и дальше на Запад немецко-фашистских захватчиков.

Гордмся, что в этой великой освободительной битве мой сын занимает почетное место и является примерным бойцом. Награды моего сына вливают мне еще больше сил для поднятия производительности труда, чтобы скорей завершить победу над заклятым врагом.

Ждем дня, когда наши сыны водрузят флаг над Берлином и тем самым будет разбито гнездо фашизма».

Но родные не знали подробностей геройства солдата. Дядя Юра не любил рассказывать о войне. Да и общение с семьёй из-за геологических «скитаний» было не постоянным, когда же трое детей разлетелись по своим гнёздам, оно стало ещё скуднее. А дети ведь часто слишком поздно осознают, что родители их не вечны.

Уже после смерти дяди Юры его другой племянник – Андрей Бахтин – благодаря сайту «Подвиг народа» в Интернете нашёл приказ о награждении его медалью «За отвагу»:

«3 Укр. Фронт. ПРИКАЗ. 1310-му стрелковому полку 19-й стрелковой Воронежско-Шумлинской ордена Трудового Красного Знамени дивизии.

1945 года, январь 16 дня. Действующая Армия. Н-01/М. От имени Президиума Верховного Совета СОЮЗА С.С.Р. НАГРАЖДАЮ: Медалью “ЗА ОТВАГУ”
... (идёт перечень награждённых – В.Б.) ...

17. Наводчика батареи 120 м/м миномётов – сержанта Петрова Юрия Константиновича, за то, что он в бою 07.01.1945 г. в районе с. Жамбек (Венгрия – В. Б.) интенсивным огнем своего миномета отразил три атаки противника, при этом уничтожил до 25-ти немецких солдат и офицеров. В этом бою будучи дважды ранен, не ушел с поля боя до разрешения командира. Уходя с поля боя, вынес с собой тяжело раненного бойца.

1925 года рождения, русский... наград не имеет... трижды ранен».

Приказ подписан уже знакомым нам подполковником Клещёвым.

Но где же период с 1942 по начало 1945 года?

Бытующая у многих родственников легенда судьбы солдата такова.

Рос он практически без отца, который погиб при изысканиях на реке Ангаре ещё в 1930 году. Бывало, мать его, призвав на помощь свою сестру Н. П. Мягкову (обе они – сёстры моего деда, то есть дочери купца Безходарнова П. В.) и, вооружившись поленьями, вдвоём шли разыскивать его и загонять на ночь домой. Авторитет его в кругу такой же полубеспорядочной «публики» был довольно велик. С началом войны он совсем от рук отбился, уже грозила ему и милицейская опека, и он сбежал из Томска в сторону фронта. По окончании курсов он в чине младшего лейтенанта направляется на фронт и служит отлично. Имеет ранение и представлен к наградам. Но судьба повернулась так, что в одном из боёв он случайно убивает замполита. По законам военного времени на этом должна была оборваться жизнь сибирского паренька, но военный трибунал определил это как несчастный случай, его разжаловали в рядовой состав и лишили наград.

Мне всегда хотелось уточнить эту версию, так сказать, из первых уст. Однажды представился случай посетить дядю Юру в посёлке, где он раньше работал в каротажной геофизической партии, вблизи Междуреченска, и где они с женой, тётёй Гутей, жили обычно летом. Он тогда уже был частично парализован, но вот что мне удалось всё же у него выпросить.

Попав после обучения в действующую армию, он воевал отважно, пользовался авторитетом у бойцов. Однажды во время яростной атаки немцев он вынужден был взять командование ротой (или её остатками) на себя, застрелив при этом штатного командира, который, возможно, обезумев от страха, пытался бежать с поля боя. В «награду» за это дядя Юра был разжалован и получил дисбат, так как начальником штаба полка (или батальона) оказался брат убитого «командира». Но в самый момент отправки его из части эту несправедливость пресёк вернувшийся из какой-то отлучки командир полка, который уже знал дядю Юру как перспективного командира.хлопотать о возвращении наград и звания дядя Юра не стал, военная карьера ему разонравилась. Так и воевал он дальше в солдатских чинах, но при этом выполняя иногда весьма ответственные задания полковой и фронтовой разведки. Однажды при наступлении наших войск в Карпатах он высадился с парашютной группой на горе, где оказались остатки румынской дивизии с генералом во главе. Румыны взяли наших развед-

чиков в плен, но дядя Юра убедил генерала, что им бы, румынам, лучше самим сдаться, так как конец их уже предreshён. Что они и сделали.

Потом он был заброшен в глубокий тыл противника в Болгарии в качестве командира разведгруппы из трёх человек. Их задачей было информировать командование о перемещениях вражеских войск. Спрятав десантную амуницию и радию и съмитировав бежавших из поезда русских военнопленных (что случилось там нередко), они устроились поработать на карьер к одному болгарскому хозяину по фамилии Пётров, вынужденно работавшему на немцев, которые тогда уже сквозь пальцы смотрели на наём рабочей силы в болгарских производствах. Первой задачей разведчиков было найти или соорудить высокую антенну для передатчика, и в качестве таковой они облюбовали трубу котельной карьероуправления, располагавшегося на возвышенности. Отличный вариант, но ведь его надо было реализовать как-то. Сам карьер и жильё для рабочих были под горою, где-то в полукилometре от трубы. Около месяца наши разведчики ночами по очереди рыли и маскировали траншею для провода, чтобы зацепить его на трубу и снизу радировать примерно раз в месяц. Сделали, и началась их шпионская деятельность в тылу врага. Однажды дядя Юра чуть не «засыпался». В его обязанности входило и посещение питейных заведений, где легче добывать информацию из разговоров подвыпивших болгар, многие из которых были у немцев на службе, в том числе на военной. В одном из ресторанчиков он вызвал подозрение у болгарского офицера, который попытался разобраться с «сомнительным типом», но другой, более трезвый офицер начал успокаивать первого, а дядя Юра тем временем незаметно удалился.

Так прошпионили они более полугодом, и стали замечать появление машины с радиопеленгатором всё ближе и ближе к горе с трубой после каждого сеанса связи. Само карьероуправление было под бдительным контролем немцев, которым трудно было заподозрить, что труба у конторы может служить антенной русским шпионам. «Ещё сеанса два связи, – утверждал дядя Юра, – и нас бы точно вычислили немцы». Но вскоре наши войска заняли те края, и дядя Юра заявился уже в своей военной форме к бывшему хозяину-однофамильцу, поблагодарил его за «тёплый приём и сотрудничество» и пообещал замолвить за него слово перед нашим командованием.

Находясь почти постоянно в таких делах и опасных переделках, писем дядя Юра не писал, и родные уже не знали, что и думать о нём. Я спросил его, как же он мог почти всю войну держать в неведении родню и, главное, мать свою. На что он ответил просто: «Писать не люблю. Да и как из Болгарии было писать? И вообще... О «весёлой» жизни писать – всё равно б не поверили, а правду писать – только расстраивать (да и цензура ведь)... Пошлешь письмо сегодня, а завтра убьют... А так, без вестей, с надеждой жить легче. А коль уж придёт похоронка, так недели через две как убьют, и задним числом-то пережить легче». Такие вот отговорки у него были. Правда, в самом конце войны он всё же прислал одну посылку, уже из Германии, чем и известил родню о своём здравии.

Вернувшись с войны в Томск, дядя Юра не мог найти работу, и И. М. Мягков (муж его тётушки, тогда причастный к геологической службе в крае) посовето-

вал ему поступить на курсы геофизиков. Как раз в геологию внедрялись геофизические методы исследования скважин (карота́ж), но доступ к ним был ограничен ввиду секретности, а дядя Юра в этом отношении имел преимущество как бывший фронтальной разведчик, он без особых проверок был допущен на курсы, и получил гражданскую специальность – разведчика недр.

Работая в сложных условиях Кузбасса и Алтая, дядя Юра вскоре стал одним из лучших каротажников Западно-Сибирского геологического управления (ЗСГУ), если не лучшим в Сибири. Основанием тому могут быть следующие свидетельства.

1. Через два примерно года после окончания института я встретился со своим однокашником, который тоже работал тогда каротажником в ЗСГУ. И он мне рассказал, как на конференции геофизических экспедиций встречался с моим родственником Ю. К. Петровым, который считался большим асом в каротаже.

2. Мой отец рассказывал, как в 60-е годы в бытность его главным инженером Северо-Алтайской геологоразведочной экспедиции (в г. Бийске) во время разведки железорудного месторождения на границе Алтая с Казахстаном им сильно досаждали горно-алтайские каротажники, которые своими глубинными приборами почти все скважины приводили в аварийное состояние. Устав с ними бороться, отец организовал экспертную комиссию с приглашением из Москвы ведущих специалистов Министерства геологии. После работы комиссии её председатель (московский профессор) сделал вывод о действительно очень сложных горно-геологических условиях, дал некоторые рекомендации, а в конце посоветовал привлечь опытного оператора, от искусства которого зависит дело в подобных условиях. Он даже подсказал, что знает такого аса в ЗСГУ, это – Юрий Константинович Петров. А когда удивлённый отец сказал, что это же его брат двоюродный, то уже гость московский подивился такой неосведомлённости о выдающихся родственниках. Отец добился, чтобы его брата прикомандировали к ним месяца на полтора. И дядя Юра откаротировал все скважины, не допустив **ни одной** аварии.

Возникает вопрос. Откуда у него это мастерство? Ведь такую работу можно сравнить с работой искусного хирурга, где, кроме личного мастерства, требуются ещё и предусмотрительность, тщательная подготовка операции, сосредоточенность, аккуратность и чёткость действий всей команды (бригады). И кажется мне, что все эти качества у дяди Юры развились от фронтальной разведки, где цена ошибки была гораздо выше, чем бывает в геологической и даже врачебной практике.

В Томске с 2012 года учредилась прекрасная инициатива под названием «Бессмертный полк», когда в День Победы портреты участников той войны в единой колонне пронесут их потомки. Эта инициатива распространилась сначала по всей России, а теперь уже в 500 городах мира, включая и США. Думаю, нынче 9-го мая в этом строю победителей будет представлен и дядя Юра, портрет которого понесут его внуки в Кузбассе и в Москве.

2016 г.

ДРУГОЙ ДЯДЯ ЮРА

Был у нас и другой дядя Юра – Липовицкий. О нём мне известно гораздо меньше подробностей его жизни. Он тоже коренной томич, постарше отца нашего года на три, то есть примерно ровесник дяди Юры Петрова. Детство его было благополучнее, чем у его братьев двоюродных (сродных, как тогда говорили). Он был единственным ребёнком в семье Александры Евграфовны (тёти Шуры) и Вячеслава Ивановича Липовицких. Его даже пробовали обучать игре на скрипке, пока не выяснилось, что вместо музыкальных занятий он бегал на рыбалку. Поснимав с благородного инструмента все четыре струны и связав их в единую леску, он старался на эту усиленную уду изловить рыбку покрупней обычно добываемых пацанами пескарей, чебаков да ершей и прочей речной мелочи.

Не знаю, как насчёт рыбацкого везения, но фронтовая судьба его везеньем не обделила. Ведь служил он полевым связистом, а обеспечение тогдашней проводной телефонной связи в боевых условиях было делом ответственным и опасным. Не менее опасным тогда было и необеспечение связи, то есть невыполнение приказа.

Как и его родственник Юрка Петров, этот дядя Юра тоже не сразу попал на передовую, а сперва был отправлен в «учебку», где готовили полевых связистов. Между прочим, обеспечение телефонной связи оказалось для него делом в какой-то мере наследственным. Ведь дед его, а мой прадед Пётр Васильевич, купец второй гильдии, был пионером телефонизации Томска. Ещё в 1888 году он устроил 5-верстовую телефонную линию от своего магазина в центре города до своего дома и нефтяных складов за городом.

Перед отправкой дяди Юры на фронт тётя Шура успела даже съездить к нему в учебную часть. Видимо, там же был и другой томич, сын университетского профессора-геолога Булытникова А. Я., и тётя Шура рассказывала, как они с профессором штурмовали поезд при пересадке на какой-то станции. Она вспоминала, как Александр Яковлевич пытался урезонить оттеснявшую его толпу: «Товарищи, товарищи, ведь я профессор, ну что же вы давите, пустите меня, я же профессор...». Но в таких обстоятельствах тогда и не по таким головам ходили.

В связи с этим вспоминается один анекдот советских времён.

Война. Глубокий германский тыл. Возвращаясь из госпиталя на восточный фронт, немецкий офицер приходит на станцию и спрашивает служителя, когда прибудет его поезд. Взглянув на часы, служитель рапортует: «Через три часа, двадцать минут, семь секунд». Офицер благодарит и удивляется: «К чему такая точность?» – на что служитель отвечает: «Так ведь война».

В то же время в глубоком тылу Красной Армии, на станции сибирского городка, тоже возвращаясь из госпиталя на фронт, боевой офицер, уже устав ждать, идёт к начальнику станции с вопросом, когда же будет его состав. И получает не весьма точный ответ: «Да кто ж его знает? Может, через день, может, через два». Вояка возмущается: «Да что у вас тут за бардак в тылу творится?». На что получает не менее резонный ответ: «Так ведь война же!».

Всё же удалось тогда томским родителям проводить своих сыновей на фронт

из военного учебного заведения, то есть не совсем зелёными юнцами, а хотя ещё необстрелянными, но уже как-то подготовленными к боевой солдатской службе. Возможно, эта начальная военная подготовка и явилась основной причиной того, что дядя Юра не погиб в той войне.

В отличие от братца и тёзки своего Петрова, он частенько писал домой. Однажды, в ожидании крупного наступления, он сообщил, что мог бы отлучиться с фронта в Томск с особым поручением – для добывания к их связной аппаратуре каких-то специальных лампочек. Их раньше выпускал ленинградский ламповый завод, который осенью 1941-го эвакуировали в Томск. Но главным условием такой командировки была поставлена не менее сложная задача: одарить своего командира за такую отлучку с фронта хорошими часами. Отец дяди Юры и друг моего деда Вячеслав Иванович Липовицкий, происходя, видимо, из сибирских поляков духовного сословия, обладал недюжинными снабженческо-дипломатическими способностями (сверхеврейскими, как он говорил). Добыть хорошие часы ему таки удалось, командировка сына в Томск состоялась, и подсвеченная уже томскими лампочками аппаратура связи, всегда чётко включаясь по командирским часам, немало способствовала успехам наступательных операций наших войск.

А наступлений тогда ещё оставалось до конца войны немало, и тётя Шура, бывшая до того номинальной атеисткой, частенько про себя молилась за сына. Однажды, вытаскивая из подполья ведро картошки, она вдруг сердцем, как говорила мне сама, почувствовала опасность за своего солдата. И, высунув лишь голову над полом, она закрыла глаза и стала молить Бога сохранить ей сына. И Бог сохранил. Даже ранений, по крайней мере тяжёлых, у него, кажется, не было.

Вернувшись с войны, дядя Юра для мирной жизни избрал и самую мирную, жизнеутверждающую профессию, поступив, как сказал бы известный юморист, в «кулинарный техникум». Может, война ему так опостылела с её кухней, а может, и генетическая тяга к кулинарии разыгралась. Ведь в большинстве купеческих семейств любили вкусно и сытно поесть и знали в этом толк, соревновались, бывало, семьями в поварском искусстве. Вот и дед его Пётр Василич любил иногда, по большим праздникам, сам приготовить какие-то рыбные блюда по своему особому рецепту. Но дядя Юра, освоив технологии производства стандартного борща, стряпни котлет и приготовления прочих блюд из нехитрого рациона строителей коммунизма, в общепите советском не задержался. Иная закваска, электротехническая, в нём возобладала, и проработал он до ухода на пенсию на одном из оборонных заводов.

2017 г.

СЕКРЕТНО

Эту историю о неизвестном мне человеке рассказал отец, будучи слегка «выпимши». Но даже выпимши не слегка, он никогда не назвал бы имя человека, который поведал ему эту историю, уж не знаю, по какому случаю и при каких обстоятельствах. Теперь и я уже смутно помню, при каких обстоятельствах это

мне было рассказано в позднем моём детстве, а скорее, в юности. Но саму суть слышанного, в силу её необычности на фоне тогдашнего тотального славословия, я запомнил хорошо, а ещё понял, что человек этот был то ли бывшим, то ли тогда ещё действовавшим кГБИстом и что был он не из нашего города Бийска. Ведь отец, хотя и не был никогда ни коммунистом, ни даже комсомольцем, но по должности главного инженера геологоразведочной экспедиции имел доступ к материалам 1-й формы секретности, и поэтому имел общение с людьми из госбезопасности, с которыми мог даже иметь приятельские отношения. Иначе вряд ли бы кадровый службист, даже и в пьяном виде, поведал бы ему своё сокровенное. Хотя ничего секретного в отношении госбезопасности оно и не представляло, но было тайной, застарелой болью этого человека.

Так вот что рассказал об одном эпизоде своей военной молодости этот страж государственного порядка, видимо, в приступе откровенности от гнетущей его душевной боли, оставленной ему этой войной помимо ран и висячих наград.

Было это ранней осенью 41-го года на занятой уже немцами территории. Этот человек, тогда бывший ещё простым солдатом или младшим офицером, уходя от возможного окружения при беспорядочном отступлении наших войск, был ранен. Оставшись почему-то один, он то ползком, то на одной ноге стал потихоньку двигаться на лай собак и оказался у края деревни, где недавно обустроился немецкий военно-полевой госпиталь. Это он понял по видневшимся вдалеке автофургонам с крестами и по снующим там санитарам. Еле дождавшись темноты в кустах при вершине оврага, он добрался до слабо освещённого окошка крайней избы и, убедившись, что кроме хозяйки с двумя детьми никого там нет, тихо постучал. Женщина через стекло разглядела его грязное страдальческое лицо, быстро оценила ситуацию и тихонько вышла на крыльцо. Из-под одежды достав краюху хлеба и бутылочку с молоком, она быстро сунула ему их и шёпотом стала уговаривать его двигаться дальше, на восток. Она очень боялась за себя и за детей. Ведь в деревне уже знали новый немецкий Ordnung, то есть порядок, и жестокую расправу над укрывателями красноармейцев и пособниками партизан. Но он показал ей свою простреленную ногу и другие раны, уговаривал укрыть его хоть ненадолго, чтобы собраться с силами. Она отнекивалась, говорила, что если его найдут, то её саму расстреляют или повесят, и детям не поздоровится. Всё же уговорилась она укрыть его – то ли в сарае, то ли в заброшенном овине.

Дня через два, ещё раны не успели поджить у него, патруль обнаружил советского подранка. Может, кто подсказал из деревенских, а может, у немцев был уже особо тщательный досмотр на сельских окраинах. Его из тайного укрытия приволокли на крыльцо и бросили на ступеньках. Бедную хозяйку решили повесить на деревенской «площади» – для всеобщего назидания. А его решили расстрелять тут же у оврага, чтоб улетел туда и не возиться потом с трупом. Всей операцией руководил немецкий офицер-медик, лет сорока, а другой офицер, не медик, взял на себя разборку с хозяйкой, укрывательницей. Он был возрастом и чином помладше военврача, но в такой ситуации чувствовал себя главнее. Обыскав быстро избу и никого там не найдя, так как дети на тот момент, видно, были где-то в чужих дворах, этот служака и ещё два автоматчика поволокли

несчастную женщину, очумевшую от грядущего ужаса, к центру деревни, где виднелась виселица, уже испытанная, видимо, на противниках нового режима.

Военврач вермахта в золочёных очках оказался гуманнее кадрового вояки. Заговорив довольно сносно по-русски, он проявил интерес к ранам нового «пациента», спросил что-то про его часть и много ли солдат немецких он убил. Да и сам пленник по-немецки понимал неплохо и кое-как изъясняться мог. Почувствовав гуманистическую закуску лекаря, хоть и вражеского, он стал выпрашивать у него пощады, уповая даже на христианское милосердие. На что военврач возражал:

– Отпускать? Никак. Теб'я будут лечить, и ты оп'ят убивайт немецкий soldaten.

– Nein, nein. Я только оборонялся... Ich habe nicht töten¹... я уже инвалид, ich bin инвалид... untauglich²... меня комиссуют.

– Aber ich muss... должен... исполняйт приказ, ich bin soldat³.

– Но вы же главный здесь... Sie sind ein Senior hier, ein Chieff⁴.

Немец ухмыльнулся от такой отчаянной лести и достал из кобуры «парабеллум». Он велел полицаю подать раненому красноармейцу палку вместо костыля и обыскать хорошенько вместе с оставшимся автоматчиком сарай и овин – нет ли там оружия или ещё чего-нибудь. Он решил сам расстрелять пленника и велел ему идти к оврагу, «дружески» подгоняя и подбадривая: «Schnell, schnell, mein russische Patient. Bald wird es nicht schaden⁵... очен нэболно».

Почти бессознательно поковылял пленник к не определённом ещё месту казни. Он, цепляясь за последние мгновения жизни, несмотря на боль от оживших ран, всё же старался отойти подальше и не переставал молить немца о пощаде. Где тропинка сильно приближалась к оврагу, а по склону его и на дне было немало кустов, немец вдруг негромко, но резко крикнул: «Halt!⁶». Пленник быстро обернулся и упал на колени, офицер пальнул тут же ему над головой и, кивнув на овраг за спиной «пациента», тихо приказал: «Fallen, nach unten⁷». Спасительная догадка вместо пули прошибла мозги пленника. Он упал на край оврага, а немец, пальнув ещё раз мимо, ногой помог ему скатиться вниз, где он укрылся в кустах, а ночью выбрался кое-как на другую сторону оврага и с большим трудом, но вышел на вторые сутки к своим.

2017 г.

¹ Nein, nein. ... Ich habe nicht töten – Нет, нет. ... я не убивал.

² ich bin ... untauglich – я инвалид.

³ Aber ich muss... ich bin soldat – Но я должен... я солдат.

⁴ Sie sind ein Senior hier, ein Chieff – Вы старший здесь, главный.

⁵ Schnell, schnell, mein russische Patient. Bald wird es nicht schaden – Быстреей, быстреей, мой русский пациент. Скоро не будет больно.

⁶ Стой!

⁷ Fallen, nach unten – падать, вниз.

СТУДИЯ «ЮГ»

Литературная студия «ЮГ» появилась в 2001 году в Доме детского творчества «У Белого озера». Руководит ею член Союза писателей России Татьяна Ефремовна Мейко.

Название студии расшифровывается как «Юные гении». Так решили первые студийцы почти двадцать лет назад, и название это прижилось – ведь кто из начинающих не считает себя гениальным?

Есть у студии своя эмблема – пальма, свой герб и девиз. Есть и свой гимн на стихи Николая Рубцова «Пальмы юга». Если вспомнить слова этого стихотворения, то название студии необязательно расшифровывать: «ЮГ» – это просто прекрасная страна, о которой можно только грезить в нашей заснеженной Сибири – страна мечты. И как грустят в холодных краях по тёплым странам, так мы в обыденности и однообразии будней тоскуем о поэзии.

Вот и собираются «юные гении» самого разного возраста – от первоклассников до студентов – вместе, чтобы быть ближе к поэзии. Литературная студия для них не просто кружок, это место общения, откровенных разговоров и учёбы. Вместе с наставником ребята разбирают рукописи, хвалят и критикуют друг друга, учатся серьёзной работе над собственными строчками, читают книги, развивая художественный вкус, устраивают творческие гостиные, презентации собственных изданий, а главное – учатся любить поэзию в себе больше, чем себя в поэзии.

Занимаются студийцы и издательским делом. Каждый может попробовать себя в роли редактора, художника-иллюстратора, дизайнера, корректора. Силами студии выпущено более двадцати коллективных и индивидуальных сборников: «Белое озеро», «По сказочной дорожке», «Признание», «В лучах одинокой звезды», «Моя мама лучше всех», «Это Новый год», «Люблю весну», «Сегодня», «Облака идут пешком». С 2011 года младшая группа студии выпускает детскую литературную газету «Сказюлька».

Стихи и проза «южан» публиковались в журналах и коллективных сборниках: «Подсолнушек» (Москва), «Дети о лесе» (Москва), «Тихая минутка» (Екатеринбург); «Ключевое слово» (Северск); «Бийский вестник», в томских сборниках: «Дом, в который хочется вернуться», «Город, где всё светится добром», в сборниках работ победителей международного фестиваля «Устами детей говорит мир», и многих других. Студийцы не раз становились победителями и лауреатами международных, всероссийских и региональных литературных конкурсов и олимпиад.

В представленной подборке стихи юных поэтов от 9 до 19 лет.

Ольга Гейн, 18 лет

* * *

За что поэту так любима осень?
За листьев цвет, похожий на янтарный,
За колыханье спелой ржи колосьев,
За образ простоты элементарный.

За так любимый мною шёпот ветра,
За пенье птиц в меланхоличном тоне.
Мне видится осенняя Деметра
В пальто просторном, лёгком, как в хитоне.

Рукой она моей руки коснулась,
Я шла за ней, не проронив ни слова,
Над головами солнце вдруг блеснуло,
И светом озарился лес сосновый.

От яркости ослепла на мгновенье.
Моя Деметра растворилась вовсе,
Оставив лишь борея дуновенье.
За это всё поэт и любит осень.

* * *

Тихо чайник на кухне шепчет,
Дверца шкафа скрипит устало.
Заглянул мне в окошко вечер
И звезду у порога оставил.
Не сказав ни единого слова,
Он растаял с приходом ночи.
Слабо лучик сверкнул – он поломан,
Я решила его склеить скотчем.
А под утро звезда пропала,
И искать уже было поздно.
Вижу: в небе блестит металлом.
Я теперь ремонтирую звёзды.

* * *

У нас осталось несколько минут:
По-дружески пожмёшь мне крепко руку,
А я в ответ сожму слегка твою,
Как полагается в прощании с лучшим другом.

Последний раз смотрю в твои глаза:
Живи свободно, сбросив все оковы.
Беги скорее, чтоб не опоздать.
Я отпускаю, так и не сказав:
Благодарю за то, что мы знакомы.

Ангелина Бан, 11 лет.

ЗЕЛЁНЫЕ КОРОЛИ

Туда, где ели до небес,
Где мой проспект в зелёных красках,
Туда, как будто в край чудес,
Хочу вернуться я, как в сказку.
Чтоб в свете ярких фонарей
Пройтись по сказочной аллее
Среди «зелёных королей»,
Хочу туда, где всё милее.
А мне приходится быть взрослой.
И не лежат туда пути.
Проект, учёба, всё не просто...
Но что мешает мне пойти
Пешком по Томску, с вдохновеньем!
И вот он, Кировский проспект!
Смотрю на ели с восхищеньем,
Им, «королям», сто двадцать лет!

БАЙКАЛ

В состоянии полусонном
Кто смотрел в телефон, кто мечтал.
Вдруг прильнули к окошкам вагонным,
Кто-то радостно крикнул: «Байкал!».
Сосны, кедры, берёзы и ивы,
Блики яркие на воде.
Вы представьте себе, как красиво,
Нету больше такого нигде.
Ярким солнечным светом разбуженный,
Необъятный Байкал и сильный,
Он недаром зовётся жемчужиной
Лучшей в мире страны – России.

ЛАГЕРНЫЙ САД

Здесь место святое, здесь надо молчать,
Чтоб радость и боль той Победы понять.
Сюда мы приходим, чтоб помнить и чтить
Солдат, уходивших страну защитить.
На каменных стелах лишь их имена,
Здесь список погибших хранит тишина.
Как будто безмолвно их души кружат
Над Вечным огнём... Это Лагерный сад.
Я молча стою посреди тишины.
И думаю я: «Пусть не будет войны!».

Виола Турдалиева, 12 лет

ЛЕГЕНДА О «СИБИРСКИХ АФИНАХ»

Легенды древние гласят –
Тысячу лет и семь веков назад
На гору, там, где Томь течёт в низине,
Семь дружных старцев-греков восходили.
Творцу смиренно помолясь,
Они тихонько говорили –
Мол, здесь, на Юрточной горе,
Да будет, братья, «Сердце мира»!
И, чуждых взглядов хоронясь,
Тайком скрижаль захоронили...
Ушли века и годы прочь,
На этом месте храм воздвигнут,
Монахи служат день и ночь,
За город наш поют молитвы.
А на Обрубке камень встал –
На самой высоте, вершине.
В миг, когда новая звезда
Взошла на неба сердцевину.
Звезда сияла день и ночь,
Была видна любому глазу.
И только крепость возвели –
Она исчезла с неба сразу!
Легенды древние гласят:
«Стоит над Томью град старинный...».
С тех пор наш Томск, наш славный град
Зовут «Сибирские Афины»!

Софья Смычок, 13 лет

* * *

Я шла дорожкой, от апреля чёрной,
Кроссовки белые нисколько не любя.
Я шла на переулочек Заозёрный
В надежде, что увижу там тебя.

Мы встретимся сегодня, знаю точно,
А если нет – вернусь, грустя, домой.
Не спрашивай «Зачем?» и «Это срочно?».
Мне очень надо встретиться с тобой.

Звонки от мамы разрывали мой карман,
Безжалостно губя процент зарядки.
Всё без тебя иллюзия, обман.
С тобой – весна, апрель. И всё в порядке.

Константин Румянцев, 18 лет

* * *

Я зарекался о любви
Не написать ни строчки.
Но выросстал я, годы шли,
Взрослел, менял сорочки.

Менял я мысли, и сейчас
Зароков не исполнить –
Насмешки, шпильки, пошлый фарс –
Всё было. Стыдно вспомнить.

Жизнь поменялась быстро, и
Согнулся я под ношей.
Гори, любовь, в аду гори,
Не стоящая гроша.

И всё же прежний я, прости,
Мальчишка с детских фотографий.
Ты смейся. Ну а мне вести
Дневник любовных эпитафий.

* * *

Напрасно стремление
Поймать вдохновение.
Весны дуновение
Легче поймать!

Не будет везения
Услышать муз пение!
Наивно хотение
Пегаса седлать!

Простое волнение
И сердца биение –
Нам не поможет
Гением стать.

Только терпенье
И страстное рвенье
В сеть вдохновенье
Сможет поймать!

БАБОЧКА

Порхает бабочки изящный силуэт,
Налиты крылья цветом ярко-красным.
Сквозь них сияющего солнца свет
Скользит и делает её ещё прекрасней.

Она летит по зову ветра на восток,
И ей не нужно знать, что будет с нею.
Её несёт волнующий поток,
А мир становится добрее и светлее.

Даниил Грушко, 17 лет

* * *

Изжился. Исписался. Смысла – ноль.
Нет вдохновенья. Снова, как амёба.
От каждого движенья только боль.
И так всю жизнь существовать до гроба?

Открою фэйсбук, зайду в контакт –
Мне, как полковнику из песни, всё не пишут.
С каким же демоном мне заключить контракт?
Или молиться Богу, чтоб услышал?

Я сам себе судья и сам палач.
Ждал снисхождения я очень-очень долго.
И резкий крик, переходящий в плач,
Рвёт мне и без того больное горло.

Настя Самойлова, 11 лет

МИНУТКА

Минутка, как капля росы,
Что скользнула с листочка вниз.
И лист остался так свеж,
И лист остался так чист.

Минутки развеют ветра –
Как росинки, с листа потекут.
Минутку развеют ветра
На капельки быстрых секунд.

Чистотина Анна, 14 лет

* * *

Не любовь, а ненависть – самое сильное чувство,
Она убивает и душу живую, и плоть.
Всё становится горестно вдруг, безнадёжно и пусто,
И так хочется камень тяжёлый в душе расколоть.

И, как ночь поглощает всё светлое, тёплое в людях,
Так и ненависть застит глаза, рушит веру в людей.
Она губит любовь, и своих, и чужих – губит.
И тогда каждый день только хуже, страшней и мрачней.

Не любовь, ненависть – самое сильное чувство,
Но если боли своей ты окажешься всё же сильней,
Ты поймёшь, что любить беззаветно – вот высшее в мире искусство,
И с рассветом в душе станет мир хоть немного светлей.

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ РАССТАВАНИЙ И ВСТРЕЧ

Слёзы радости на таком знакомом лице.
Ты рад меня видеть или ты просто так?
Я, как всегда, поставлю точку в конце,
Ты увидишь многоточие или вопросительный знак.

Последний раз мы встречались лет сто назад.
Мы расстались с тобой очень медленно и осторожно.
Без тебя этот мир, как крошечный кипящий ад.
Жить больше часа в нём без тебя невозможно.

Но ты снова уйдёшь, ты оставишь меня одну.
Я буду ждать, сколько хочешь, ты только вернись.
Не знаю, с каких времён, зачем, когда, почему
Исполнять я готова твой каждый новый каприз.

Этот замкнутый круг добавляет восторга и сладости,
Круг беспощадных признаний и нежных проклятий.
Ты вернёшься и снова, как прежде, заплачешь от радости.
И опять круг замкнём в переменчивых наших объятьях.

Злата Файфер, 9 лет

ДОМ ИСКУССТВ

В городе Томске старинные улочки,
Гулять по ним нравится нам.
Резные окошки в домах, как шкатулочки.
И жизнь замедляется там.

Есть дом удивительный в старом районе
Под чудным названием Дом искусств.
Красив, как картинка, и так всесторонен!
Досуг там найдёшь на свой вкус!

В тот дом на Шишкова я просто влюбилась,
Как будто сердечко сильнее забилося.
В нём можно общаться, стихи сочинять,
Картины писать и музей посещать.

Здесь музыка, песни. Он мне – как родной.
Второго такого нет в мире.
Здесь веет искусством и стариной,
Как в Томске – Афинах Сибири.

ТЕАТР

Мы живём, как будто бы играя,
Как будто проживаем жизнь не раз,
Свои ошибки снова повторяя,
Родных советы тоже не для нас.

Все мы актёры в жизни поневоле,
Нам режиссёр распределяет роли,
В массовке все несчастные герои,
И сцена вся, как будто на ладони.

Играем мы без правил – как умеем,
Кто вдумчиво, а кто с ленцой.
Но изменить сценарий мы не смеем,
Ведь наша роль написана судьбой.

Архип Кочетов, 12 лет

* * *

Отсчёт очень быстрый, прямой, как свет.
Всё пролетело, исчезло во тьме,
Забыты обиды, забыты друзья,
Догнать невозможно, вернуться нельзя.

Тысячи лиц и тысячи глаз
Смотрят в себя, а не за нас.
Тысячи листьев слетают так скоро
В жёлтую пору, осеннюю пору.

Тысячи листьев слетают, шурша.
Надежды пропали, пропала душа.
Без цели, без смысла – просто так.
Сознание съезжает куда-то во мрак.

Арина Юнязова, 12 лет

ФОНТАН

Фонтан и я немножечко похожи.
Он, как и я, стремится к цели, ввысь.
Но безнадёжно падает – я тоже.
На высоте попробуй удержишься.

Он будет днём шуметь, бурлить, искрить,
А ночью тихо он парит в покое.
Он сам с собою любит говорить,
И я люблю беседовать с собою.

Характер просыпается ночами,
Меняется, сверкает и мечтает,
А в утро хмурое все чувства убывают,
Мутнеют, меркнут. И опять сначала.

И я с трудом утрами просыпаюсь.
Вновь шесть часов, пора вставать мне в школу.
Как хочется поспать в такую пору,
В мечтах переливаясь и сверкая.

Доркин Саша, 17 лет

КОМАРИКИ

Лето, лето – хорошо
И качели – хорошо.
Комарики – плохо!
Бег, прыжки, качки, скачки.
Комарики дурачки!!
Лесная дорога.
Отдохну я возле ели.
Комары мне надоели!!!
Все скорей бегом на речку –
Захвачу я удочку.
Может, выловлю лосося!
Лето, я тобой горжуся!

Ян Андрусин, 9 лет

ВОДОПАД И ЛЕОПАРД

Басня

Повстречал леопард водопад.
Зарычал он: «Эй, ты – водопард!».
«Никакой я не водопард», –
Прошумел ему водопад.
«Ах, ты споришь со мной, водопард!»
И нырнул леопард в водопад.
Плещет в воде леопард,
Колотит и бьёт водопад.
И утонул леопард.
Но дальше потёк водопад.

Если гнев на вас напал, как леопард,
Не бросайтесь в этот гнев, как в водопад.

Екатерина Чебакова, 10 лет

* * *

Мне пока десять лет,
Но я всё же поэт!
Я пришла к вам в свитере,
Хоть тетрадки рвите вы,
Я прославлюсь в стихах
И уйду в мехах.

Автор стихов, которые вы прочтёте, – Альбина Львовна Бийчанинова, кандидат медицинских наук, учёный, поэт (1943–2010).

Весь её жизненный путь, начиная со студенческих лет, где бы он ни проходил: в лабораториях, на кафедре вуза, в экспедициях в районе Тунгусского метеорита, в мероприятиях по защите экологического состояния Томска, в бурных перестроечных событиях – это стремление выйти из существующих рамок, уйти от сковывающей обыденности, воспарить к высотам духа, к свободе. Об этом её стихи.

В 2010 был издан сборник стихов по благословению игумена о. Иоанна, настоятеля Свято-Никольского монастыря села Могочино.

Из журнала «Алтайская миссия»

«4 января 2010 года в г. Томске скончалась монахиня Фаддея (в миру Альбина Львовна Бийчанинова, в крещении Феодора).

...Монахиня Фаддея прожила трудную жизнь, претерпела мучительную болезнь.

Речь идёт о человеке очень живом, ярком, многогранном, наделённом живым и светлым умом, большой восприимчивостью и чуткостью ко всему, что происходит вокруг, наделённом поэтическим и художественным дарованиями, а также замечательной способностью во всех обстоятельствах смотреть на мир с улыбкой, одарённом редкой способностью любить и понимать детей...»

Альбина БИЙЧАНИНОВА

ДА, БЛАГОДАТЬ – ОСОБЕННОЕ ЧУВСТВО

ЮНОСТЬ

Нам надо немного:

Была бы дорога,

Гудел самолёт, уносящий в тайгу.

Да лиственниц веер над речкой убогой,

Да месяц, скользнувший в неё на бегу!

И уток разбег по зеркальности вод...

И снова полёты в объятья Тунгуски,

И снова маршруты на Север, вперёд!

1961

ХОРОШО ЛЮБИТЬ, ОДНАКО

Хорошо любить, однако,
Без взаимности и страсти:
Лес, поля, родных, и даже
Несмертельные напасти.
Тех, кто был когда-то рядом,
А теперь уже далече –
За кладбищенской оградой,
И твои не слышит речи.
Хорошо любить живущих,
В сердце чьи слова запали,
Кто, свою спасая душу,
И тебе откроет дали,
С кем не надо объясняться –
Там и так с тобой едины...
Хорошо любить, не зная,
Что и ты среди любимых.

2005

НИКОЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Как в тихий оазис среди суши,
Как в капле последней воды
Сюда потянулись души,
Уставшие от суеты.
А беды за ними потоком,
Ведь бесы не любят, увы,
Когда за себя и потомков
Молиться задумали вы!
И сам не заметишь порою,
Как вдруг закрутило тебя
Совсем не молебным настроем,
А страстью текущего дня.
Крепись и мужайся, и помни,
Что искус сильней у того,
Кто мог бы у Господа Бога
Врага отмолить своего.

2006

КОТЫ

Пришли и сели, словно на насест,
И не уйдут уже без принужденья
Два мягких братца – мой домашний крест,
Достойные порою осужденья.
Они, конечно, ноги греют мне,
Своей бесцеремонностью врачуя,
Поют о чём-то, млея в тишине,
Ловя момент, пока не заворчу я.
Таинственные звери – два кота,
Чего лежите? Вы не на погосте.
На кухне снова чья-то суета,
У вас в кормушке снова рыбы кости.
Да, у Кузьмы и Жорика пиры:
Меню из рыбы, мышек и перловки.
И целый двор – площадка для игры
И тренировок в силе и сноровке.
Как жаль котов, живущих в городах,
С их жалким туалетом и едою,
Грохочущей, хранящейся в мешках,
Короче, вовсе даже не живую.
Да здравствует наш деревенский быт,
Вода в колодцах, банная отрада,
И петуха победоносный вид,
И снегом заметённая ограда!
По тротуару утром хорошо
Бежать до туалета и обратно,
Где Кузя ждёт и поджидает Жорж...
Всё просто, и понятно, и приятно.

ЩУРЯТА

С приплюснутой головою,
Не знающие игры,
Они готовятся к бою,
Чуть вынырнув из икры.
У берега над песочком
И против течения вод
Стоит аккуратным рядочком
Отчаянно хищный народ.
Стоит, не колышется даже,
Не дрогнут его плавники,

А мимо шныряют отважно
Различного рода мальки.
И вдруг неожиданно резко,
Почти неприметно для глаз,
Щурёнок срывается с места,
Кого-то поймаёт сейчас.
И вновь, соблюдая обычай,
И против течения вод
Стоит, ожидая добычу,
Отчаянно хищный народ.

А ДОЖДЬ И НОЧЬЮ

А дождь и ночью льёт нещадно,
И не осенний даже он,
А тёплый, щедро беспощадный
Всё льёт и льёт со всех сторон.
И хочется, содрав прикрытие –
Косынку, шапку или шаль, –
Себя подставить тонким нитям,
Плетущим мокрую вуаль.
Журчите, бурные потоки –
Последний банный перебор,
По наледям скользите, ноги,
Хватайтесь, руки, за забор!
И тёплый луч, и возлиянья
С небес ниспосланы Земле
Как возмещение обнищанья
И оголения к зиме.

А ТЫ НЕ ЗНАЛ

А ты не знал, что Благодать – не слово,
А чувство равновесия души?
Утихли звуки, и завесой словно
Тебя накрыли, разом отрешив
От размышлений и воображенья...
Там – тишина и мир, а не сраженья...
Да, Благодать – особенное чувство,
В нём – полнота, а в этом мире – пусто.

СЕГОДНЯ ЖЁЛТЫЙ ФЛАГ

Сегодня жёлтый флаг берёзы –
Предвестник осени сырой –
Уже ронял скупые слёзы
Небесной хляби надо мной.
Ещё струились клубы дыма
Из отсыревших погребов,
А птичьи стаи торопливо
Срывались с криками «Готов!».
Так наступает жизни осень
Пред белым саваном зимы,
А мы не внемлем и не просим:
– Господь, спаси и сохрани
Покоя чудное мгновенье,
Зимы естественный приход,
И тишину, и вдохновенье
Из года в год, из года в год!

А ДНИ НАСТАЛИ ЗОЛОТЫЕ

А дни настали золотые –
Прекрасной осени привет,
Рябины кисти налитые,
Малиновой калины свет.
Всё изменяется заметно,
Уже и эхо вдруг не то:
Несётся шалое по ветру,
И натывается на стог.
Ах, осень, осень, златошвейка,
И синь воды, и синь небес,
Не уходите, пожалейте,
Не оставляйте без чудес!
Увы, и запахи, и звуки,
И тишина, и звездопад –
Предтечей горестной разлуки
У изголовья предстоят.

МОЕЙ РУКОЮ ВОДИТ КТО-ТО

Моей рукою водит некто,
Кто лучше знает, кто я есть.
И вот ложится некий вектор
На разум, совесть, чувство, честь.
И сами, сами, без участия
Моей нелепой головы
Стихи слагаются, а страсти
Вдруг утихают до поры.
А я не помню и не знаю,
О чём пишу, зачем пишу...
Не я пишу, а та, другая,
К кому приблизиться спешу.
И некий занавес отходит
И открывает тайный смысл
Событий в душах и природе,
Не мной отточенная мысль.

А МЕЖДУ ТЕМ

А между тем, а между тем
Зима рассыпалась порошей.
Недолгий день уходит в тень,
А он сегодня был хороший.
Согласно клир церковный пел,
И ясно проповедь звучала,
И причастился, кто хотел,
Но исповедался сначала.
Без сокрушения сердец,
И без смирения, конечно,
Какой нам выпадет венец
Там, где останемся навечно?
Воспев Введение во Храм,
Колена преклонив в молитве,
Здесь каждый ощущает сам
Как нелегко на поле битвы...
А между тем зима несёт
Свои привычные забавы:
То горы снега наметёт,
То разморозит переправы.
Вот так и наша жизнь, увь,

Непостоянна и опасна,
Смущает сердце и умы,
И побуждает нас всечасно
Просить в молитве Благодать
Слепым дать зрения немного,
Безногим – в дебрях не блуждать,
Глухим – услышать голос Бога.

2007

ЧЕРЕЗ КАРТОФЕЛЬНОЕ ПОЛЕ

Через картофельное поле
И по тропиночке в кедрач
Ходить любили мы с тобою,
А ты не шёл, а нёсся вскачь.
У муравьиной кучи или
В какой-то куче под кустом,
А то измазанного в иле
Тебя встречали мы потом.
Из ямы, черпая ведёрком,
Ты живность всякую ловил.
О ней с сознанием и толком
Друзьям часами говорил.
Так мчалось детство. И, казалось,
Ничто не предвещало зла...
А что осталось, что осталось?
Куда телега увезла?
Такое нежное созданье
Преобразилось – не узнать...
И не вмещается в сознание,
Что я – твоя родная мать.

СЛАБЕЕМ МЫ

Слабеем мы. И это очевидно.
Уже нет резвости и пылкости, увы!
И стало безразличное обидным,
Не хочется сует и кутерьмы...
Горох созрел. Растрескались стручки.
Ровесники мои, мы – старички.

И что бы ни мерещилось сослепу,
Неюная походочка твоя
Ведёт туда, по направлению к склепу –
Финальному аккорду бытия.
Петух пропел, приблизился рассвет.
Ровесники мои, вас больше нет!
Что удивительно, так наше долголетье,
Ведь многих, многих нам недосчитать,
Одни ушли цветущими, как дети,
Другим пришлось больничная кровать...
Знакомый стук по крышке гробовой.
Два метра у меня над головой.

ВЕРОЯТНО, ДЛЯ ТВОРЧЕСТВА

Вероятно, для творчества вправду
Нужен допинг – движенье души:
Недовольство собой, неисправность,
Уличение в собственной лжи.
Или вдруг изменившийся ракурс
В пониманье конкретных проблем...
А стихи – это попросту лакмус,
Тест на совесть и шанс перемен.

ПЕРЕКАТЫ НА ЧАМБЕ*

Непонятно откуда,
Неизвестно зачем,
Вспоминаю как чудо
Голубой этот плен.
Мох на дереве чахлом,
Зыбь зелёных болот,
Перекаты на Чамбе,
Лебединый полёт.
Берег речки безвестной,
Россыпь острых камней
Вспоминаю, как песню,
Возвращённую мне.
Может, это приснился
Предрассветный туман,
А Синильга-синица –
Просто сказка, обман.

Непонятно, откуда,
Неизвестно, зачем,
Вспоминаю, как чудо,
Голубой этот плен.
Может быть, не случайно
В пёстрой россыпи дней
Перекаты на Чамбе
Стали песней моей!

---

* В настоящее время эту песню исполняет эвенкийский хор, воспевая Эвенкию.

И «свои» – участники экспедиций в район тунгусской катастрофы – тоже поют.

ВЕЛИКИЙ СИБИРЯК

К 100-летию со дня смерти Г. Н. Потанина

Крупнейший сибирский учёный, гуманитарий и естествовед, практик и теоретик. Крупнейший общественный деятель Сибири. Харизматическая личность в истории сибирского самосознания.

Когда в 1990 г. устанавливали мемориальную доску по последнему адресу Потанина, не стали указывать, кто это. Просто Григорий Николаевич Потанин. Должны знать.

Историк, этнограф, географ, ботаник, лингвист, фольклорист, публицист, беллетрист. Инициатор создания многих исследовательских, научно-просветительских и общественно-политических обществ. Единственный энциклопедист, знаток Сибири и Центральной Азии.

«Потанин ещё ждёт своей оценки» (впервые сказано в 1905 г.). Но не только не удаётся приступить к подготовке 22-томного собрания сочинений и писем, даже воспоминания Потанина по авторской воле издать не удаётся. Так незаметно наступает забвение. «Одна область будет спрашивать другую соседнюю: не проходила ли по тебе правда, делающая праведным? И та скажет: нет» (сказано в V в. до н.э.: 3-я книга Ездры, 5, 11).

*Г. Н. Потанин***РАССКАЗЫ***Вступительная заметка и примечания Николая Серебренникова*

Беллетристический дар Григория Николаевича Потанина (1835–1920) обнаружился поздно, 77 лет спустя после смерти. Его иногда путали с симбирским писателем-однофамильцем Гавриилом Никитичем. Современники читали то, что появлялось под псевдонимами – литературную критику Авесова, «очерки шпанки» «Лютые дни» (1873) Долонского, рассказы «Блудный сын» (1878) Кислосёрского и «Из переписки молодых друзей» (1886), помеченной прозвищем персонажа Карыма, т. е. сибиряка-полукровки.

Неоконченную повесть «Тайжане» (1872) он дал завершить своему другу Николаю Ядринцеву. В их переписке наметился характер будущей областной литературы, проверяемый на «Тайжанах» как на рабочем автобиографическом материале. В 1885 г. Ядринцев сделал из повести роман, найти который не удаётся, сохранилось лишь черновое начало¹.

У Потанина появился герой, покидающий отечество дабы вернуться обогащённым знаниями на благо родного края. Однако автор понимал, что в жизни дело чаще обстоит иначе, – так возник мотив возвращения «блудного сына». В публикуемых рассказах, будто в вариантах финала «Тайжан», сознают свою никчёмность и почтенный кавалер придворных и учёных званий, и молодой теоретик. «...в этом чувстве моего отчаяния было моё наказание, – но за что?...» – сокрушается первый. «...и дело есть... да сами мы плохи», – резюмирует другой.

Проблемы и пробелы потаниноведения, очевидные в 100-летие со дня смерти Григория Николаевича, прискорбны. Последним итогом научного историко-филологического сообщества должна считаться статья в энциклопедии «Русские писатели» (М., 2007. Т. 5. С. 109–111). Потанин представлен здесь как фольклорист, публицист, мемуарист. Литературная критика игнорируется. О художественной прозе столичный авторитет не знает ничего. База старых ляпов пополнена новыми; среди них утверждение, что в 1919 г. Потанин поддержал... «восстание А. В. Колчака».

В предреволюционное десятилетие Потанин активно формировал сибирское литературное направление, но для становления срок был мал, а в 1930-е противодействие центральной власти проявилось печальными последствиями и для самих «птенцов гнезда Потанина». Но в местной литературе критерий самосознания становился важнейшим. Так, от Г. Д. Гребенщикова до В. М. Шукшина, возвращение «блудного сына» стало лейтмотивом сибирской словесности.

¹ Последовательное чтение рукописей Ядринцева: 1) Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск, 2010. С. 224–232 (черновик); 2) Сибирский текст в русской культуре. Вып. 2. Томск, 2007. С. 232–255; 3) Потанин Г.Н. Тайжане. Историко-литературные материалы. Томск, 1997. С. 118–120 (черновик).

БЛУДНЫЙ СЫН

Не побывать ли мне на родине? – подумал я. Не скажу, чтобы такой вопрос явился у меня в голове как неотложная потребность, подготовленная чувством неудовлетворительности в продолжении многих годов. Нет, напротив. Вопрос этот явился случайно, без видимого основания, и легко могло случиться, что он мог и не родиться вовсе в моей голове, я мог прожить ещё столько же времени, сколько прожил, не побывав дома, в родной деревне, и наконец спокойно умереть, нисколько не жалея, что умираю, не видев того незначительного и незамечательного захоlustья, в котором я впервые увидел свет.

Итак решено, я иду на родину. Я набил мешок подорожниками и отправился в путь.

Путь мой был далёк; не один месяц прошёл прежде, чем я дошёл до своей родной деревни Кислого озера; я невольно подумал: Господи, как ведь далеко занесло меня от родины! Да и как долго я не видал её! Сколько раз таяли снега под вешним солнцем моей родины, сколько раз проходила туча, расцветали цветы по логам, сколько раз крестьяне вспахивали свою землю, сколько раз проходила страда со своими помочами, сколько раз девицы собирали спелую малину по островам – я не был свидетелем всего этого, всё это прошло без меня. Много совершила своих правильных оборотов крестьянская жизнь, пока я был в отсутствии. За всё это время я ни разу серьёзно не вспомнил о своей родине, я был развлечён разнообразной постоянно новой жизнью, окружавшей меня. Я много видел и много слышал; я видел много чудес человеческого искусства, роскошные дворцы, столичные улицы, гранитные набережные; я видел знаменитый шерстяной ковёр, производящий, говорят, в особенности очаровательное действие, когда смотришь на его яркие цветы и зелень с террасы – действительно очаровательный! я видел его, – я видел знаменитую комнату с китайскими божками, качающимися головой; я испытал чувство уединения под сводом Альгамбры, глаз на глаз с безграничным вечношумящим морем. Я видел тропическое разнообразие садов юга с их платанами, лаврами, миртами, магнолиями, агавами и видел хвойную природу севера, подавляющую тысячами вёрст своего однообразия; я любовался и тёмными ночами Крыма, и белыми ночами Финского залива. Однако один мой приятель утверждает, что лучшую и очаровательнейшую картину для каждого представляют детские воспоминания. Посмотрим!

Чем ближе я подходил к родной деревушке, тем чаще я стал думать о ней. Сорок лет я провёл вдали от неё на службе науке и обществу, и во всё это время мне не приходило в голову подольше остановиться на имени родной деревни и вызвать в воображении ряд детских воспоминаний. Но, шагая по широкой дороге, я начал припоминать тот чудный мир и старые образы, которые окружали моё детство. В самом деле, что это был за прелестный райский мир!

Я помню длинный одноэтажный дом с садом; под окнами были разбиты цветники, а за ними начиналась вишневая роща, в которой мы так часто прятались; мы, дети, были знакомы только с окраинами этой рощи, внутренность же её была для нас terra incognita, в которую мы не решались проникнуть. Как

теперь помню гряды с фасолью, которая вилась по забору, гряды с морковью, свёклой и другой овощью, которые тянулись позади беседки, и в особенности навозную гряду с кукурузой. Что за колоссальная была кукуруза! Вы, может быть, скажете, что это была иллюзия, коренившаяся в моём собственном маленьком росте – не знаю; по крайней мере я всегда удивлялся роскошному росту этого растения. Когда я входил на эту навозную кучу, когда меня обдавало горячим паром, поднимавшимся из навоза, а над моей кудрявой головой веяли и шелестели широкие листья растения, я воображал, что я нахожусь под небом Индии и вижу перед собой лес бананов или что-нибудь в этом роде. И природа, и люди, всё было тогда прекрасно; люди были необыкновенно красивы и добры; бабушка моя была добрейшее существо в мире; этих отвислых губ, слезливых глаз и т. п. недостатков, безобразящих нынешних старух, не было у неё вовсе; если и были у неё морщины, то, вероятно, рисунок их был так изящен, как у старух, изваянных из мрамора художником. Что за прекрасное простодушное существо была также наша няня хохлуша Оксана, нечаянно залетевшая в наш далёкий край. Ни одного безобразного лица я не помню из тех, которые окружали моё детство. Я рос, можно сказать, в античной галерее. Это может показаться сомнительным, потому что местное население представляет помесь с азиатскими племенами, но это так. Животные моего детства были великорослы и породисты, люди прекрасны лицом и сердцем, словом, это был рай! Воздух был напоён запахом трав и мёда диких шмелей, особенно когда начинался сенокос. Я не помню такого горячего солнца, как то, которое жгло мою детскую голову, я вспомнил весенние утра, когда нас в 7 часов поднимали с постелей, вызывали на крыльцо и поили молоком. Солнце песчаных степей Балхаша, силу которого я испытал впоследствии, впятеро – куда! вдсятеро не жгло меня так, как жгло кислородное солнце. Что за окрестности были у нашей деревни; с одной стороны стояло неподвижно большое озеро в плоских берегах, поросших солянками, с другой расстилались цветистые поля, за которыми зеленели берёзовые дубровы, в которые мы ездили за ягодами и грибами, какая высокая трава растёт в этих дубровах; бывало, расстелют ковёр, на котором мы собирались потом чай пить, трава вокруг ковра поднималась, как бамбук над уровнем озера; телегу с распряжёнными лошадьми едва было видно сквозь верхушки травы. Но всего лучше в этом мире была, конечно, моя милая подруга Лидинька, это была первая красавица в мире и настоящий ангел.

Впоследствии я женился на любимой женщине, которую не перестаю уважать и теперь, но всё-таки не могу не жалеть, что прошло то счастье, которое окружало мои детские годы; я желал бы, чтобы оно снова вернулось, чтобы опять я сидел по целым часам на стуле подле Лиди и держал её маленькие ножки у себя на коленях, а сам смотрел бы на её брови, на которых отражались впечатления от чтения «Монте-Кристо» или «Трёх мушкетёров», словом, опять бы я хотел любить той детской любовью, которой некогда любил Лидиньку.

Однако как всё это было давно! ужасно давно! Так давно, что перепуталось с сновидениями. Я часто впоследствии видел сон, будто снова с Лидей гуляю по увалу, который тянулся слева нашего дома, и спускаюсь с него в лог;

я вижу тот самый двор, какой у нас был в Кислом озере, ту самую кухню, которая стояла на этом дворе; вон и тот самый индюк, которого мы дразнили; вон и Сбогарка торчит перед кухней, махая хвостом, и ему летят кости из отворённого окна; но лог вдруг оказывается широкой долиной, по которой течёт если не Волга, то по крайней мере Ока или Дон; словом, в детские впечатления вплетаются картины, которые я видал впоследствии; и это смешение дошло до того, что я не знаю, что принадлежит действительности, что позднейшим созданиям во сне; на все детские воспоминания лёг туман призраков.

Видел ли я где-нибудь такие крупные и такие яркие цветы, как на полях родного Кислого озера; видел ли где-нибудь более блестящие золотые мушки, лазавшие в цветочные чашечки; конечно, нигде! Какое множество прыгало в этой траве пёстрых кобылок; в другом месте они составляют бич культуры, между тем как там, как я помню, они были только украшением полей, которые они оглашали своим пением. Да, это был идеальный мир, мир всеобщей любви и всеобщего счастья, мир, в котором не было горя, слёз, чёрствых корок, лохмотьев, недоимок. Вы, любезный читатель, опять, может быть, скажете, что всё это иллюзия, что потому, что я был мал ростом и не развит умом и вкусом, мне низкие предметы казались колоссальными, люди безнравственные добродетельными и уроды Антиноями². Я не знаю, может быть и так. Но я могу вас уверить, что другой мир, мир лохмотьев и сухих корок я узнал только позднее, я увидел и мужика в куле под дождём, и хижину из кизяка, и сидоровскую³ коллекцию хлебов Архангельской губернии и другие знаки высокой российской культуры, но всё это – говорю – я увидел позднее и вдоволь насмотрелся. У меня явилось недовольство жизнью, я начал думать, что может существовать другой мир, и постепенно в моём уме начал создаваться новый, воображаемый мир, добрый, прекрасный. И, вот странно, любезный читатель, – я открыл теперь, что я не создал этот прекрасный мир из ничего, а только по частям возобновил тот детский мир, который был забыт мною. Спасибо вам, детские годы! Если б не вы, может быть, не было бы и того недовольства настоящей жизнью, если бы не ваш «возвышающий обман», я, может быть, примирился бы спокойно с корками и лохмотьями. Если некогда разбойник покаялся на кресте, я уверен, что он перед этим вспомнил своё детство, свои счастливые годы. Да что разбойник, даже чёрствый маклак, и у него размягчается сердце, когда в голове его возникают детские воспоминания. Сухой мистер Скрукс у Диккенса, вспомнив, как он ребёнком проводил Рождество, умилился и послал рождественский пирог своим приказчикам и прибавил жалованья⁴.

Думая такие думы, я шёл вперёд по дороге к Кислому озеру. Я миновал ситцевые и бумажные фабрики, я миновал кожевенные и мыловаренные за-

² Императорский фаворит (?–130 н.э.), обожествлённый и ставший каноном красоты в Древнем Риме.

³ Сидоров Михаил Константинович (1823–1887) – промышленник, публицист; меценат.

⁴ Потанин неточно запомнил имя героя и детали финала «Рождественской песни в прозе» (1843).

воды, и наконец очутился в стране, где нет ни одной фабричной трубы. Ещё немного, и я буду дома. Я был одет просто, сапоги мои были в пыли, скромный сюртук прикрывал моё тело, шляпа была без всяких прикрас. Я думал, что за беда, что моя одежда не бросается в глаза, пожалуй, я имею и золотое шитьё на платье, и плюмаж на шляпе, и ордена на груди, и дипломы разных учёных обществ, я так много, много сделал во время своего сорокалетнего служения науке и обществу, что и без всяких внешних признаков – мне казалось – меня узнают и примут с восторгом, стоит мне только назвать себя, как все засуетятся вокруг меня, начнут приветствовать, приглашать к себе и радоваться моему прибытию. Ведь слава моя, по всей вероятности, дошла и до Кислого озера, потому что я немало славных дел исполнил; приду, думал я, в деревню потихоньку, не надену на себя никаких знаков отличий и скромненько залезу на полати. Спросят: откуда, милый прохожий? я отвечу: иду из-за красного столба. Как тебя звать? Тогда я скажу: я ваш, кислоозёр такой-то! Как заговорят в избе. Неужели это ты. Да ведь ты гордость нашей деревни! Ведь мы хвалимся твоим славным именем, когда напьёмся пьяны на праздниках. Слышали мы, и до нас дошли вести, какие труды совершила твоя умная головушка на пользу общую. Ты и закон Мариотта об упругости газов поверил, и о судьбах женщины толстущую книжищу написал⁵, и вопрос о кустарной промышленности возбудил. И начнут меня тогда из дома в дом таскать, как дорогого гостя, как таскали когда-то моего отца, когда он приезжал к своим землякам на несколько дней в году из города, в котором служил. Я вспомнил эти тёмные зимние ночи, отец несёт меня на руках по улице, переходя из одного дома, где его только что угостили, в другой, куда его чуть не насильно ведут для нового угощения; сзади нас скрип стоит от идущих по снегу сапогов, громкий разговор, женские голоса, песня и балалайка с бубном; входим в новый дом: стол уставлен закусками и винами, меня стараются убаготворить орехами, пряниками; но я хочу спать, потому что уже поздно; меня укладывают спать в чужом доме, окружают ласками, а отца уводят далее. Такое радушие, почёт, а между тем отец мой был ничем не замечательный человек, законов Мариотта не поверял, книги судеб женщины не писал, о кустарях не имел понятия, и только в молодости напечатал в каком-то журнале крохотную статейку «Путевые очерки по дороге от Кислого озера до Горько-Солёного и обратно»; я читал её, – никаких этнографических заметок, одни личные воспоминания автора о том, где он пил чай, видел пасущийся скот и проч.; возвращаясь в свою деревню Кислое озеро, автор восклицает: и дым отечества нам сладок и приятен, и тем заканчивает свою статью. Я не мог удержаться от улыбки.

⁵ В рассказе «Первые сутки» (цикл «Лютые дни») Потанин иронично соотнёс закон Мариотта и ночной спёртый воздух тюремной камеры: «Воздух начинает сгущаться. Фимиам клубится от полушубков, выделанных квасом, потных рубашек, онуч, образующих трёхъярусные гирлянды вокруг печи, от салаки <...> разлагающейся под ногами в грязной тряпиче, наконец от прелых ног и флатуленции», т. е. кишечных газов. В этом контексте воспринимается и книга бывшего областника С. С. Шашкова «Исторические судьбы женщин, детоубийство и проституция» (Изд. 2-е, доп. СПб., 1872. 600 с.) вкуче с его «Очерком истории русской женщины» (СПб., 1871. 142 с.) и запрещённым изданием «Женское дело в Америке» (СПб., 1875. 245 с.).

Иду далее. Вот уж я очень, очень близко от Кислого озера; по окрестным деревьям и их жителям можно уже судить о том, как живут кислоозёрцы. Боже мой! лохмотья, сухие корки и раскрытые крыши и здесь. А о законах Мариотта и не слышали, и книги «о женщине» не читали. Наконец я пришёл в деревню Горько-Солёное озеро, от которой до Кислого озера считается только 20 вёрст.

Иду по знакомой дороге, которая вьётся между берёзовыми колками; почти каждое колено дороги мне известно, вот знакомая мягкая зелень мелкой травки конотопки, которая сопровождает с обеих сторон чёрную, как смоль, вырезанную тремя глубокими колеями в чернозёме, дорогу. Вот блеснуло большое озеро – это Кислое озеро, скоро я буду дома. Выхожу из-за колки – и родная деревня вся целиком передо мной, как на ладони. Эта груда ничтожных домишек с дерновыми крышами поразила меня, издали уже заметно, что ждёт внутри улиц; с защемлённым сердцем вхожу в улицу – домишки низкие, поражают убожеством. Вхожу – в один из них, показавшийся мне лучшим. Перешагнув через порог, я помолился Богу, поздоровался с хозяевами и сел на лавку. Меня спросили, кто я такой, я назвал своё имя. Молодой хозяин продолжал чинить сапог у лавки, но не оборотился ко мне лицом, молоденькая девушка продолжала прясть, пожилая хозяйка, выносившая лохань из избы, прошла мимо, не остановившись и не подняв изумлённых глаз. Очевидно, имя громкое в других местах здесь теряло всякое значение и силу, как пуля на излёте. В других местах пробуждающее молодые умы студентов и студенток к полезной и бескорыстной деятельности, здесь оно было простым безотнотительным звуком природы вроде шелеста листа осины или звука от падения воды с мельничного колеса. Однако, спросил я, не слышали ли вы о человеке, который поверял законы Мариотта? Ничего не слышали. По крайней мере не читали ли книгу женских судеб? Нет, не читали – как же так, говорю, не читали такой хорошей и большой книги! Не знаю, право, как это мы не читали её с нашим попом, сказал молодой чистильщик сапогов; оплошали, видно. Мы, с нашим попом, – что это значит, подумал я; оказалось, что все кислоозёрцы сплошь неграмотны, и единственный понимающий грамоту в их среде – поп. На их наречии фраза: мы читали новый царский указ, – значит всегда, что поп читал указ и рассказал остальным. Я должен был убедиться, что мои учёные труды прошли бесследно для моей родной деревни; они не принесли никакого улучшения в жизнь ни прямым, ни косвенным путём. Жители жаловались, что быт их не только не улучшился за последний период времени, а, наоборот, стало хуже. Прежде в озере была рыба, теперь не стало; лесу и травы стало меньше; где прежде накашивали 15 копён, накашивают только 5; прежде неурожаев не было, теперь стали часты; за неимением леса перерубают избы из старых, отчего избы становятся ниже; скот мельчает, удои уменьшаются, народ ростом тоже уж не будет против прежнего. А у податей карман стал шире. Если вы не слышали обо мне, сказал я, то не помнит ли кто моего отца? Молодой хозяин, оказалось, родился в год смерти моего отца. Стали спрашивать соседей – тоже никто не помнит. Привели наконец седого согбенного старца с другого конца деревни. Ты, дедушка, не помнишь ли его отца? – спросили его. Помню, очень хорошо помню, отвечал старик. – Мы с ним вместе в орду ездили. Наш-

то теперешний огород это его был, и теперь ещё растут в нём вишни, которые он своими руками сажал. А сына-то его не помню. Помню, что был сын, а он ли это самый пришёл теперь в нашу деревню – не могу сказать.

Для меня стало ясно, что я чужой для этих людей. Они собрались вокруг меня большой толпой, но я чувствовал себя между ними самозванцем. Для них я был только любопытным зрелищем, и собравшиеся вокруг меня земляки от разговоров обо мне то и дело отвлекались к разговорам о более существенных для них предметах. Имена людей, лошадей и коров, которые они упоминали, события, о которых они рассказывали, были для меня чуждой массой звуков, между тем всё, что относилось до этих животных, было более правдивою действительностью, чем моё происхождение из Кислого озера. Приезд в их деревню торговца занимал их больше, чем моё прибытие, потому что он привёз им ситцы, кожаный товар и железные вещи, в которых они нуждались. Я начал чувствовать себя окончательно не на месте, когда заметил, что огромная толпа исключительно занялась сообщениями о вновь привезённых товарах, о их ценах, добротности и пр., хотя я и сидел посреди её; я начал тяготиться своим центральным положением, которое я занимал ещё, и, освободившись из толпы, пошёл к нашему старинному дому. Боже мой, каким он показался мне низеньким сравнительно с тем, чем казался прежде. Какие маленькие окна! Дом точно врос в землю. Я вошёл в него в намерении попросить нынешнего владельца его позволить мне посмотреть те комнаты, где я провёл своё детство, где с рыцарской честностью служил своей Лидиньке. Вид прихожей показался мне очень странным: тёмное отверстие печи было наполнено обрезками от казённых бумаг, которые, точно ленточные глисты, сплетались между собою и свешивались вниз множеством концов; в углу стоял ночной горшок и половая щётка, упирающаяся на заметённый к стенке ворох сора; у окна сидел сторож, погрузившийся в наблюдения над мухами на оконных стёклах. Воздух в прихожей стоял удушливый, свойственный задним ходам. Из двери несло свежей извёсткой и самым вонючим табаком. Могу я видеть хозяина? – спросил я. – Здесь дом казённый, отвечал сторож. Я увидел вывеску и прочёл на ней надпись: какое-то правление. Я был глубоко огорчён: канцелярская схоластика царила в тех комнатах, где мы создавали и приводили в исполнение свои детские фантазии, облака вонючего табачного дыма носились там, где прежде Лидинька распространяла запах фиалки; наша мирная детская, где мы видели столько золотых снов и поцелуев нашей няни, обращена была в тюрьму для бродяг, и в вишневой роще раздавались не детские голоса, а голоса сторожей, нарезающих розги для заключённых. Нет, любезный читатель, не бывши сорок лет на родине, не ходите смотреть её; лучше умрите на чужбине. Иначе вы будете горько наказаны.

Я пошёл в церковь. Я помню ещё старую церковь; помню, как вместо неё выстроили новую и при постройке последней деятельное участие принимал мой отец, составляя чертежи, рисунки и сметы. Старая церковь была без пролёта, и плоский потолок пригнетал к земле думы молящихся. Отец мой настоял – это стоило ему больших хлопот, и он впоследствии гордился этим чтобы построить новую церковь с пролётом. Я полюбил новую церковь, высоко, вы-

соко поднимался свод, под ним свободно дышалось и молитва будто вольнее неслась к небу; но теперь, странно, свод не показался мне особенно высоким, обстановка церкви была бедна. Из храма я пошёл на кладбище, где могила моей матери. Тот же общий вид кладбища, как и во время моего детства, но кресты и насыпи другие. На могилах цвели те самые цветы, которые цвели во время моего детства; вот беленькие скабиозы, которые занимали меня своим рисунком, похожим на кружево, вот лиловые цветы, симметрично развешанные на ножках, напоминавшие телеграфные столбы, я помню, они останавливали на себе мой детский ум оригинальностью своих бутонов, которые походили на швейные подушечки. Названия их я не узнал, но всегда, как только встречал их где-нибудь во время своих путешествий, вспоминал кладбище Кислого озера и могилу моей матери. Как теперь помню голбчик над могилой моей матери, т. е. зелёную деревянную решётку с зелёной крышей над ней; на крыше был укреплён голубой шар с жёлтым крестом. Отец ежегодно подкрашивал голбчик, поправлял мелом надпись на чёрном кресте и клал цветы на могилу. Но сколько я ни ходил по кладбищу, я не находил знакомой могилы; моя память отказалась служить мне, потому что кладбище изменило свои границы, что было окраиной, очутилось в середине; бывший центр кладбища переместился, и я не умел найти среди леса чёрных крестов. Я перечитал множество полустёртых надписей на покосившихся и лежавших на земле крестах, но имени моей матери не встретил. Я обратился к жителям деревни, все жалели, смотрели на меня как на несчастного, потерявшего свою мать, едва ли не как на человека, над которым тяготело проклятие за какое-нибудь великое преступление, но никто не мог указать мне могилу, которую я искал. Быстро представились мне тяжёлые чувства, с которыми должна была умирать моя мать. Отец мой попал в несчастье и был заключён в тюрьму, именно его расхитили судьбы, а мать носила уже давно в себе зачатки болезни. Мне было всего 5 лет, мать любила меня страстно, не зная, какая судьба ждёт моего отца, оправдается ли он или погибнет, она чувствовала, что оставляла меня на произвол судьбы. Мне стало жаль своей матери. Мысль, что она умерла несчастной женщиной, сжала моё сердце, и слёзы полились у меня из глаз. Я пожелал в этот момент найти такую любящую грудь, у которой я мог бы снова успокоиться, я вспомнил и ангела моего детства, Лидиньку! С какой бы быстротой я бросился к ней и обнял её ноги! Но я видел Лидиньку в Петербурге – это была не та Лидинька; это была светская дама, за громадной вежливостью которой нельзя было рассмотреть её настоящее сердце, доброе ли оно или сухое. И я теперь подумал:

.....в палатах
Ты роскошуешь и не жаль
Тебі покинутої хаті.

А здесь:

Верба усохла – похилилась,
И стелечка, де ти ходила,
Колючим терном поросла.

А ты?

До кого ти перелетела
В чужой земли, в чужой семье?
Кого ти радуешь?⁶

Любовь моего детства, лучшая любовь была также разбита, как и всё остальное. Тупая боль всё более сжимала моё сердце. Я чувствовал, что я стою над трупом моего детства, что я потоптал всё в жизни, что было мне дорого, и у меня не осталось более ничего ценного. Я вдруг увидел, что в этом чувстве моего отчаяния было моё наказание, – но за что?..

ИЗ ПЕРЕПИСКИ МОЛОДЫХ ДРУЗЕЙ

Ну, вот я и на родине, дорогой друг. Родина, родина, с каким чувством нетерпения я рвался к тебе назад! Вспоминаю ещё и теперь нашу маленькую комнату на Васильевском, наши собрания, дебаты, помню наше одушевление. Вижу, брат, и твою фигуру нескладную, длинную, несколько встрёпанную, точно проснувшуюся, машущую как мельница руками и в то же время одушевлённую, увлекающуюся, с полными юного огня глазами, слышу твои резкие речи, не допускавшие возражения⁷. Помню, как ты спорил и настаивал на том, чтобы мне воротиться домой и посвятить себя всецело деятельности на родине. Мне и самому в голову не приходило поступать иначе. Мы очень тогда оспаривали нашего философа и космополита N., который доказывал, что каждый волен выбирать себе поле деятельности и что большому кораблю – большое плавание, то есть место не в захолустьях, а в просвещённых центрах. (Не знаю, уехал ли большой корабль в земскую управу.) Теперь все эти наши юные разговоры и споры встали предо мною и осветились совершенно иначе. Ведь я стою у практической жизни, у самой, так сказать, воды, и мне предстоит броситься и пуститься вплавь. Стало быть, думать приходится серьёзно. Знаю одно, что мы были большие теоретики и мечтатели. Передам то, что я пере-чувствовал, и, прости, может быть, тебя несколько разочарую.

С приезда, конечно, я испытал, прежде всего, приём родных и их радость. Само собой разумеется, они гордятся, что я, так сказать, отломал курс и покончил с воспитанием. Я тебе говорил, как они неохотно меня отпускали. Они думают, что я теперь на дороге и смело пущусь в жизнь, места мне везде готовы, деньги, так сказать, посыплются. Семье будет легче, сестрёнок отдадим в гимназию, да и старику-отцу пора в отставку. Мало того, на меня смотрят «свои» как на «гения», как на человека, который всем нужен. Это они так думают, но сам я стою на распутье, и веришь ли, мучусь так, как никогда не мучился. Сначала я ещё услаждался бабушкиными масляными пряженниками, но теперь в мой рот начали попадать и горькие пилюли. Меня окружила горькая, старая действительность. И, ох, как она непривлекатель-

⁶ Из стихотворения Т. Г. Шевченко «Не кидай матері» — казали...» (1847). Орфографический произвол Потанина.

⁷ Изображён Н. М. Ядринцев. Нижеупомянутый N. – С.С. Шашков.

на показалась после того, что было пережито в университете и в товарищеском кружке.

Обходил старых приятелей, везде вздохи, уныние и зависть. – «Счастливец, где ты побывал!» – говорят они, а один даже откровенно спросил: «Тебя-то ещё зачем принесло сюда?!» – Приятный сюрприз для меня!! Сначала я был огорошен всем этим и обижен, а потом у самого явился вопрос, – зачем я в самом деле приехал и что делать? В самом деле «служить родине» ведь это слишком общая фраза. К этому мы в своих дебатах весьма мало подготовились, да, признаться, подготовлены и мало воспитанием. У меня остались в памяти только порывы, желания, решение, но весьма мало подготовки и определённого плана.

Ты знаешь моё исключительное положение, или, так сказать, исключительное возвращение, которое собственно и может быть поучительно. Все, окончившие курс в университете, как ты знаешь, уже заранее получают места, правда, не всегда такие, как хотят, но, тем не менее, всегда с готовой должностью, прогонами и жалованьем. Правда, привилегиями мы не пользуемся, как уроженцы Европейской России, но бывали случаи, что и наши при назначении получали пирог с начинкою (двойные прогоны): это уж счастливы. Впрочем, и без двойного оклада получить готовое место важно для дальнейшего существования. Уж и это благо. Тут дело в шляпе! Ни думать, ни искать, ни задаваться вопросом: «что делать?» – не приходится, а нужно только явиться к начальству. Пришёл в какую-либо канцелярию, закурил папиросу – и конец. Вот это самое место, дескать, на стуле, по праву мне принадлежит, никому я ничем не обязан, а буду ли я здесь рапорты строчить или папиросы курить, – это уж моё дело. Даже можно сделать с большим шиком и с видом призвания, даже гордо можно смотреть на общество в пенсне, вернувшись из университета на готовое место, зная, что по диплому ты будешь иметь даже некий шанс впереди. Таким самодовольным, гордым и самоуслаждающимся я встретил, например, Ваську «Золотые Рожки»; ты ведь помнишь его и кличку, которую мы шутя ему дали, когда он, получив место, сдуру заявился к нам, в нашу каморку на Васильевском, в треуголке и в лайковых перчатках. Ваську, брат, здесь нельзя узнать, как индейского петуха, ведь у него свои лошади, два пальца гражданам протягивает. Не особенно его, правда, долюбивают, а некоторые так и просто говорят: «Поросёнка Бог дал!». Но Вася проникнут своим призванием. Он нисколько не сознаёт, что он собственно на готовых хлебах сидит, место это благодаря протекции получил, но он думает, что он призван к сему посту, ну как там в «Пророке» поётся⁸. А вся его деятельность, как я узнал, состоит в полканье по округу и в распеканье довольно бестолковым, признаться сказать, мужиков.

– Наезжал, – рассказывал мне мужик про него, – за порубку нас распекал: «мошенники», говорит, вы, «воры»... – Каково – Васька-то! – он, который Некрасова декламировал, правда, скверно декламировал, но всё-таки декламировал.

⁸ Опера (1849) французского композитора Дж. Мейербера; в России шла под названиями «Осада Гента» и «Иоанн Лейденский».

Впрочем, я вижу уже досаду на твоём лице. Чёрт с ним, с Васькой, говоришь ты, зная, что ни ты, ни я завидовать ему не будем. Да, не будем, друг, – мы покажем, как можно честно, благородно работать, не беря готового хлеба, не будучи «золотыми рожками». Однако что же мы будем делать, на чём это мы покажем себя? Зададим-ка «вопросец», как ты говаривал, ставя в тупик нашего математика.

Вся разница в том, что я приехал не на готовое, а именно захотел явиться в родной город и, осмотревшись, взяться за такое дело, какое понравится. Я, можно сказать, «пионер» из вас вышел. Поезжай, «действуй», – говорили вы, а от нас тебе в случае надобности и совет, и благословение. Я боюсь требовать от вас обещанного, но желал бы, чтобы вы помогли мне распутаться с моими мыслями, так как едва ли вы можете помочь выходу из моего затруднительного положения.

Начнём хоть с того, что мы, вступив в стены университета, забыли один «вопросец», о котором до окончания и выхода из университета не думали. А «вопросец» этот по-прежнему существовал да покарауливал нас. Мы забывали одну вещь во время нашей «подготовки к жизни», и чуть ли не самое важное. Мы забывали, что нас встретит жизнь вполне сложившаяся, в известных формах, с её унаследованными от старины порядками, скреплённая обычаями, в ней всё сплочено, приноровлено к известному ходу, сложилась она без нашего участия. В этой жизни всё по-своему целесообразно и уместно. И исправник Иван Спиридоныч, и писцы его канцелярии, и г. казначей, который выдаёт Ивану Спиридоновичу жалованье, – все они люди нужные и необходимые. Даже кривой Аристархыч, архивариус, который, когда я гимназистом был, смотрел покойником и заговаривался, и тот – необходимое лицо в жизни. Обращаюсь к обществу. Вот Моржанов, первостатейный купец и воротило, все дома имеющий в закладе и свой гостиный двор, вот и Михеич, – все они люди нужные уже потому, что с капиталом, но что! – даже прасолы⁹ на рынке, занимающиеся перекупом, и те считают себя людьми самостоятельными; возьмём сапожников, булочников – о тех уж и говорить нечего. Даже мужик, привёзший к ним дрова на двор и зябнувший вот уж два часа, дожидаясь, когда хозяин вернётся, – и он, как взглядишься в него, сознаёт прекрасно, что ты без его дров поколеешь, а без муки умрёшь с голоду. Теперь скажи, могу ли я всё это сказать про себя? Кому я нужен с своим дипломом, у кого явится запрос на меня? Я знаю, меня не придут просить заняться чем-либо, да я и не настолько самолюбив, – я сам должен искать, «зондировать почву», как мы выражались. И я зондировал её достаточно: в одном месте приспросишься, не нужны ли, мол, люди; затею разговор якобы совершенно праздный, теоретический о том, куда кинуться, веду его, конечно, в том тоне, как будто просто выбираю, где лучше. И знаешь, какое всегда впечатление выносил от собеседника? Пока дело идёт вообще насчёт моих прав и звания, всегда дело сводится на комплименты. «Ну, вам-то бы ещё места не найти, вы университетский», – рассудит собеседник, а когда дело дойдёт до того, где я нужен и кто меня охотно примет, оказывается, что, собственно, говоря правду, во мне никто не нуждается.

⁹ Торговцы перекупленным мясом.

– Да, трудновато нынче самому определяться, – скажет слушатель, – а впрочем, прикамандруйтесь, авось и на вашу долю сыщется казённое местечко.

Но ведь ты поймёшь, к чему это клонится, что я должен подписать себе этим? Явиться и просить из милости «готовых хлебов»! – да и чем я буду отличаться от старого столоначальника, который бывает у моего отца и который вышел из кантонистов¹⁰, служит 20 лет и дело знает куда больше моего. Мои юридические познания! – но в старых судах, в старом губернском правлении, в старой казённой палате – кому они нужны? Видел я здесь и чиновников особых поручений: самый деловой из них дирижирует танцами в собрании, другой по особым поручениям у Лидии Александровны. Статистика, та статистика, которой мы увлекались когда-то с тобой, мечтая о наших будущих экономических исследованиях, здесь находится в руках старейшего Купидоши, который когда-то умел считать только кур в экскурсиях по деревням, но для того, чтобы сводить присланное волостное враньё по казённым таблицам, и Купидон годится. Знаешь, я встретил в одном городе проездом и университетанта, но и он, увы, ничего более Купидоновой работы не выполнял, ибо не требовалось.

Но дело не в этом; может быть, я и пойду в столоначальники или через два месяца также танцами буду распоряжаться, но повторяю – скажи, почему, однако, я сознаю, что я никому не нужен, что без казённого куса я жить не могу, что я на своих ногах стоять не умею? Причём тут была наша гордость, что мы проложим «новую дорогу», что мы что-то внесём, что мы не будем похожими на других, когда приходишь к тому, что мы только и приноровлены идти по готовой дорожке, а самостоятельных сил, таких знаний, какие бы ценились и были нужны всякому, – у нас нет? Не странно ли почувствовать себя с первого шага если не лишним, то каким-то беспомощным ребёнком. Знаешь, мы ведь считались студентами большими плебеями; уж где, кажется, можно было встретить более ограниченные потребности: просто в любую идеальную общину иди, со всем примиришься. Но как сведёшь итоги и посмотришь на результат, так вдруг испугаешься. Да какой же я закалённый плебей вышел, когда у меня развилась масса потребностей самого изысканного комфорта, ну, хоть с того начиная, что я без галош насморк получаю, без «цигарки» думать не в состоянии, без театра скучаю и т. п. Словом, я не могу «служить человечеству» без мехового воротника и не пользуюсь известным комфортом. Просто удивительно: вёл, можно сказать, суровую жизнь, а изнежил себя, – на охоту поехал, и то простудился. Наконец, я растратил массу сил, приобрёл при своей экономии катар желудка в греческих кухмистерских и нервозность от ночных занятий, ожесточённых споров и разных искусственных тревог. Где же мои силы, где моя крепость, молодость? Вот до чего я договорился. О, если бы теперь я поговорил с вами, я, может быть, в ваших философских положениях нашёл бы такую массу противоречий и при платоническом¹¹ стремлении

¹⁰ В 1805–1856 гг. сыновья нижних воинских чинов, по происхождению обязанные к гарнизонной (кантонистской) службе.

¹¹ Понятие связано с диалогом Платона «Пир», где говорится о любви вне плотской чувственности.

осуществлять известные идеалы в жизни совершенно противоположную подготовку в вашей собственной жизни так же, как отсутствие всякого предведения, что вас ожидает на родине. Прости, мой друг, письмо моё растянулось. Извини, что я начал нашу беседу с родины грустным анализом. Это немудрено. Ведь предо мной не идеальный образ спящей красавицы¹², не «декорация», которую мы себе рисовали, а холодные струи жизни. Разгорячённый, разгоревшийся, я как будто выскочил из вашего круга, напоённый возвышенными фразами и стремлениями, и попал в купальню, да ещё в глухую осень. Ныряй! – говорит жизнь. – Ух! холодно.

Прощай, дорогой товарищ, пиши, хоть выругай, и за то буду рад. Твой Карым.

«Дурак!» Так и ожидал. «Дурак!» Спасибо, дружище, одолжил! Вот ответ на моё искреннее, простодушное письмо, тем не менее и за это я кидаюсь на шею к тебе. Узнаю, узнаю тебя и ещё раз благодарю. В одном ты ошибся: я далеко не в удручённом состоянии духа, не только «не повесил носа», как ты выражаешься, напротив, нос мой, можно сказать, стоит на подобающей высоте и впивает в данную минуту веяние «весенних воздушных». Напротив, брат, я даже несколько в возбуждённом состоянии, которое мог бы назвать, пожалуй, «одурелым». Причины этому, во-первых, весна! Ах, дорогой друг, как давно я не дышал этим чистым воздухом! Лишь только запели весенним голосом петухи и прогалинки начали оттаивать, как я пришёл уже в восхищение, так бы и пустился из нашего города вон в поля, в леса смотреть на оживающую природу. Ах, как давно, давно не чувствовалось так хорошо! Даже старухи наши, когда пригрело солнце, на завалинку вылезли. Даже сонные губернские «мастодонты» наши – и те что-то почувствовали: один о заимке говорит, другой о пасеке, а третий в деревню Белобородову собирается. Я начал пользоваться всеми случаями и всеми своими знакомствами, чтобы порыскать в окрестностях, и вот я, братец, после этих поездок с ума схожу. Целая куча новых мыслей, новой внутренней борьбы, новых соображений и планов. Не брани же меня за прошлое письмо, я, право, исправился. Но извини, если я всё-таки буду приставать к тебе с вопросцами; но вопросцы эти будут вопросцами жизни. Прежде всего, милый друг, прими к сведению, что я живу, а не философствую, как вы; не задаюсь кабинетной тенденцией, не ищу журавля в небе, а смотрю на жизнь, открыв глаза, как она есть, живу и чувствую. Разница огромная! Вся суть в собственном наблюдении и впечатлениях, применяемых даже к самым обыденным явлениям. Ведь чего проще и прозаичнее коровы, но ведь и корову мы видели более на картинках, а вот она живая стоит и жуёт свою жвачку да хвостом помахивает. Я полагаю, братец, что и корова в жизни совсем иной покажется. Поэтому к чёрту абстракцию! Пойдём лучше искать жизни.

Отправился я, братец, прежде всего на пасеку и заимку к Ивану Макаровичу, целую зиму он мне рассказывал о ней. Ты помнишь – Иван Макарович мелкий торговец у нас на базаре тесёмками, крючками и разной мелочью. По-видимому, это человек утрюмый и тупой, зимой он только в шашки играет,

¹² Образ Сибири в очерке Н. М. Ядринцева «Спящая красавица» (1882).

но достаточно заговорить о его пасеке, как он вспыхнет весь, начнёт рассказывать, как он рой сторожит, как он его ловит, как за пчелой следит, как матку садит, и, рассказывая это, можно сказать, живёт. Начнёт расписывать пасеку: «Лужочек, говорит, у нас тут, ручеёк, трава душистая для пчёлки, тайга-матушка подле, пойдёшь прогуляться, захотелось «ель ронить», ударишь её под корень топором, а она по другую сторону речки падает», – словом, поэт Иван Макарыч на своей пасеке. Вот с ним-то мы и собрались на прогулку в апреле. Поехали в телеге, по дороге за наше кладбище, гляжу и точно я вижу всё вновь, и вдруг...

Но постой, здесь я немного отвлекусь. Знаешь, как мы постепенно в своём воспитании утрачиваем понемногу все впечатления, когда-то усвоенные с детства, забываем картины своей родины, близкую обстановку, и вместе с тем утериваем постепенно все свои привязанности и забываем живые образы, заменяя их фантастическими и кабинетными. Живые воспоминания и впечатления, которые должны бы составить базис наших отправлений, постепенно исчезают от нас, и часто мы не можем объяснить и различить, где и когда мы что-то подобное видели. Пример. Раз в Питере мы с тобой долго засиделись в гостях, чуть ли не в Поварском, и затем в морозище, в пальтишках, протесали на свой Васильевский; я, помню, сильно иззяб. Забравшись под одеяло дома и укрывшись пальто, я крепко заснул; помню, что сон был сладкий. Споры, разговоры – всё выветрилось дорогой, а осталась только усталость в членах и какая-то приятная истома. И увидел я, братец, сон. Маленькую красивую речку, всю в ракитниках, такую красивую, а кругом летний день, хожу я по этой речке и не налюбуюсь. Проснулся я тогда и давай, помню, тебе рассказывать, а ты мне в ответ:

– Ну что ты, баба, что ли, сны стал разбирать, – так и осёк меня. Сон я этот, однако, помнил. И вдруг, братец, неожиданно, выехав теперь с Иваном Макаровичем вёрст за 7 от города, я увидел эту самую речку и ракитники. Как это могло случиться! Да так, что я речку эту видел в детстве. Начал вспоминать, при каких обстоятельствах, и оказалось, что мать нас когда-то сюда детьми гулять водила. Помню, мы устанем, а она нас всё ведёт, вот мы у речки, день жаркий, пить хочется. – «Пейте, как знаете», – смеётся мать, и мы кидаемся и пригоршнями цедим воду, умываемся. Теперь я вспомнил всё.

Ведь она, точно утка утят, нас вывела в первый раз посмотреть на мир Божий, она показала первая нам, как плавать надо, может быть, учила и от ястреба хорониться. А я всё забыл. Твердил я одно впоследствии, что родители наши были люди тёмные и «консерваторы», и этого было для меня довольно. Только теперь вспомнилось, как мой «консерватор» родитель ходил всё в стареньком мундиришке, а после – в рваном халатишке, и ведь, однако, выкормил меня, одел, да и несколько десятков рублей на дорогу дал. Помню, как положил он мне крест, когда я поехал, лицо серьёзное, бледное. – Ты, говорит, ведь не веришь... – дальше не вымолвил: – а вот тебе, всё-таки, – и рука его задрожала. А вот старуха хотела что-то положить в чемодан, да так и остановилась, вижу – не смотрит она на меня, а слёзы-то капают да капают. Я вспомнил этих «консерваторов». Вспомнил утро своего детства, вспомнил всё...

– Нет, стой, Иван Макарович! – сказал я, слезая с телеги.

– Что тебе? – спросил он.

– Хочу на минутку осмотреться. – Он остановился. Я слез и старался уловить и понять те смутные чувства, которые нахлынули в мою душу. Теперь я будто вспомнил, что меня смутно связывало с моей землёй, ведь и у меня были здесь дорогие люди, я вспомнил их ласки и слёзы. Меня душило что-то, приступало к горлу, грустное благоговейное чувство охватило меня, точно я стоял на кладбище. Я склонил голову. – «Простите!» – шевелилось в душе. Но скоро я почувствовал свежий прилив воздуха. Предо мной было не кладбище. Река сверкала, зеленел лес, и голубой купол неба лежал так широко, открыто. Я жив, я молод, я полон сил и опять на твоём лоне, мать природа! Едем, Иван Макарович, я отдохнул.

На пасеке ожидала нас иная картина. Лес развёртывается, выходили везде цветы, травка; в нескольких шагах от луговины, где лежит пасека с хижинкой, опускался чудный кедровый лес. Иван Макарыч осмотрел хозяйство, пересчитал колодки. Старик-пасечник походил на какого-то святого отшельника, он жил здесь с ранней весны. Отовсюду веяло священной тишиной природы, её божественным величием. Два дня я бродил здесь с Иваном Макаровичем, раскладывали курево, ходили осматривать колодки, Иван Макарович открывал их, постоянно поддувая зажжённую гнилушку, чтобы отогнать пчёл. Он мне много рассказывал про пчеловодство и увлёк меня. У меня начали вертеться целые планы. Я вспомнил, что в Петербурге был на выставке пчеловодства, и начал спрашивать: знает ли Иван Макарович «рамочную систему», новые ульи и т. д. Иван Макарович очень заинтересовался и начал меня подробно «допытывать», к сожалению, я оказался плохим знатоком. Помню, что и о пчёлах читал, но в связи с социологией какой-то. Я дал, однако, обещание выписать хорошую книгу по пчеловодству. – Книга-то книгой, а опыт да терпение своим чередом, – сказал он. – Ты, говорит, видел большущую деланную пчелу на выставке. А вот я тебе эту самую пчелу покажу, – и он повёл меня на пасеку, показал мне маток, трутней и проч., и прочёл, словом, целую лекцию.

Я увлёкся мечтами, как бы ввести у нас улучшенные способы пчеловодства и устроить даже съезды пасечников. Но ведь вспомнил, что всему этому нужно было учиться, а я дурак перед ними.

Местность меня очаровала, мы исходили днём вёрст десять. Иван Макарович говорил, что здесь в речке золото искали, действительно, я видел старые шурфы. В прогулке нашей я собирал цветы, Иван Макарович мне показывал лекарственные травы. Старик много видел на своём веку. В лесу он был как свой человек. Знал отлично породы леса, бродил по тайге без боязни заблудиться.

Взобравшись в одном месте в гору и очутившись на высоте, я почувствовал себя особенно хорошо. Я вспомнил, как в какой-то опере Прянишников на высоте стоял и пел¹³. Моя грудь расширялась, мне хотелось огласить эту долину, эти высоты какой-нибудь арией, я начал её, но кончить не мог. Внизу

¹³ Прянишников Ипполит Петрович (1847–1921) – оперный певец. Имеется в виду опера А. Г. Рубинштейна «Демон» (1872).

Иван Макарыч в это время доставил себе особое удовольствие, он вынул топор и «ронил ель»: она рухнула с своей тёмной верхушкой, загородив реку. Молодец Иван Макарыч, а ведь ему 60 лет! Вечером мы сидели опять около курева, на воздухе. Работник Ивана Макаровича Степан рассказывал, как он в тайгу ходил на прииски, сколько испытал этот Степан, какие рассказы! Я лёг и бредил всю ночь, как бы хорошо устроиться нам где-нибудь заимкой и создать себе и занятие, и здоровую жизнь, перетащить бы тебя и Васю, пчёл бы завели, скота, работать бы стали вволю, в охотку. Отчего это нам никогда в голову не приходило? Вспомнил я наших барышень, худеньких, отощавших на петербургских гнилых харчах и на чердаках. Вот бы куда их на поправку вывезти. Ведь вот я читал, ездили же какие-то русские в Америку, а чем здесь не Америка! Вспомнил я N..., цветущую, как весенняя сарана, стройную, как наша лиственница, с тайгой на голове, с ясными, как весенние озёра, глазами. Представилась она здесь на пасеке, с её бойким смехом.

– Дурак! – восклицаешь ты. Ну, не буду, не буду, – не ругайся!

Но наутро всё это прошло, а осталось одно, что всё это мечты, а на самом деле осуществить что-нибудь, даже маленькое, мы не учились, да и не умеем.

Возвратясь с пасеки, мы нашли у Ивана Макаровича приезжего приказчика, он приехал с прииска по поручению за закупками и уезжает завтра же. Когда они переговорили с Иваном Макарычем о делах, я уселся с ними за чайком. Человек оказался тоже интересный. Много он передал мне о тайге и приисках. Бывал он везде – и на Олёкме, и на Амуре. Был он в такой глухой тайге, куда никто не проникал. Рассказывал, какие непочатые богатства встречаются в нашей Сибири, как он напал на целые скалы, где камень гнётся от богатого содержания руды, видел он аметисты и раух-топазы в их месторождении. Рассказывал о весенних разливах таёжных рек, о перевалах через горы и встречах с беглыми, и о том, как проводил с ними время около костров, слушая героические истории. Крестьянская жизнь ему была известна, ибо он ездил по деревням и нанимал рабочих. Он передавал, что порядочный домохозяин не идёт на прииски, а идёт несчастный или смотавшийся. С детства мальчиком он ходил с обозами и насмотрелся всего, жил в скитах у раскольников, много он перевидел всякого народу. И я позавидовал этой жизни, полной приключениями. Надо прибавить, он отличался умом и здравыми суждениями обо всём; своим испытаниям и подвигам он не придавал значения и говорил о них скромно, как о деле обыкновенном. Замечательно, что он везде, однако, устраивался, везде находил кусок хлеба.

– И мешки таскал-с на пристанях, – говорил он, – и на пароходе капитаном после командовал, и на прииски партии водил, всё бывало. – И, тем не менее, это была обыкновенная жизнь сибирского приказчика.

Сравни этих людей теперь с теми, с кем мы привыкли встречаться в нашем обществе. Не правда ли, какой контраст они представляют с ними, с людьми изнеженными, искателями насиженных казённых мест? Признаться сказать, эти простаки произвели на меня впечатление гигантов сравнительно с нами. Понятно, когда я воротился в город, мне всё показалось мелким, жалким, вздорным. Мне захотелось пожить жизнью трудящегося, обыкновенного

человека, побывать и в деревне, и в тайге, испытать, проникнуть жизнь во всех её направлениях, видеть её во всей неприкрашенной обстановке. Я мечтаю пожить среди массы населения и походить хотя пешком по деревням; мне кажется, даже бодрее, свежее почувствуешь себя среди этого населения, чем среди наших городов. Словом, я понял теперь, что мы, предполагавшие, что стоим выше общества и массы, не знакомы и не знаем о существовании среды, в которой многому бы следовало поучиться, а главное, уменью «стоять на своих ногах». Наше нытьё становится перед этим просто жалким. Также мы относимся высокомерно и разборчиво ко всякому делу, то есть иначе, к чёрной работе, а на самом деле вся работа чёрная, а белая работа, в сущности, безделье.

Взгляни в каждый захолустный угол, в любую деревню, сколько здесь дела. Ребятишки безграмотные бегают, детей больных и уродов приносят десятками, как принесли мне недавно в одной деревне, приняв меня за фельдшера. За советами, с прошениями лезут, словом, дела гибель везде, везде можно сделаться нужным человеком. (Я узнал, что лечат сибирских крестьян, дают им разные снадобья, – кто бы ты думал, – прохожие бродяги. И во что обходится населению это шарлатанство, ты можешь сообразить.) Поверишь ли, досада берёт, что, начиняя себя всякой всячиной, мы забываем приобрести такие познания, которые здесь могли бы пригодиться. Ни ремесла мы не знаем, ни сельского хозяйства, словом, ничего, что бы нас сделало практическими рабочими людьми. А ведь, зная это, мы могли бы лучше и теоретические вопросы разрешать. Выводи сам что надлежит из моих впечатлений, а теперь скажу одно: и дело есть, и работа готова, да сами мы плохи.

Твой Карым.

С. С. Шашков

Письмо Г. Н. Потанину

Публикация И. Ф. Юшина, примечания Н. В. Серебренникова

Шашков Серафим Серафимович (1841–1882) – историк, публицист. Сын иркутского священника. По делу о сибирском сепаратизме в 1865–1868 гг. находился в омской тюрьме под следствием, в 1868–1874 гг. отбывал ссылку в Шенкурске Архангельской губ. Ведущий сотрудник журнала «Дело» умер в Новгороде от поражения спинного мозга, оставив в бедности жену с двумя детьми.

Потанин считал, что Шашков был «хороший диалектик» и «хороший стилист» (*Потанин Г. Н. Шашков и Ядринцев // Сибирская старина. 1999. № 16. С. 41–42*), но у него шло «укрывательство глубокой своей оригинальности в многоучёное компилирование» (*Он же. Письма. Иркутск, 1988. Т. 2. С. 75*), и из Шашкова «вышел только шаблонный западник» (*Он же. Воспоминания // Сибирская жизнь. 1914. № 76. С. 4*).

Письмо интересно пиететом к Потанину и неприязнью к его соратникам, поволжским областникам. То же видим и в статье «Спасители отечества из Казани»: «Когда о бескорыстном труде говорит или пишет Г. Н. Потанин, то он не возбуждает в нас ничего, кроме чувства уважения», но если это «г. Агафонов, то не знаешь, чему тут изумляться, тупости или наглости» (*Дело. 1876. № 4. Раздел 2. С. 85*).

Письмо публикуется впервые. Подлинник: Красноярский краевой краеведческий музей, № 1297–1297 об. сквозной пагинации. В угловых скобках – редакторские вставки.

Прошу переслать Г. Н. Потанину¹.

Многоуважаемый Григорий Николаевич, Вы можете выдать гг. Агафонову и Лаврскому тот печатный аттестат, о котором говорите в своём письме², я же не могу отказаться от своих сомнений относительно их добродетелей, и Ваше письмо указало мне ещё две прекрасных черты в их нравственной физиономии. Вместо того, чтобы печатно опровергнуть меня цифрами и фактами, они прячутся за Вас в надежде, что моё уважение к Вам не позволит мне резко спорить с Вами в печати; как, далее, назвать то, что, столько раз призывая меня через Вас и через Ядринцева сотрудничать в «К<амско->В<олжской> г<азете>», они теперь отпираются от этого и даже Вас убедили, кажется, что

¹ Надпись сделана на письме, внутри конверта, адресованного Н. Я. Агафонову

² Агафонов Николай Яковлевич (1842–1908) – историк, писатель. Лаврский Константин Викторович (1844–1917) – юрист, публицист; младший брат жены Потанина. Редакторы «Камско-Волжской газеты» (Казань, 1872–1874) и сборника «Первый шаг» (Казань, 1876). Заступаясь за них, Потанин 22 мая 1876 г. написал Шашкову, что хотел сделать это печатно, но «было бы нехорошо лишить Вас возможности поправить дело собственной рукой» // *Потанин Г. Н. Письма. Иркутск, 1989. Т. 3. С. 50*.

Вы приглашали меня независимо от них!.. Но ведь дело тут не обо мне, и я не о себе писал, а обо всех, которых они приглашали и на которых злились за отказ.

Ругайте меня сколько хотите, они могут даже целый том посвятить изображению меня в виде доносчика и т. д.³, – но я ни в печатные, ни в письменные объяснения с ними вступать не намерен, хотя при случае и разовью свои сомнения относительно бескорыстия их и некоторых других издателей, которых Вы, судя о других по себе, считаете людьми безусловно честными. Если г. Агафонов представит убедительный бюджет «К<амско->В<олжской> г<азеты>», я охотно и с удовольствием оставлю свои сомнения, но и в таком случае я не могу печатно выразить своего уважения к личности, которую мало знаю и которую в моих глазах достаточно характеризует его литературное братство с г. Лаврским.

Уважающий Вас С. Шашков

1/VI-1876.

---

³ В «Первом шаге» «треть сборника, 140 страниц (“Литературное обозрение”) заняты голою бранью на столичную журналистику <...> а относительно меня г. Л. поступает не только неприлично, но даже бессовестно»; статью «Красоты обывательской журналистики» Лаврский «называет “докладом” (т. е. доносом)» о провинциальной прессе. – Шашков С. Спасители отечества из Казани // Дело... С. 71–73.

В. В. Сапожников **Письмо А. В. Адрианову**

Публикация и вступительная заметка В. М. Крюкова

Сапожников Василий Васильевич (1861–1924) – биолог, географ. В 1890–1893 приват-доцент Московского университета. Докторская диссертация Сапожникова «Белки и углеводы зелёных листьев как продукты ассимиляции» (1896) имеет в истории науки мировое значение. В 1893–1901 экстраординарный, с 1901 ординарный профессор Томского университета, в 1908–1909, 1917–1918 его ректор. В 1918–1919 министр народного просвещения в колчаковском правительстве. С 1922 декан физико-математического факультета Томского университета. Умер от рака лёгких. Могила утрачена.

Адрианов Александр Васильевич (1854–1920) – археолог, этнограф, публицист. В Томске в 1884–1887 редактор «Сибирской газеты», в 1917–1919 – газеты «Сибирская жизнь». Расстрелян. Могила неизвестна.

В письме идёт речь о «Сборнике к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина» (Томск, 1915) под редакцией и с предисловием В. В. Сапожникова и со статьёй А. В. Адрианова «К биографии Г. Н. Потанина». Как видно, в редколлегии предполагался Солнцев Сергей Иванович (1872–1936); приглашённый из Петербурга, он в 1914 временно значился профессором по кафедре финансового права и от составления сборника устранился. Карту путешествий и беллетристику в книгу не включили. Публицистику взял на себя Шатилов Михаил Бонифатьевич (1882–1937), юрист, впоследствии этнограф; в 1914–1917 редактор журнала «Сибирский студент», в 1917 – газеты «Голос свободы», в 1918 министр туземных дел Временного правительства автономной Сибири, в 1922–1933 директор томского краевого музея, с 1933 в соловецком лагере как «заговорщик», расстрелян в Ленинграде.

Подлинник: Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского гос. университета. Папка 11. Л. 239–240. Угол листа с февральской датой оторван.

<...> П. 1914

Многоуважаемый Александр Васильевич!

21 сентября 1915 года исполнится 80 лет со дня рождения Г. Н. Потанина. Друзья и почитатели Григория Николаевича решили отпраздновать этот день устройством торжественного собрания и изданием сборника избранных сочинений Г. Н. Потанина. От первого Г. Н. категорически уклонился, отказался даже от более скромного соединённого заседания некоторых общественных организаций г. Томска. Таким образом, если и состоится что-либо в этом роде, то в отсутствие Г. Н., во всяком случае, об этом будет особый разговор весной. К изданию сборника Г. Н. отнёсся сочувственно, и это дело теперь на очереди. Объём сборника определён в 14 печ. листов, из них 12 листов пойдёт

собственно на сочинения Г. Н., которые распределяются на три отдела: научно-географический, публицистический и художественно-беллетристический. Выбор статей по первому отделу поручен мне, по второму – проф. Солнцеву и по третьему М. Б. Шатилову. Кроме того, в сборник войдёт биография Г. Н. и моё введение с краткой характеристикой. Составить биографию Г. Н. собрание поручило мне просить Вас как человека, с которым Г. Н. провёл большую часть своей жизни и пользовавшегося его искренним расположением и доверием. Со своей стороны и я, как редактор сборника, обращаюсь к Вам с той же просьбой, находя, что никто не сможет составить биографию Г. Н. так содержательно, как это сделаете Вы. Максимальный размер биографии 1 1/2 печатных листа (по 30 000 б.) и никак не больше. За содержательность её говорит Ваше умение и близкое знакомство с Г. Н., но, разумеется, в описании нужно быть осторожным в характеристике некоторых сторон деятельности и взглядов Г. Н., чтобы книжка вообще увидела свет и не была вовремя прибрана к рукам.

На издание сборника, которое обойдётся около 900 р. (с портретом и картой), производится сбор между друзьями и почитателями Г. Н., который в самом начале уже достиг свыше 400 р. Предположено собрать до 1 200 р., чтобы излишек в 300 р. вручить Г. Н. на летнюю поездку в Алтай. Весь валовый доход со сборника будет также поднесён Г. Н. в виде подарка друзей. Сбор решено ограничить томскими знакомыми, оставляя другие города в резерве для сбора фонда премии имени Г. Н. при обществе изучения Сибири, о чём будет особый разговор.

Ввиду того, что печатание сборника начнётся через 1½–2 месяца, прошу Вас не задерживать написание биографии и вообще уведомить меня, как Вы смотрите на это дело.

Гр. Ник. сильно одряхлел за последний год, даже за последние месяцы, и, как это ни печально, можно ждать всего, а потому и с актом нашего внимания нужно торопиться.

С совершенным уважением В. Сапожников.

Из почты журнала

Я тоже жил в тех местах

Я постоянный читатель журнала. Хочется поблагодарить редакцию за серьёзную работу в подборе прозаического материала для публикаций. Считаю, что уровень прозы в журнале довольно высокий. О стихах этого я сказать не могу.

Журнал не только литературный, но и краеведческий. История поселения, в котором живёшь, не менее важна, чем история страны. Поэтому мне было очень интересно читать публикацию фрагментов воспоминаний из книги Степана Климова «Морщины времени» (журнал «Начало века» № 3 2019, № 1 2020).

Валентина Зарубина в аннотации к публикации назвала сталинские депортации трагическими страницами. Это так. Но при чтении этой публикации пришла ко мне крамольная мысль: едва ли лучше сложилась бы жизнь Степана, если бы его оставили на Родине. По Прибалтике дважды прокатывалась война, которая никого не щадила. А Сибирь оказалась не самой злой мачехой.

Я родился в посёлке Канаскино в 1949 году. Там был шпалозавод, и в бараках посёлка жили прибалты, кавказцы, немцы. Могу отметить, что жили дружно. После войны невест среди местных было много, и помню, что один ссыльный из Прибалтики, сойдясь в гражданском браке, честно сказал: «Там у меня есть жена, и, если освободят, то мы расстанемся». Так и произошло.

В 1961 году шпалозавод в Канаскино закрыли, так как вырубил весь кедровый лес у реки Когоды. Шпалозавод перевезли в Ново-Югино на Васюган вместе с жителями посёлка. И вот я в Старо-Югино. Это уже не деревушка, какой её видел Климов 15 лет назад. Есть средняя школа, больница, детский сад, интернат, клуб.

От того, что описывал Степан Михайлович, сохранился дом основателей посёлка Югиных, в котором он квартировал, и ещё функционировала артель.

По поводу артели Климов пишет: «Наш председатель всё настойчивее нам предлагал укорениться, водил на задки посёлка, к пустующему дому с огородом, обещая это хозяйство в случае нашего вступления в членство артели имени Менжинского». Они не хотели вступать в артель – закабаление здесь было слишком очевидно. В мои годы – 1960-е – артель мне нравилась. В её распоряжении было несколько участков леса около посёлка. Артельщики – люди, которые тоже мне нравились – заготавливали зимой на лошадях древесину. Делали это выборочно, аккуратно. На этих участках, даже после закрытия артели, ещё долго весь посёлок вдоволь набирал ягоды и грибов. Потом всё заросло багульником и мелколесьем, урожая кончились. Заготовленную древесину пилили на доски и весной отправляли в Томск. Я, учась в седьмом классе, успел поработать на погрузке плах на баржу. Удивляюсь, каким был сильным. Пятиметровую некромлёную плаху нёс один с берега по трапу на баржу. После артели рачительное отношение к лесу прекратилось.

Читая книгу, ощущаешь, как жизнь буквально бурлила на Васюгане. Описано путешествие ребятишек вверх по реке, которое организовал В. Г. Рудский, а автор книги был мотористом на примитивнейшем, но сделанном руками ребят судёнышке. Описана масса деревень, которых уже нет. Но я их ещё видел. Описано то, как радушно их всюду встречали, чего лишены жители городов. Мне сдаётся, что в наше безвременье таким, как Рудский, реализоваться сложно. Попробуй оторви ребятишек от компьютеров. Я знал Валентина Григорьевича уже в пожилом возрасте. Как-то раз помог осуществить его мечту: побывать на болоте. Они есть вблизи Тимирязево. Надо было видеть, как он преобразился. Начал что-то искать, высматривать. Я с трудом держал его в поле зрения, чтобы не потерять. И то, что Степан Михайлович Климов сотрудничал с Валентином Григорьевичем, говорит о многом. Скажи мне, кто твой друг – скажу, кто ты.

В публикации хорошо описано становление Каргасокского Дома культуры. Мне, всю жизнь активно участвующему в художественной самодеятельности, и на фоне проблем с Домом культуры в Тимирязево, где сейчас живу, читать это было завидно. Жаль, что государству давно нет дела до культуры. Да и бывших подвижников не осталось.

Большое спасибо автору за описание обской вечерней зари. В повествовании «На Оби» сделано это художественно безупречно. Жаль, что автору вот так же непринуждённо не удалось полюбоваться красотой и величием тайги, боров и Васюганских болот. Он и их так же бы с любовью описал.

После прочтения частей книги мне очень захотелось прочитать её всю. Я позвонил племянникам, которые ещё живут на родине, с просьбой найти у Валентины Зарубиной электронную версию. На следующий день они мне сообщают, что поинтересовались у Зарубиной, и оказалось, что книга есть в Яндексе, и они сейчас ею зачитываются. Я, несмотря на глубокий вечер, открыл текст и не выключил компьютер, пока не удовлетворил своё желание. Книга была издана в 2012 году смехотворным тиражом в 50 экземпляров. Она была бы как глоток чистого воздуха для тех, кто заканчивает свою жизнь в каменных джунглях Томска, да, пожалуй, и в тех местах исторической родины, куда вернулись после ссылки. Глядя на то, как досконально автор описывает каждый закуток Старо-Югино, видишь, что он любит эти места даже много лет спустя.

Моя двоюродная сестра видела, как приехавшая из Прибалтики женщина припала к земле в посёлке Бондарка около Каргаска. Таких прикипевших к Васюганским просторам, видимо, много. Л. Н. Толстой писал: «Не буду говорить о тех миллионах глупостей и гадостей, которые делаются этими существами: как собираются в самые заражённые ими же самими места в огромном количестве в среде незанятых огромных пространств земли, строят в одной местности дома в тридцать этажей...».

Уважаемая редакция! Продолжайте выискивать такие шедевры и радовать нас, ваших читателей.

Борис Былин

Листая второй номер

Листая второй номер журнала «Начало века» этого года, увидела стихи В. М. Крюкова и стала их читать. Но вместо предварительного скоростного просмотра произошла неспешная встреча с волнующими строками, затронувшими сердце.

Похоже, сегодня настало то время, когда не мода, а душа требуют нового витка осмысления жизни.

Она у поэта Крюкова тёплая и благородная, её беспокоят и мучают «...в преддверии холодов брошенные скворешни», дорогие друзья, которые «...красиво вот так трепетали... и нет их сейчас на земле...». Не всякий человек так чуток, да и поэт, увы, не всякий.

Стихи рисуют и «картинки» жизненного пути поэта: «...жизнь картофельная, дровяная, а какая могла быть иная? Всё на месте и всё – для меня».

Я обожаю Л. Н. Толстого и часто обращаюсь к нему. Вот и сейчас он подтвердил мои думки: «Поэзия есть огонь, загорающийся в душе человека. Огонь этот жжёт, греет и освещает... Настоящий поэт сам невольно и страданьем горит, и жжёт других, и в этом всё дело».

Меня стихи В. М. зацепили искренностью и отсутствием пафоса, простотой слова и глубиной мысли.

Уж точно соглашусь с Д. Джебраном, что «поэзия – это не просто изречённая мысль. Это песнь кровоточащей раны или же улыбающихся губ».

Стихи Владимира Михайловича – и есть эти песни. Он открыт для счастья и хорошо улыбается, радуясь жизни, несмотря на не простую судьбу, которая не часто щадит творцов.

Видимо, поэтому «синяя птица» о нём не забывает: «И взгляду просторно, и не оттого ли так радуется сердце дыхание воли...».

И пронзительно «кровоточат» строчки: «И нет утешения проще, что жребий у каждого свой...», «...Кажется, смерть над тобой склонилась. Кровь зелёная остановилась...».

Поэт не хвалится успехами, не приукрашивает свою жизнь, откровенен: «...да, я не отбывал повинность, не перекатывал камни. Не выматывался на пределе...».

Очень даже понятно, отчего «...слегка потрепало», но и: «разве мало мне перепало? Просто я научился ждать...», если вспомнить биографию поэта, если заметить его честность в неприятии существующей несправедливости, хамства...

Ранее он написал: «...Глядеть грустнее и больней на торжествующую серость», и сегодня: «И наступает время иное – прошлое отлетело. Время воздуха? перегной? Наше ли это дело...».

Но дело-то, похоже, его. Переключка с богатой историей мира, обращение к основной идее христианства обогащают поэзию современного поэта-гражданина, который наверняка знает, откуда явился его дар: «...Ты сделал то, о чём я просил...». Для меня его обращение к «Вечной теме» – стремление разобраться в собственной жизни, к чему призывал Иисус Христос.

Поэт ироничен: «Эй, друзья, объясните мне толком, что ли духом народ обнищал? Оттого, знать, немалые толпы, припадающие к мощам?». Он сам не из того «бездумного стада», что «дружно пылит за бесплатною панацеей». И это мне очень импонирует.

Он заявляет: «Мне дороже святая свобода от чудес, от елейных кадил». Но ведь не свободен от простых человеческих тревог и опасений: «Вот уже ветер пахнет простудой. Холодом, холодом тянет оттуда».

А порою стихи Владимира Михайловича пахнут: «Подышать осиновою прелью и берёзовым холодком», но всегда от них веет любовью к людям, Родине, своим друзьям...

Не литератор, тем более, не критик, я только читатель, и попыталась выразить свои чувства, немного попридержав избыток эмоций. Да, защемило моё сердечко, зануло оно от щемящих слов, от близких мне оцущений поэта.

«Отчего же сегодня не быть тишине содержанием целого дня? Это дело хорошее, это по мне, это всё в руках у меня...». Ну что тут ещё скажешь...

Разве что привести как моральную поддержку из далёкого XVIII века слова известного поэта и эссеиста Перси Биши Шелли: «Никогда так не нужна поэзия, как в те времена, когда вследствие господства себялюбия и расчёта количество материальных благ растёт быстрее, чем способность освоить их согласно закону души».

Людия Пустовойтова

Открытое письмо

Владимир Михайлович! Прочёл подборку ваших стихотворений (Владимир Крюков, «Начало века», № 2 2020). И со второго прочтения пишу свои впечатления.

Безусловно, самым сильным стихотворением из этой подборки я считаю первое: «Когда вошёл Он в Гефсиманский сад». Хотя религиозная тематика – не моя сфера предпочтений, я от религии далёк, мне, как говорится, Марс ближе. Конечно, не настолько далёк, чтобы не знать ничего. Естественно, библейские истории и персонажи мне знакомы, хотя и не так глубоко. У Вас получилось передать скорбь Иисуса в последнюю ночь, когда он, зная о том, что предательство свершится и он примет крестные муки, тем не менее, остаётся со своими апостолами, прощая людям их грехи. Хорошее стихотворение.

И ещё заставило улыбнуться: «Эй, друзья, объясните мне толком», выпад против якобы верующих. Я таких людей знаю лично, вроде они, как люди науки, казалось бы, должны обладать известным скепсисом, но под влиянием вдруг возникшей моды (именно так) на религиозность, начали припадать к святым мощам. Меня это сильно удивляет. Вот потому это стихотворение Ваше и понравилось – созвучно моему восприятию подобных явлений.

Ещё, как говорят тинэйджеры, «торкнуло» стихотворение «Дождь пришёл из-за тёмного бора» – оно, скорее, автобиографическое, если можно так сказать. Жизнь прошла, она не кино, назад не прокрутить, и всё же, несмотря ни на что, жизнь – прекрасная штука. Так я его понял. Остальные стихотворения – в основном минорные: грусть о прошедших временах, о невозполнимых утратах, о невозможности уже что-то исправить в прошлом. А «Небесная свежесть зовётся озоном» – оптимистичное, совсем противоположное «осенним» строкам.

Читать стихи надо под настроение, они, в общем-то, и воспринимаются всякий раз несколько иначе. А как описать то неосязаемое, что ты чувствуешь в душе при чтении таких строк:

*«И нет утешения проще,
Что жребий у каждого свой.
Стою на краю этой роици
С опущенной головой»?*

Мне – сложно. Хотя я понимаю, о чём речь, или мне кажется, что понимаю, но вот так взять и разложить по полочкам... Ну не знаю, у меня не получится, по крайней мере, сразу. Как, например, описать, почему мне нравится курлыкание журавлей в небе или голос кукушки в лесу? Нравится – и всё. А почему – как объяснить? Вот так у меня обстоят дела с лирической и философской поэзией.

Владимир Козубов

Мария Пахорукова

ИСТОРИЯ ПОПЕРЕЧКИ

*(из воспоминаний старейшего жителя Семиозёрки и Самуся
Л. Н. Войцеховского)*

Если ехать по трассе от Самуся в Томск, то на шестом километре есть поворот в ельники направо. Там когда-то шла просёлочная дорога, которая соединяла Поперечку с Семиозёрками.

Почему у деревни название такое? Дорога из Поперечки проходила как раз поперёк дороги на Самусь. Отсюда и название.

В 1949 году Самусьский судоремонтный завод помог поставить на этой речке небольшую электростанцию. Турбина была. И в течение весны, лета и до глубокой осени в Поперечке был электрический свет. И это был нонсенс, потому что Семиозёрки впервые свет получили только в 1958 году. Его из Самуся провели. Самусьский завод нуждался в электроэнергии, которую провели по ЛЭП из города Томска. Что и говорить про дальние деревни.

В Поперечке было проведено радио в каждый дом. В правлении колхоза находился микрофон. И колхозники разнарядку на работы получали прямо по радио через микрофон, находясь ранним утром ещё дома. Это было просто удивительно, поскольку окрест нигде подобного не было.

Жители деревни отличались большим трудолюбием. Кузьмины, Турановы, Лысёнок, Бормотовы – эти фамилии доминировали в Поперечке.

В колхозе всегда был должный порядок. Снаряжение для лошадей, упряжь, телеги, инвентарь для обработки земли, пахоты, для уборки урожая – всё это находилось в образцовом состоянии.

Колхоз был не богатый, но о людях члены правления заботились: выдавались трудодни. Колхозникам, особенно после войны, жилось трудно. Весь урожай сдавался государству – нужно было после войны кормить город. Крестьяне сибирских колхозов, да и не только сибирских, а по всей стране, должны были сдать со своего подворья определённое количество молока, яиц, шерсти от овец. Это не считая налогообложения коллективных хозяйств – самих колхозов. Постоянно присутствовали налоговые инспекторы. Собирали осенью скот и уводили его в город на мясокомбинат. Город надо было кормить, промышленность поднимать.

Строились новые города оборонного назначения, такие, как наш Северск. Нужно было платить государственный заём. Позже, в семидесятые – восьмидесятые годы частично возвратили по облигациям незначительные денежные суммы. Но многим вообще не выплатили, а многие и не дожили до этого времени.

Такой была, в общем и целом, Поперечка первой половины XX века.

Во время войны – голод, нужда. Были и несчастные случаи. Так, у Бормо-

товой Фёклы Павловны, солдатки, потерялся ребёнок двух лет. Она ушла пилить дрова в лес весной. А мальчик находился рядом. Утонул ли в болоте, или был съеден зверьём – непонятно. Искали по следам, но так и не нашли. Фёкла Павловна после этой потери заболела, да так и не поправилась. У неё было воспаление мозга, как определили врачи того времени. Она часто плакала. Это незаживающая рана.

Второе событие, которое потрясло не только Поперечку, но и жителей близлежащих деревень, случилось летом 1943 года. Это было единоборство одного человека, жителя Поперечки, с группой нарушителей закона военного времени. Ребятишки купались в речке Самуське, когда увидели, что в лесу горит костерок, и какие-то люди спят вповалку. А один стоит с винтовкой у сосны. Видимо, часовой. Мальчишки побежали в деревню, в правление колхоза. В то время там был Хорошко Пётр Петрович, оставленный на подмогу в тылу. Высокий, косая сажень в плечах, справедливый в делах...

Как и всегда, в то время находились не желающие идти вместе со всеми на фронт. Они прятались в тайге. Найденная мальчишками группа была пятнадцать – двадцать человек. Думали, что война скоро закончится, на фронте обойдутся и без них. А кто-то был противником советской власти. Они и организовали такую банду, скрывались в лесу. Милиция их долгое время никак не могла найти. В 1942 году они убили милиционера Королёва Никиту Егоровича. Он был единственный представитель милиции на деревни Петропавловка, Семиозёрки, Кижирово. Преступлений особо тяжких не совершалось. Не случались ни кражи, ни разбойные нападения. Все были заняты трудом. Но эти бандиты, скрываясь в лесу, нет-нет да и заглядывали в деревни, в чей-нибудь двор. Овцу или свинью зарежут, бычка уведут. А что могли поделаться с вооружёнными молодыми мужчинами женщины и старики?

И так случилось, что накануне Пасхи жители Поперечки сотворили стряпню и вынесли её в кладовку. Услышали ночью, что в кладовке что-то гремит, какие-то люди ходят. А это бандиты забрались и украли съестное, сохранённое и приготовленное к празднику с большим трудом. Люди об этом сообщили милиционеру Королёву. Он сел на коня, взял с собой винтовку, пистолет, и погнался за бандитами. Почему один? Теперь уже на этот вопрос никто не ответит. Очевидно, связь телефонная была слабой, да и не было времени ждать подмогу. Бандиты уходили в сторону Семиозёрок, заманивая милиционера. Он им вслед кричал: «Стой!». Они не отвечали. Свернув в сосняки подальше от деревни, заманили туда стража порядка. Он был застрелен. Забрали телогрейку, оружие, лошадь с седлом. Милиционер исчез. Никто не знал, куда он делся: уехал за бандитами и потерялся. Бандиты его убитого затоптали в болото. А когда крестьяне проезжали, чувствовали, что в том месте шёл дурной запах. Думали, может быть, лось утонул, или корова застряла где-нибудь в болоте. Никто близко не подходил. Следственная комиссия установила, что потерялся человек, и где он находится – неизвестно.

...И вот через год купающиеся в речке ребятишки из Поперечки обнаружили стоянку бандитов. И Пётр Петрович Хорошко, непонятно почему, решил, что он один справится с бандой. Он сел на коня, взял оружие и прим-

чался к месту стоянки бандитов. Крикнул: «Руки вверх!». Но был застрелен первым же выстрелом. Когда бандиты убрались, об этом стало известно в деревне. Начался переполох. На месте перестрелки нашли зелёную телогрейку, снятую бандитами с убитого годом ранее милиционера Королёва. В результате этого следователи могли подумать, что Королёв в банде этих дезертиров. Потом вызвали регулярную часть чекистов, которые долго преследовали банду. Бандиты прорывались через болото в районе Красного Яра к реке Обь, чтобы переправиться на острова и там скрыться до конца войны.

В Семиозёрках Хорошко поставили памятник после войны. На нём указана дата смерти: 20 июня 1943 года. Архивные документы об этой истории хранятся в музее НКВД Томска.

Попереченские дети получали начальное образование, так как в селе была только четырёхлетка. Поперечка находилась в шести километрах от Семиозёрок, да ещё плюс два километра до Самуся. Ходить по безлюдной тайге опасно.

Другое дело Петропавловка, Покровка, там место повыше и светлее лес... В Петропавловке была школа-семилетка. После её окончания дети могли продолжить учёбу в Самусьской средней школе.

Из Покровки вышло немало известных людей. Полковник Кириленко, закончив Петропавловскую, а потом и Самусьскую школы, преподавал в школе космонавтов. Там же получили образование дети семьи Гинько: Виктор Иванович был прекрасным токарем, в Самусьской РЭБ флота до последних дней своей жизни работал мастером инструментального цеха.

Самое большое экономическое несчастье – это укрупнение колхозов. При всём уважении за всё хорошее, что сделал Никита Сергеевич Хрущёв. Это и строительство крупных гидросооружений на сибирских реках, и освоение целинных и залежных земель, когда народ впервые наелся хлеба. Более того, в столовых хлеб лежал на столах бесплатно, это было особенно сподручно для студентов, которые, купив стакан сладкого чая, могли перекусить.

Но очень непродуманным делом Хрущёва было укрупнение колхозов. Необходимо собраться жителям окрестных поселений в близлежащую самую большую деревню. И там будет центр большого колхоза. Но, как правило, у нас на местах либо по-своему понимают решения, либо не дорабатывают. Стараются не возразить.

Здесь, в Сибири, в нашем болотистом низменном крае, тогда был Туганский район, и центром района был посёлок Туган возле железной дороги, которая сейчас идёт в Белый Яр. Упразднён Туганский район был 8 февраля 1963 года. Земли в основном вошли в состав Томского района Томской области. У меня в свидетельстве о рождении записано, что я родился в Туганском районе.

Так вот, в нашем, тогда Туганском районе, от Орловки до станции Туган было более сорока деревень. В основном жителями деревень, в том числе и Поперечки, были переселенцы, приехавшие в Сибирь по Столыпинской реформе. Они разрабатывали пашни, сенокосы, и жили довольно безбедно. В тридцатых годах объединились в колхозы. После Отечественной войны стали

понемногу оправляться, хозяйства приходили в надлежащее состояние. Конечно, рабочих рук не хватало. Женщины, подростки, дети и оставшиеся в живых мужчины – все выходили на полевые работы. И вот в 1954 году решили объединить в один колхоз три деревни: Кижирово, Семиозёрки и Поперечку. В честь объединения устроили большой пир в Семиозёрской средней школе. Всё было обставлено празднично, с выпивкой и угощением. Это было время неформального объединения, формально уже были подписаны все документы и в обкоме, и в райкоме партии.

Но начались распри. Если, скажем, у попереченцев был в хорошем состоянии инвентарь, упряжь, лошади, телеги, и люди дружные, то такого нельзя было сказать о Семиозёрском колхозе «Рабочая правда». И относительно трудовых ресурсов у них было скудно. Там оставались старики, подростки, неприкаянные женщины. А молодёжь всячески старалась устроиться на Самусьский судостроительно-судоремонтный завод. Это было понятно. Рабочие хоть небольшие деньги, но получали. Они имели собственные сенокосы, и материально жили значительно лучше, чем колхозники. И молодёжь, подрастая, старалась правдами и неправдами выйти из колхоза и после армии устроиться на завод. Поэтому Озёрки как колхоз были очень бедны.

Кижировский колхоз назывался «Борьба с капиталом». В польской Малиновке был колхоз имени Пушкина.

Во время объединения начался спор. Семиозёрские колхозники призывали объединить своих худых лошадей, инвентарь с добротными из Кижирово, Поперечки. Потом какой-то храбрый человек из руководства говорит:

– А чего это в Поперечке стоит малая электростанция? Чем это попереченцы лучше нас? Да мы сейчас перевезём её оборудование и поставим на Кижировской протоке. И у нас будет своя электроэнергия. Не понимали того, что на большой реке такую малую электростанцию было не под силу не только колхозу, но и целой области поставить. Потому что при строительстве необходимо учитывать все гидротехнические особенности. Разобрали эту электростанцию, мельницу убрали, и очень долго на берегу Самуськи лежала турбина. Там её, наверное, замыло водой, как будто она там и схоронена.

Самое страшное заключалось в том, что для того, чтобы свезти всех в одну деревню, закрывали магазины и школы. Так поступили в деревне Троицк, где было две больших улицы, жил трудолюбивый народ. Когда деревня осталась без школы и без магазина, люди поневоле стали переселяться. Таким путём попереченцы переехали в Семиозёрки. Вскоре они убедились, что дела во вновь образованном колхозе идут плохо.

Во время застолья по объединению случилась драка: подвыпившие пошли деревня на деревню. Дерущихся с трудом разняли. Это запомнилось как недобрый знак, что порядка дальше не будет...

Деревня Поперечка в начале шестидесятых годов практически исчезла. В Озёрках попереченцы увидели, что дела идут не очень хорошо, молодёжь стала сбегать в Самусь. И тогда трудовые резервы совсем потерялись, деревень не стало. Один из трактористов, Василий Ульянович Хроменко, живший позднее в деревне Дубровке, когда приехал через несколько лет в бывшую По-

перечку, то не смог найти место, где стоял его родительский дом. И таких деревень погибло огромное количество.

А тут ещё после войны потребовалось очень много рабочих рук для того, чтобы строить жильё в нашем Северске. Завод оборонного значения приглашал специалистов высокого порядка на секретные, необходимые государству объекты. А на простую работу, как-то вымешивать раствор, класть кирпичи, быть грузчиками, и прочие подсобные работы принимали деревенских жителей, которые снялись с насиженных мест. Бросали хорошие дома, усадьбы, продавали скот, и уезжали в Северск и на другие стройки. В Северске сейчас очень и очень много уже в третьем поколении деревенских жителей из Петропавловки, Виленки, Кижирова, Семиозёрок и, конечно, Поперечки. И теперь только по фамилиям можно узнать потомков бывших крестьян, вынужденных выходцев из развалившихся колхозов, ушедших навсегда из деревень. Вот такое несчастье постигло Поперечку.

Когда был построен Северск, стал вопрос о том, чтобы людям, которых тянет к земле, выделить хоть небольшой участок под грядки. Большие площади пашен были отданы под дачи. Сейчас они превышают Самусь в несколько раз по густоте домов. Это и есть дачный посёлок Поперечка. Кроме этого, под дачные участки ушла часть лесных массивов. Улицы узкие, длинные, хорошо ухоженные. Большой дачный посёлок там образовался задолго до 90-х годов прошлого века. Жители Северска естественно пользовались теми благами, которыми не пользовались живущие вне этой огороженной зоны. Это понятно и государственно объяснимо. Завод оборонного значения, он и должен был снабжаться по ленинградской категории. И его жители жили намного лучше в материальном плане относительно жителей других поселений.

А несчастья с объединениями колхозов лишили наше государство многих-многих деревень. Только по Томской области с лица земли исчезло более пятидесяти тысяч деревень. Точное количество знают статисты.

...Чем хороши наши болотисто-низменные места? Пахотные площади были небольшие по сравнению с Алтаем, Южным Уралом или Оренбургской областью. Но, имея не более трёхсот гектаров пахотной земли, столько же сенокосов, земли всегда давали урожай, так как всегда снабжались достаточным количеством влаги. Не было случая, чтобы крестьяне не заготовили сено, потому что травы вырастали на еланых материковых местах очень богатые, густые. Пусть эти наши деревеньки были совсем небольшими, но в конце сельскохозяйственного года со всех хозяйств собирали огромное стадо скота и отправляли на мясокомбинат в город.

Но что случилось, то случилось. Здесь уже ничего не исправишь. Осталось всё это только в памяти...

И её – память – нам нужно хранить...

2019

**Геннадий Степанович
АНКУДИНОВ**

Родился в 1955 году в Томске. Окончил Томский автомобильно-дорожный техникум. Публикации во многих коллективных сборниках, в журналах «Начало века», «Сибирские Афины». Автор книги пьес «Вознесение». Дипломант Международного конкурса драматургов 2015 года. Работает на Томском нефтехимическом комбинате.

**Владимир Владимирович
БЕЗХОДАРНОВ**

Родился в 1950 году. Томич в четвёртом поколении. Потомок купцов и предпринимателей. Окончил Томский политехнический институт с квалификацией инженера-геофизика. Кандидат геолого-минералогических наук.

С 1987 года работал в отделе экспериментальных геофизических исследований Института геологии и геофизики СО РАН, в 1998–2002 гг. – в Томском геофизическом тресте. Краевед. Печатался в журнале «Начало века».

**Владимир Демьянович
ВАСИЛИНЕНКО**

Родился в 1942 году в Иркутске. Окончил высшие курсы режиссёров и сценаристов при Госкино СССР в Москве, работал режиссёром на Дальневосточной студии кинохроники, Восточно-Сибирской и Западно-Сибирской киностудиях, Горьковской студии телевидения, в телекомпании «Велес».

Печатался в журнале «Дальний Восток», коллективных сборниках. Отдельными изданиями выходили повести, а также три романа. Автор сборника стихов «Высокий день».

Член Союза кинематографистов и Союза писателей России. Живёт в Хабаровске.

**Елена Викторовна
КЛИМЕНКО**

Родилась в 1962 году в селе Первомайском (Пышкино-Троицком) Томской области в семье учителей. Окончила Томский приборостроительный техникум. Училась на факультете прикладной математики ТГУ. В настоящее время инженер лаборатории развития образования ТГПУ. В 2008 г. награждена медалью ТГПУ «За заслуги в области образования».

Публиковалась в литературных изданиях Томска, Кемерово, Новосибирска, Красноярска, Мельбурна, Магнитогорска, Ставрополя, Самары. Автор шести поэтических книг. Член Союза писателей России. Член творческого совета журнала «После 12».

Живёт в Томске.

**Владимир Иванович
КОЗУБОВ**

Родился в 1949 году в пос. Соколовка Алтайского края. В 1969 году окончил Семипалатинский геологоразведочный техникум по специальности «Гидрогеология и инженерная геология». Служил в Советской Армии. Работал в гидрогеологических экспедициях, на Алтайской опытно-мелиоративной станции, в КБ по водоснабжению пастбищ (г. Чимкент). С 2000 по 2018 работал ведущим технологом в Институте физики прочности и материаловедения СО РАН.

Печатался в журналах «Книжный клуб», «Воин России», в коллективных поэтических сборниках. Неоднократно публиковался в журнале «Начало века».

Авторский сборник стихов «Амплитуда» (2011). Сборник рассказов «Перпендикуляры к плоскости бытия» (2015). Персональный сайт автора: <http://ieti.narod.ru/>

Живёт в Томске.

**Сергей Григорьевич
МАКСИМОВ**

Родился в городе Анжеро-Судженске Кемеровской области. Окончил театральное отделение Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Писатель, поэт, режиссёр, преподаватель Томского государственного университета.

Многokратный лауреат фестивалей авторской песни.

Сборники стихов «Концерт без заявок» (1994), «Образ жизни» (1999 и 2004), альбом военно-патриотических песен «Заказ спецназа» (2007).

Автор исторических романов «След грифона», «Цепь грифона» и «Путь грифона» (2010–2013) серии «Великая судьба России».

Член Союза писателей России.

Живёт и работает в Томске.

**Сергей Иванович
НИКИФОРОВ**

Родился в 1966 году в Томске. Окончил отделение журналистики Томского университета.

С 1996 по 2002 год – главный редактор областной ежедневной газеты «Томский вестник». В 2004 году назначен начальником департамента по информационной политике и работе с общественностью Администрации Томской области. С декабря 2012 года работает в управлении коммуникационной политики Томского политехнического университета.

Лауреат премии губернаторского журналистского конкурса 1999, 2001 годов.

**Мария Иннокентьевна
ПАХОРУКОВА**

Родилась в 1952 году в Восточном Казахстане. После окончания Усть-Каменогорского педагогического института работала учителем географии, получив вторую специальность педагога-психолога.

Участвовала в различных творческих конкурсах, удостоена дипломов и медалей. Заняла I место в творческом конкурсе к 100-летию А. С. Солженицына «Писатель, одним словом изменивший ход истории» (г. Томск).

В марте 2019 г. принята в члены Петровской академии наук и искусств.

С 1996 года проживает в посёлке Самусь Томской области. Продолжает работать учителем.

**Татьяна Валерьевна
ПРОКОПЬЕВА**

Родилась 1 января 1976 года в селе Старая Ювала Кожевниковского района Томской области. В 1998 году окончила Томский колледж культуры и искусства по специальности «актёр-режиссёр». Первая публикация стихов состоялась в газете «Томский вестник» в 18 лет. Участник Всесибирского семинара молодых писателей и поэтов (2004). Публиковалась в литературных журналах: «Сибирские Афины» (Томск), «Начало века» (Томск), «Невские огни» (С.-Петербург).

В 2013 году вышла поэтическая книга «Новолуние».

Живёт в Томске.

**Николай Валентинович
СЕРЕБРЕННИКОВ**

Родился в 1954 году в Томске. Окончил исторический факультет Томского госуниверситета, затем преподавал в университетах Новгорода и Томска.

Автор сборников стихов «К морю от медведя» и «Апокриф», исследования «Опыт формирования областнической литературы» (2004), составитель ряда книг архивных публикаций о деятелях русской культуры XIX–XX вв.

**Елена Александровна
СИДОРЕНКО**

Родилась в 1963 году в Красноярске. Окончила биолого-почвенный факультет

ТГУ, затем Академию госслужбы. Работала помощником депутата, занималась общественной деятельностью по защите прав избирателей. В 2017 году получила третье высшее образование по специальности «педагог-психолог». Работала в кризисном центре для женщин и в центре «Семья». Сейчас вице-президент ТРОО «Женский голос», помогает женщинам и детям, пострадавшим от домашнего насилия, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Пишет стихи и прозу. Печатались в журнале «Начало века».

Живёт в Томске.

**Александр Сергеевич
ТАРАЗАНОВ**

Родился в 1954 году в Томске. Окончил Томский коммунально-строительный техникум. Служил в армии, работал электриком, кочегаром... Выпустил несколько сборников стихов («Берёзовый берег», «Черемошинские вирши» и др.) Первая публикация прозы состоялась в интернет-журнале «Наша улица». Печатался в журналах «Сибирские Афины» и «Начало века», в коллективных сборниках Томска и Красноярска.

**Максим Марсович
ХАЕРТДИНОВ**

Родился 1 июня 1990 в Томске. В 2013 году окончил ТГПУ (историко-филологический факультет). С 2013 года работает в лицее № 1 имени А. С. Пушкина учителем русского языка и литературы и педагогом-библиотекарем.

В 2017 и 2019 участвовал в семинарах поэтов «Томский класс».

Публиковался в журнале «Начало века» (№ 1, 2018), в альманахах Всероссийского конкурса «Поэт года» (2019).

**Кирилл Сергеевич
ХАМОВ**

Родился 18 июня 1984 года.

Образование официально неполное среднее в силу объективных причин – инвалидность 1-й группы, ДЦП, тяжёлая форма. Обучался самостоятельно – курсы лингвистики, стихосложения, других филологических предметов.

Автор пяти печатных и одного электронного сборника стихов.

На его стихи написано около 200 песен, которые побеждали в различных конкурсах.

Руководитель музыкальной группы «Сердце ангела». Средства, собранные на концертах, направляются на лечение мальчика, больного ДЦП.

Почётный гражданин Верхнекетского района Томской области.

**Ольга Васильевна
ЧЕМЕРСКАЯ**

Родилась в 1970 году. С юности писала стихи. В ПТУ № 20 под руководством учителя литературы Анатолия Леминского в конце 1980-х был издан сборник, куда вошли её стихотворения. Были публикации в газетах «Молодой ленинец» и «Вечерний Томск». Сейчас обратилась к прозе.

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

Издание томских писателей

Главные редакторы

Г. Скарлыгин

В. Крюков

Технический редактор

О. Карташов

Корректор

И. Киселёва

Редакция журнала принимает к рассмотрению авторские работы в электронном виде, набранные на компьютере на страницах формата А4, размер шрифта 12–14 кегль, гарнитура Times New Roman или Cambria.

Расширение файла doc, docx или rtf. Материалы, представленные в других форматах (txt, pdf, tif, jpg и т. д.), редакция не рассматривает.

Редакция знакомится с письмами читателей,
не вступая в переписку.

Адрес редакции: г. Томск, ул. Шишкова, 10.

E-mail: kryukov-49@mail.ru

© Составление и оформление: «Начало века», 2020 г.

Формат 70X108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,2. Тираж 100 экз.

Дата выхода журнала 10.09.2020 г. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания»,
г. Томск, ул. Пушкина, 40/1